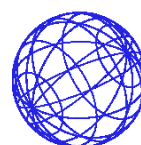

Я и Другой в языке и культуре

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

приоритет2030⁺
лидерами становятся

**Современная
наука
и инновации**

Я И ДРУГОЙ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Сборник материалов международной конференции,
студентов, аспирантов и молодых ученых

(г. Пермь, ПГНИУ, 30 октября – 3 ноября 2023 г.)

Пермь 2023

УДК 80
ББК 81.0
Я118

Я и Другой в языке и культуре [Электронный ресурс] : сборник материалов международной конференции, студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Пермь, ПГНИУ, 30 октября – 3 ноября 2023 г.) / отв. за выпуск Д. А. Сухоева ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 4,68 Мб ; 212 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/YA-i-Drugoj-v-yazyke-i-kulture.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4069-0

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции, студентов, аспирантов и молодых ученых «Я и Другой в языке и культуре», проведенной в рамках международной научно-практической конференции-форума «Современная наука и инновации» на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80
ББК 81.0

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» Пермского национального исследовательского политехнического университета, канд. филол. наук **О. В. Соболева**;

доцент департамента иностранных языков НИУ ВШЭ – Пермь, канд. филол. наук **Л. М. Пантелева**;

куратор экскурсионного проекта «Маршруты Перми» АНО «Агентство новых технологий», канд. филол. наук **Е. В. Орлатых**

Ответственный за выпуск **Д. А. Сухоева**

ISBN 978-5-7944-4069-0

© ПГНИУ, 2023

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'23

Михаил Павлович Васильев

студент кафедры лингвистического образования

Южный федеральный университет

mvasilyev15@gmail.com

ПОДХОДЫ ЭФФЕКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Работа исследует стратегии коммуникативного воздействия в англоязычной и русскоязычной рекламе, используя фразеологические единицы. В статье были выявлены и проанализированы стратегии коммуникативного воздействия в рекламе, основанные на использовании фразеологизмов, также был проведен сравнительный анализ их применения в англоязычной и русскоязычной рекламах. В ходе работы был проведен анализ фразеологических единиц, используемых в рекламе, собраны примеры из англоязычной и русскоязычной сферы и выявлены особенности их использования. Исследование позволяет лучше понять механизмы коммуникативного воздействия в рекламе и использовать их эффективнее для достижения целей рекламных кампаний.

Ключевые слова: фразеологическая единица; эффективная коммуникация; воздействие; русскоязычная реклама; англоязычная реклама.

Введение

В современном мире, где преобладает информационный шум и компании борются за внимание покупателя. Так, эффективная коммуникация становится одним из ключевых факторов успеха для рекламных кампаний. В данном случае, использование языковых средств приобретает особую роль, так как они способны вызывать эмоциональный отклик у человека, формировать позитивный образ бренда, оставаться в голове у аудитории на долгое время. Эти обстоятельства определяют актуальность работы.

С развитием глобализации и многоязычных рынков становится критически важным понимание, как фразеологические единицы могут влиять на восприятие рекламы и какие стратегии следует применять для успешного коммуникативного влияния.

Целью исследования является анализ и сравнение стратегий коммуникативного воздействия в англоязычной и русскоязычной рекламе с учётом фразеологических единиц.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы в текстах рекламы.

Предметом исследования являются стратегии коммуникативного воздействия, основанные на фразеологических единицах.

Были сформулированы следующие задачи:

1. Проанализировать фразеологические единицы, используемые в англоязычной и русскоязычной рекламе.
2. Исследовать восприятие фразеологических единиц и их влияние на потребителя.
3. Сравнить использование фразеологических единиц в контексте русскоязычной и англоязычной реклам.

Материалом работы послужили рекламные тексты отечественных и зарубежных банков.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что результаты данного исследования помогут расширить знание о языковых аспектах рекламы. Они также смогут служить основой для разработки более эффективной рекламной стратегии.

Практическая значимость исследования заключается в результатах, которые можно использовать как рекомендации для рекламных агентств, маркетологов и/или бренд-менеджеров.

В современном мире, где информация распространяется с высокой скоростью, а конкуренция на рынке продуктов и услуг неуклонно растет, эффективные коммуникативные подходы играют решающую роль в борьбе за внимание покупателя. Оптимальная реклама стала неотъемлемой частью бизнеса, ее результаты зависят от умения создавать заметные и запоминающиеся сообщения, с помощью которых происходит акт коммуникативного воздействия.

Проблемой коммуникативного воздействия занимались многие отечественные и зарубежные учёные. Из них можно выделить Д. А. Леонтьева, А. А. Леонтьева, И. М. Дзялошинского, М. Е. Агафонова и многих других. Для начала нужно определить, что такое «воздействие».

Воздействие – процесс оказания влияния на кого-то или что-то с целью изменения его состояния, поведения, мнения, решения или других характеристик. Так про коммуникативное воздействие пишет А. А. Леонтьев: «Воздействуя на реципиента, мы стремимся “спровоцировать” его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [Леонтьев 2019: 273]. По мнению И. М. Дзялошинского, воздействие – «это тип человеческого взаимодействия, имеющий социальную природу, для которого характерно изменение сознания и поведения реципиента, но не самого отправителя» [Дзялошинский 2012: 14].

Любой коммуникативный процесс можно описать с помощью следующих трех аспектов: внутреннее отношение автора сообщения к получателю и к самому себе, особенности сообщения в вербальной и невербальной форме и характеристика пространства, в котором происходит коммуникативное взаимодействие. В процессе коммуникации осуществляется деятельность, общение и познание, так как процесс общения представляет собой активный обмен важной

информацией, благодаря которому происходит выработка общего смысла. Коммуникативное воздействие считается эффективным, если в процессе общения произошло изменение типа отношений между участниками коммуникации [Лебедев, Боковиков 1995].

Так как мы говорим о коммуникативном воздействии в рекламе, то следует уточнить, что такое реклама. В общем, любая информация, направленная на привлечение внимания к товару или услуге, считается рекламой. С психолингвистической стороны реклама, по мнению А. А. Леонтьева, – «это воздействие на психику реципиента, которое изменяет установки и мотивы получателя информации, его сознание и подсознание, а также структуру личности» [Леонтьев 1997: 182]. Рекламодатель должен решать конкретные задачи, такие как: 1) обеспечение канала воздействия рекламы; 2) психологическое включение в рекламу; 3) возникновение эффекта доверительности; 4) создание имиджа источника рекламы [Леонтьев 1997].

Как можно заметить, реклама должна привлекать реципиента. Аудитория рекламы должна быть заинтересована текстом рекламы, её посылом. В этом случае прибегают к фразеологии. Фразеология – это раздел лингвистики, изучающий устойчивые выражения, лексические обороты и выражения, то есть фразеологические единицы. По мнению В. В. Виноградова, «фразеологизм или фразеологический оборот – это лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [Виноградов 1997: 415]. Фразеологические обороты используются в литературе, в кино, в текстах всех жанров и стилей. Без знаний фразеологических единиц невозможно понять картину мира, оценить объективно смысл высказываний.

Фразеологические единицы в рекламе

Нам показалось интересным рассмотреть практическую ценность фразеологизмов. Люди используют фразеологические единицы для эмоционального представления своей позиции и эффективного воздействия на слушающего. Такое коммуникативное влияние легко достигается из-за сложности семантической структуры фразеологизмов и их способности вызывать ассоциативные связи.

Существует множество классификаций фразеологических единиц, однако в рамках нашей работы мы будем использовать классификацию Ю. С. Бернадской, так как она изучала, как фразеологизмы функционируют в рекламных текстах. Согласно классификации Ю. С. Бернадской, можно выделить четыре формы фразеологических единиц в рекламе:

1. Парафраз – замена одного из элементов фразеологического оборота.
2. Чистый фразеологизм – использование фразеологизмов в первоначальном виде или с незначительными изменениями, например, путём добавления слова из рекламы.
3. Переосмысленный фразеологизм – явление, при котором выражение теряет свой первоначальный смысл из-за неразрывной связи с предметом рекламы.

4. Использование фразеологических единиц для создания уникальной ассоциации с брендом [Бернадская 2008: 76].

В рекламных слоганах очень часто используются фразеологизмы, которые из-за частоты употребления приобретают символическое значение, связанное с определённым брендом. Некоторые рекламные слоганы со временем превращаются во фразеологические обороты в процессе рекламной коммуникации.

Для настоящего исследования мы отобрали и проанализировали слоганы отечественных и зарубежных банковских организаций.

Слоганы зарубежных банков

Банк Frost предлагает резкий слоган: «*We want all your money... to stay safe*» [Harman]. Компания Frost взывает к эмоциям, пытаясь якобы «забрать» деньги у потребителя услуг.

Онлайн-банк SoFi рекламирует свои услуги слоганом: «*Personal loans, made more personal*» [Bankbound]. Банк заостряет внимание на мировоззрении американцев – желание свободы и личного пространства.

Банк American Bank Centre предлагает людям: «*Deposit your money on your time*» [Adrenaline American Bank]. American Bank Centre использует парафраз. Вместо *in your own time*, то есть в то время, как вы не работаете, используется *on your time*, то есть время, в которое вам удобно.

Банк Bankia, рекламируя банковские услуги, использует сравнение: «*Your business, as the best wine: balanced*» [CLV 'Wine'].

Банк Ally Bank ведёт агрессивную рекламную компанию. Данная организация имеет несколько рекламных текстов: «*You know what I hate about going to the bank? Going to the bank*» [Deluxe Ally Bank's]. Организация заостряет внимание на том, что их сервис работает в онлайн-режиме, что делает его лучше других банков. Ally Bank также акцентирует внимание на «надписи мелким шрифтом» и продвигает такой слоган: «*I don't know what that thing is, but keep it away from my money*» [The Financial Brand].

Банк SGBL рекламирует свои услуги таким образом: «*Offer your loved ones the freedom of choice*» [Identity Chef]. Как и с онлайн-банком SoFi, SGBL показывает, что банк уважает «свободу» клиентов.

ICB Islamic Bank использует слоган: «*Our souls will fly in the free sky of independence*» [ICB Islamic Bank]. Как SoFi и SGBL, Islamic Bank показывает, что компания осознает важность «независимости» потребителя.

Слоганы отечественных банков

Абсолют Банк предлагает такой слоган: «*Осталось родить сына, дом – в кредит, дерево – в подарок*» [Абсолют Банк]. Банк использует переосмысленный фразеологизм «построить дом, посадить дерево, вырастить сына».

Альфа-Банк продвигает услуги через такие слоганы: «*Вернете потooooом*» [Deluxe Interactive] – банк использует данный стилистический приём, чтобы акцентировать внимание на то, что они предлагают более длинные сроки возврата кредита; «*В нас вселился БЕЗ*» [Альфа Банк], – Альфа-Банк использует

парафраз, рекламируя услугу для бизнеса; «С Альфа-Картой не за что краснеть!» [Task & Solution Marketing] – официальный цвет Альфа-Банка красный поэтому организация предлагает использовать фразеологическую единицу для создания определенной ассоциации с брендом.

Тинькофф Банк использует слоганы для рекламы: «*Леопард в кошельке, а не в клетке*» [Тинькофф Банк 2023], – Тинькофф использует противопоставление, продвигая новый дизайн карты с леопардом; «*Он такой один*» [Тинькофф Банк 2021] – официальный слоган Тинькофф Банка. Данный слоган вызывает к эмоциям и делает акцент на том, что Тинькофф является единственным онлайн-банком без отделений на территории Российской Федерации.

Райффайзен Банк предлагал клиентам кешбек с таким слоганом «*ДАЕМ ПЯТЬ % с ваших покупок*» [Райффайзен Банк], – банк использует чистый фразеологизм «дай пять» с добавлением слова «процент», указывая на 5% кешбека.

ВТБ проводит агрессивную рекламу по разным банковским услугам: «*Раз, два – и вы дома*» [ВТБ Ипотека], – ВТБ использует парафраз «раз, два» для рекламы ипотеки; «*Деньги на вырост*», – банк снова использует парафраз для продвижения кредита; «*Покупай сейчас, а плати PLAT/ON*» [ВТБ Кредитная], – ВТБ прибегает к игре слов в рекламе собственной карты, используя парафраз. Слово «потом» созвучно с именем философа Платона. Он и фигурирует в рекламном тексте ВТБ.

Национальный Банк Траст предлагает услуги по вкладам с помощью такого слогана: «*Вырастим капусту вместе!*» [Ark Scholz & Friends]. «Капуста» в сленге означает «деньги», а банк предлагает нарастить капитал с помощью процентного вклада.

Русский Стандарт Банк предлагает кредит, используя такой слоган: «*Меньше слов – больше денег!*» [Банк «Русский Стандарт»]. Банк прибегает к парафразу, заостряя внимание на том, что получить деньги становится легче и быстрее.

Выводы

Как можно заметить, банки часто прибегают к использованию фразеологических единиц в рекламе собственных услуг. Как показало исследование, основная стратегия в англоязычной рекламе заключается в использовании сильных эмоций и вызове у потребителя желания свободы и персонального пространства, то есть культурной особенности. Фразеологические единицы в англоязычной рекламе используются для создания эмоций у целевой аудитории и побуждения ее к действию.

В русскоязычной рекламе, в свою очередь, на наш взгляд, стратегия коммуникативного воздействия базируется на использовании национальных, культурных и исторических особенностей. Фразеологические единицы в русскоязычной рекламе часто используются для выделения преимуществ, предоставляемых банками услуг, а также для создания образа рекламного продукта и его уникальности.

В результате исследования можно сделать вывод, что использование фразеологических единиц в рекламе является одним из инструментов коммуникативного воздействия на потребителя. Однако стратегии коммуникативного воздействия в англоязычной и русскоязычной рекламе имеют свои особенности, обусловленные языковыми и культурными различиями. Как представляется, При разработке рекламных кампаний необходимо учитывать эти особенности, чтобы достичь максимального эффекта в коммуникации с потребителями.

Список источников

Harman B. Frost Bank Ad. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://benharman.com/wp-content/uploads/2011/11/FrostAllYourMoneyAd.jpg> (Дата обращения: 20.09.2023).

Bankbound Band Advertising Ideas, Examples & Principles, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankbound.com/wp-content/uploads/2020/11/SoFi-ad.png> (Дата обращения: 20.09.2023).

Adrenaline American Bank Center's Campaign Capitalizes On Style. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.adrenaline.com/app/uploads/media/images//American_Bank_Centers_Right_Plac.2e16d0ba.fill-3840x2100-1440x810.png (дата обращения: 20.09.2023).

CLV 'Wine'. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://image.adsoftheworld.com/7mnq1dmvnol0l3zrg3odoqonzpid> (Дата обращения: 20.09.2023).

Deluxe Ally Bank's New Print Ad. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deluxe.com/content/dam/deluxe/us/en/home/blog/fi-migration/Blog100113ABAd.jpg> (Дата обращения: 20.09.2023).

The Financial Brand Creative Showcase: Fresh Marketing Concepts in Banking. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://thefinancialbrand.com/wp-content/uploads/2014/12/ally_bank_asterisk_disclosure.jpg (Дата обращения: 20.09.2023).

Identity Chef Christmas Related Ads in Print – Happiness in a Plastic Card. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://identitychef.files.wordpress.com/2009/12/10014.jpg> (Дата обращения: 20.09.2023).

ICB Islamic Bank. Bank Press Ad for Victory Day. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deviantart.com/shahedwork09/art/Bank-Press-Ad-for-Victory-Day-117560893> (дата обращения: 20.09.2023).

Абсолют Банк. Осталось родить сына. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://absolutbank.ru/about/press/news/16253/> (Дата обращения: 26.09.2023).

Deluxe Interactive. «Альфа-банк» предложил вернуть кредит потом. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/articles/rus/2012/03.07/news/images/zh.jpg> (Дата обращения: 26.09.2023).

Альфа Банк. В нас вселился "БЕЗ" – Пакет услуг для бизнеса "Безупречный старт"! 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BkfrVI6-6Vk> (Дата обращения: 26.09.2023).

Task & Solution Marketing. Как я придумал слоган для Альфа-банка и сколько заработал. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/4719986/pub_60c648a3aa55f7425462c2ba_60c64d01fec57a5bea8b9fc6/scale_2400 (Дата обращения: 26.09.2023).

Тинькофф Банк. Тинькофф Банк дарит школьникам и студентам 10% кэшбэк за траты на фастфуд и рестораны по молодежной карте. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://moneyzz.ru/sites/default/files/inline-images/tinkoff-mol.png> (Дата обращения: 26.09.2023).

Тинькофф Банк. Тинькофф он такой один. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tmsearch.onlinerepatent.ru/images/478/478a2ddf-608b-4402-b6df-ea22267bf9d4.jpg> (Дата обращения: 26.09.2023).

Райффайзен Банк. Реклама Райффайзен Банк (печатная реклама). 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://pretesting.ru/wp-content/uploads/2015/06/raiffeisen_30-06-2015.jpg (Дата обращения: 26.09.2023).

ВТБ Ипотека 2021-2022 обновленная линейка продуктов Банка ВТБ. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://krasnoslobodsk-admin.ru/images/vitipoteca_5e96d14185bf8.jpg (Дата обращения: 26.09.2023).

ВТБ Кредитная карточка PLAT/ON от банка ВТБ. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belta.by/images/storage/news/with_archive/2021/000022_1630586849_458092_big.jpg (Дата обращения: 26.09.2023).

Ark Scholz & Friends. Печатная реклама "Раздаем капусту", бренд: Национальный банк Траст. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://media.advertology.ru/2010/04/01/TRUST_vklady.jpg (Дата обращения: 26.09.2023).

Банк «Русский Стандарт». Для своей рекламы банк «Русский стандарт» отбирал модели на конкурсе красоты. 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.advmarket.ru/add_news/images_real/7a6b7cc0ff97fd74caef06f379543abf_.jpg (Дата обращения: 26.09.2023).

Список литературы

Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. для студ. вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Флинта: Наука, 1997. С. 140-161.

Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.

Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: Академия, 1995. 144 с.

Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Издание 2, стереотипное / под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М.: Смысл, 2019. 271 с.

Леонтьев А. А. Психология общения. М., 1997. С. 273. 365с.

M. P. Vasilyev

Student of the Department Linguistic Education
Southern Federal University

**APPROACHES OF EFFECTIVE COMMUNICATIVE INFLUENCE BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS
IN ENGLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE ADVERTISING**

This paper studies the strategies of communicative influence in English- and Russian-language advertising using phraseological units. The authors have identified and analyzed the strategies of communicative influence in advertising based on the use of phraseological units, and compared their use in English- and Russian-language advertising. The work analyzed the phraseological units used in advertising, collected examples from the English and Russian-speaking sphere, and revealed the peculiarities of their use. The study allows us to better understand the mechanisms of communicative impact in advertising and use them more effectively to achieve the goals of advertising campaigns.

Key words: phraseological unit; idiom; influence; Russian-language advertising; English-language advertising.

Анастасия Алексеевна Говейнович
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
goveinovich.anastasia@yandex.ru

МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ В ТЕКСТАХ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются результаты исследования, цель которого – выявить и объяснить активные процессы в синтаксисе монологических текстов сетевой коммуникации. Показано, что в текстах онлайн-коммуникации высока роль анафорических комплексов без антецедента, которые используются в качестве связи между предложениями, а также дейктика 2-го лица и обращений. Отмечена высокая частотность в исследуемых текстах парцеллированных и присоединительных конструкций.

Ключевые слова: онлайн-коммуникация; синтаксис текста; монологический текст; межфразовые связи; анафоры.

Введение

С развитием современных коммуникационных технологий текст все чаще оказывается в центре внимания лингвистов. Интернет, социальные сети, мессенджеры и множество других онлайн-платформ создали поистине безграничное количество текстового материала, причем благодаря компьютерным технологиям анализ огромных массивов текстовой информации становится более эффективным и адекватным. Можно предположить, что глобализация и компьютеризация коммуникативного пространства создает условия для более динамичных процессов в эволюции языковых средств и механизмов текстовой деятельности, в том числе порождения монологических текстов с той или иной интенциональной основой и коммуникативными установками. Изменения в новых условиях коммуникации (в онлайн-коммуникации), на наш взгляд, отражаются в первую очередь на синтаксисе связного текста. Это обусловило повышенный интерес к изучению процессов, связанных с порождением, передачей и восприятием текста.

Изучение текста как объекта исследования приобрело особую актуальность с начала XX в. В 1940–1950-е гг. благодаря работам Н. С. Поспелова многие лингвисты обратили внимание на феномен сложного синтаксического целого (ССЦ), но, несмотря на его активное изучение, лингвистика текста как отдельная дисциплина начала формироваться лишь к 1960–1970-м гг. В это время активное внимание уделялось изучению структуры текста. К концу 1970-х гг. лингвисты изучают уже не связь между предложениями, а непосредственно сам текст [Шарипов, Эшонкулов 2022].

И все это время не утихала дискуссия о том, что же такое «текст». Одни лингвисты считают, что текстом можно называть лишь то, что представлено в письменной форме; так, И. Р. Гальперин пишет, что «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в

виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. По мнению ученого, устная форма реализации речевого произведения не является текстом, так как устная речь спонтанна и не обладает четкой структурой. Другой точки зрения придерживается Л. Н. Мурзин, основатель пермской школы дериватологии. С позиций теории деривации, «текст – это не просто продукт речевой деятельности, но и сам процесс его создания» [Мурзин, Штерн 1981: 3]. Важно иметь в виду, что создаваемый адресантом текст содержательно во многом не совпадает с тем текстом, который воспринимается адресатом.

Несмотря на множество подходов к пониманию текста, он может быть определен как последовательность словесных знаков, обладающая свойствами *связности* и *цельности*. Именно на базе этих двух категорий лингвистика текста сформировалась как отдельная дисциплина.

Связность представляет собой систему формально (сегментно и супрасегментно) выраженных отношений между частями текста, находящимися как в непосредственной близости, так и в той или иной степени удаленными друг от друга. Ученые различают также связность локальную и глобальную. Локальная связность понимается как взаимосвязанная линейная последовательность знаков, а глобальная – как средство обеспечения смысловой цельности текста [Валгина 2003: 26]. Цельность текста подразумевает, что текст представляет собой законченное произведение, в котором каждый элемент имеет смысловую связь с другими элементами. Л. Н. Мурзин, говоря о цельности текста, связывает ее с ситуативностью. Мы владеем языком лишь в том случае, если мы за языком видим внеязыковую ситуацию. Если перед нами текст с огромным количеством незнакомых слов, то даже при попытке связать части текста вместе, мы не получим цельного текста, так как мы не сможем увидеть за ним внеязыковую реальность [Мурзин, Штерн 1981: 22]. «Если рассматривать текст как процесс», – замечает М. Я. Дымарский, – то он уже изначально имеет предпосылки для создания некоего целого; если же смотреть на текст, как на продукт, то он воплощает эти предпосылки в материальное целое [Дымарский 2006: 24].

Кроме указанных категорий (основных для конкретного текста), языковеды выделяют такую категорию, как интертекстуальность (гипертекстуальность), под которой понимается соотнесенность конкретного текста либо с определенным типом (жанром) текста, либо с другим или другими текстами [Филиппов 2003: 129–130]. Второе толкование долгое время оставалось как бы в тени, однако активные процессы в современном коммуникативном пространстве способствовали тому, что интертекстуальность (гипертекстуальность) в таком понимании стала одной из центральных категорий синтаксиса текста.

Впервые понятие гипертекст появилось в 1960-х гг. благодаря работам Т. Нельсона, который, однако, связывал данное понятие только с электронными текстами. Гипертекст в его трактовке представляет собой «непоследовательное

писание – текст, которых разветвляется и дает выбор читателю»; «это серии кусочков текста, соединенных связями, которые предлагают читателю различные пути» [цит. по: Белозёрова 2000: 65]. Позже понятие гипертекста было распространено и на привычные нам печатные тексты – научные или художественные. Так, читая статьи, мы постоянно сталкиваемся с различными ссылками на другие источники, тем самым выходим за рамки данного текста.

Как мы уже отмечали ранее, благодаря новым условиям коммуникации в языках протекают более динамичные, чем в прежние эпохи, изменения, наиболее значительные – в лексике и фразеологии, а также в синтаксисе, причем изменения в синтаксисе текста, как мы полагаем, наиболее заметны в текстах онлайн-коммуникации. Вот почему изучение в этом аспекте текстов сетевой коммуникации становится в наше время все более актуальным. Ср., например, исследование Е. В. Холодковской, посвященное синтаксису текста англоязычных комментариев в социальной сети «Facebook», где отмечается, что большую роль в синтаксисе играет тенденция сближения письменного интернет-общения и устной речи [Холодковская 2014: 79]. В. А. Шульгинов, исследуя особенности интернет-коммуникации, пишет, что «интернет-среда порождает особый дискурс, в котором происходит демократизация языковых норм, сближение устной и письменной речи, сокращение дистанции между автором и читателем» [Шульгинов 2014].

Исследование межфразовых связей

В данной работе мы сосредоточили внимание на описании изменений в системе средств, реализующих категорию связности, т.е. межфразовых связей. Источником послужила социальная сеть «ВКонтакте» и видеохостинг «YouTube».

Исследование взаимосвязей между отдельными высказываниями в монологических текстах сетевой коммуникации выявило, что тексты «доинтернетной» и «интернетной» эпох обладают, в целом, типологически едиными характеристиками. Наиболее часто встречающимися средствами межфразовых связей являются *анафоры*, т.е. слова, смысл которых «генерируется» коммуникантами благодаря отсылкам к предшествующим (как правило) компонентам текста. В их роли чаще всего используются анафорические местоимения, лексические повторы (с действительными определениями типа *этот, такой, указанный*), синонимы и перифразы слова-антецедента.

Рассмотрим эти средства на следующем примере: «*Да, жаль Анну. Да, это вообще не характеризует его как мужчину, ибо нападать на женщину удел слабака! Но, сюда-то зачем? Пожалеть ее за то, что она сама допустила когда-то такое отношение к себе, ведь к этому шло не один день, уважать и любить себя нужно, а родители его тут при чем?*» [Подслушано Александровск]. Мы видим, что в первом предложении содержится антецедент «Анна» в препозиции и его анафоры: *ее, она, себе*. Таким образом, все отдельные высказывания данного сверхфразового единства (СФЕ) связаны друг с другом и с первой фразой посредством анафорических местоимений. Но в анализируемом тексте есть и нечто специфическое, свойственное именно сетевому контенту: наличие анафорических слов *его, родители его*, не имеющих антецедента в пределах данного мо-

нологического СФЕ и понятных поэтому лишь тем пользователям сети, кто знаком с содержанием некоторого множества предшествующих текстов, связанных с обсуждаемой темой и образующих своего рода гипертекст-полилог.

Следующим наиболее частотным способом связи как для текстов «доинтернетной», так и «интернетной» эпохи являются союзы, вводные слова и межфразовые коннекторы. Данный тип связи также встречается практически во всех проанализированных нами текстах. Союзы позволяют устанавливать логические отношения между различными частями текста, указывая на причинно-следственные связи, сходство, противопоставления и другие отношения.

В то же время были выявлены и особенности в способах установления связей между частями монологического текста онлайн-коммуникации. Первое из них заключается в наличии анафорических местоимений без антецедентов. Пользователь, полагая, что те, кто прочтет его комментарий, уже ознакомлены с внеязыковой реалией, считает излишним снова описывать объект или ситуацию. Данное явление характерно для разговорной речи, когда мы уже заранее знакомы с некой внеязыковой ситуацией. Вот характерный пример: «*Были там 1972–1973. Мне было 9 лет) Как раз показали памятник **нашему** моряку. Я помню, что мы ездили **туда**. Как раз был отлив и мы ловили крабов. **Там** из СССР тогда были Рыбаки и Строители. Строился завод и мой папа был туда командирован инженером-электриком. Интересна судьба этого завода, что с ним теперь? Жили **там** в 2х особняках все Строители. Не помню **такого** мусора, как сейчас. Там были красивые дома и мечети. Вечером выли шакалы и пел мулла. **Нас** вывозили и на реку – отдыхать и купаться. И на Бенгальский залив. Спасибо за выпуск. Как в детстве побывала. Надеюсь увидеть какие-то знакомые места. Но пока не досмотрела. Может еще и увижу))*» [Бангладеш, тут плохо].

Данный текст представляет собой комментарий, оставленный под одним из видеороликов. На протяжении всего текста встречаются анафорические слова *там, такого, нашему, нас* без антецедента. Очевидно, что часть этих анафоров указывает на то, о чем говорилось в видео, и из данного комментария мы можем понять, что речь в видеоролике шла о каком-то месте, находящимся недалеко от Бенгальского залива. Однако информации в тексте и наших собственных знаний не хватает, чтобы расшифровать, где это место находится; кроме того, автор использует местоимения *нас* и *нашему*, которые, имея непосредственное отношение к автору, все же не облегчают задачу расшифровки текста. Использование анафорических местоимений и их аналогов без антецедентов указывает на то, что для текстов сетевой коммуникации очень важна категория гипертекстуальности, о которой мы писали выше. Комментарии под видеороликами или постами в социальной сети – это не просто группа текстов, связанных между собой общей темой, это гипертекст.

Еще одним очень важным отличием, указывающим и на большое влияние разговорной речи, и на важность гипертекстуальности как текстовой категории является использование в достаточно больших объемах дейктиков 2-го лица и обращений. Данное явление характерно для диалогов, но обнаруживается и в монологических текстах. Использование дейктиков и обращений в монологах сетевой коммуникации само по себе не является чем-то типологически особенным

(всякий монолог, как известно, диалогичен, поскольку не только кому-то адресован, но и, по М. М. Бахтину, вступает в диалог с множеством других текстов), но именно для сетевого контента эти средства оказываются наиболее характерными. Они способствуют прямому взаимодействию между автором текста и аудиторией, создавая ощущение близости, приближая онлайн-коммуникацию по степени воздействия к личному общению «офлайн-коммуникации».

Следующей особенностью текстов сетевой коммуникации является частое использование приемов парцелляции и присоединения. В художественных текстах «доинтернетной эпохи» парцелляция применяется как стилистический прием, аналогичные явления в синтаксисе текстов сетевой коммуникации также могут выполнять стилистические задачи, однако, с нашей точки зрения, такого рода синтаксические структуры следует трактовать как присоединение – «порождение вдогонку», обычное для спонтанной разговорной речи (например: *«Оксана, рассказала только маленькую часть. Я и мои братья прошли подобное. Выкинули детей из дома в 13 лет. Меня чуть позже. Но результат всегда один. Если каждый бы так рассказал, весь мир ужаснулся бы от того, что происходит рядом и особенно от таких “благочестивых верующих”»* [Каково расти]). Конечно, набирая текст на клавиатуре, мы имеем возможность что-то исправить, но зачастую люди не обращают на это внимание, не считают нужным тратить время на исправления.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить тот факт, что с появлением Интернета, глобализацией и компьютеризацией коммуникативного пространства способности межфразовой связи в текстах претерпели определенные изменения. Эти изменения произошли благодаря активному влиянию разговорной речи на письменный текст, увеличению значимости такой текстовой категории как гипертекстуальность. Общение в Интернете носит неформальный характер, поэтому люди, чувствуя себя более свободными от норм кодифицированного языка, обращаются к узусу разговорного языка. Возможно, это связано с тем, что нам недостает живого общения («офлайн-коммуникации»), и использование особенностей разговорной речи позволяет сделать текст более легким для восприятия; такой текст, наверное, теплее воспринимается аудиторией, его считают более искренним, поэтому люди, набирая текст на клавиатуре, осознанно или интуитивно опираются на коммуникативные навыки, используемые в обиходно-разговорной сфере. Кроме того, изменения, коснувшиеся синтаксиса монологического текста, можно связать с особым форматом передачи информации, который обусловлен так называемым клиповым мышлением. Типом мышления, приводящим к тому, что люди сейчас попросту не могут воспринимать объемные тексты: чем более компактным и лаконичным будет текст, тем больше вероятность того, что он привлечет внимание аудитории.

Список источников

Подслушано Александровск (сообщество) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-63251173_749139 (Дата обращения: 10.06.2023).

Бангладеш: тут плохо вообще всё | Помощь Индии, трупы на железной дороге и горы мусора (видео) [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/QazAaxJSCZ4?si=si_1qffjzLEpxi_W (Дата обращения: 30.05.2023).

Каково расти в тоталитарной секте (видео). [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/AAAjpctJxQo?si=pyG3vz5pBvGJBF7k> (Дата обращения: 30.05.2023).

Список литературы

Белозерова Н. Н. Теория гипертекста: кажущиеся противоречия // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 64-69.

Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв. М.: КомКнига, 2006. 296 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 171 с.

Холодковская Е. В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sintaksisa-anglo-yazychnogo-internet-kommentariya-sotsialnoy-seti-facebook> (дата обращения: 20.09.2023).

Шаринов А. Ш., Эшонкулов Б. Х. Лингвистика текста: история становления, развития и современное состояние // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. №03(83). [Электронный ресурс] URL: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvistika-teksta-istoriya-stanovleniya-razvitiya-i-sovremennoe-sostoyanie.html> (дата обращения: 30.04.2023).

Шульгинов В. А. Гипертекстовая структура сетевого дневника-сообщества как особого гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации: на материале сетевого дневника-сообщества "Владивосток": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2014. 30 с.

A. A. Goveinovich

Student of Philological Faculty

Perm State University

INTERPHRASE RELATIONS IN ONLINE COMMUNICATION TEXTS

The article considers the results of the research aimed at identifying and explaining active processes in the syntax of monological texts of online communication. It is shown that in online communication texts the role of anaphoric complexes without antecedents, which are used as a connection between sentences, as well as 2nd person deictics and appeals, is high. The high frequency of parcellated and acceding constructions in the studied texts is noted.

Key words: online communication; text syntax; monological text; interphrase relations; anaphors.

Яна Павловна Кушнина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
txt@yacreation.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЛЯНЦА

В современной, изменяющейся медиасфере с каждым днем усиливается процесс медиатизации – влияния медийных процессов на современное общество. В особенности это отразилось на информационных структурах общества и СМИ, в том числе на глянцевых журналах. Они до недавнего времени были основным источником модной информации, однако в последнее время модная журналистика сильно претерпевает сильные изменения. Через то, как преобразовались гляцевые издания можно понять, как поменялись СМИ и общество в целом в эпоху медиатизации.

Ключевые слова: гляцевый журнал; глянец; гламур; гламурный миф; медиа; медиатизация; информационное общество; дискурс.

Введение

Более полувека назад современное общество начало функционировать в рамках нового типа общества, которое эволюционировало из индустриальной эпохи. М. Маклюэн стал одним из первых, кто заметил изменения и описал данное явление как «глобальная деревня» [Маклюэн 2004]. Благодаря технологическому прогрессу земной шар стал единым коллективом, наполненным новыми социальными конструктами. Современное общество сейчас переходит на следующий этап развития, который можно назвать «информационным».

«Информационное общество – это общество, в котором главным ресурсом является информация, большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации и знаний» [Гурфова, Шумахова 2019: 36]. В таком типе общества, к которому человечество постепенно приближается, знания играют ключевую роль и являются высшей ценностью. Их количество постоянно увеличивается благодаря технологическому прогрессу, который позволяет каждому человеку создавать контент с помощью персональных компьютеров, смартфонов и доступу к открытым онлайн-платформам. Благодаря этим условиям произошел информационный бум. Однако сегодня множественные данные и весь созданный контент не находятся в хаотичном пространстве, а существуют в четкой и последовательной структуре. В интернет-среде вокруг знаний сформировалось медиапространство, которое регулирует потоки информации и коммуникацию между людьми.

Новое мироустройство и процессы, протекающие в нем, которые возникли с новой эпохой, повлияли на способы мышления людей. Для определения этих изменений Дж. Томпсон ввел понятие *медиатизация (mediation)* (цит. по: [Дзялошинский, Дзялошинская 2015: 31]). В его понимании, термин означает

процесс подчинения современного сообщества влиянию масс-медиа. У отечественных исследователей, например Л. И. Земляновой, данный термин изначально характеризовал ситуацию, где СМИ становятся главным институтом общества [Землянова 2002]. В научном пространстве еще не до конца сформировался единое определение для этого явления, так как процесс до сих пор видоизменяется.

Медиатизация является одним из ключевых этапов перехода в информационное общество. Она базируется на качественном обновлении системы интеллектуального творчества, которое обеспечивает ее свободу в условиях интеллектуализации общественного труда. Медиатизация также приводит к изменению способов восприятия информации, формированию общественного мнения и принятию решений. Процесс перехода в виртуальное пространство из реального непосредственно связан с этим явлением. Оно происходит через копирование явлений физического мира, преобразования и переноса в онлайн-среду.

За счет этих процессов в новом медиапространстве возникает медиакультура, которая формируется как сложная и динамическая система. Изначально она повторяет человеческие взаимодействия и реальные культурные ритуалы, но затем на их базе возникают новые, виртуальные традиции и характеристики. К современной медиакультуре относится технологическая мозаичность, быстротечность сюжетов, яркие краски описания и визуализации, а также быстрое переключение внимания, по аналогии с переключением ТВ-каналов [Кирилова 2011].

Современная медиакультура обладает позитивными характеристиками: множественные и доступные информационные ресурсы, мгновенная передача информации, всесторонняя коммуникация, а также большое количество информации для индивидуального развития и реализации творческого потенциала. При этом данной культуре присущи деструктивные свойства: огромные потоки данных, усложненные онлайн-взаимоотношений, популяризация заведомо ложных данных, информационные войны.

С течением времени в медиапространстве начали возникать средства упорядочивания информации и регулирования человеческого взаимодействия. После появления условных правил общения и нахождения в сети, возник полноценный комплекс сдержек и противовесов. Спустя некоторое время, политические структуры общества начали переносить свое влияние на медиапространство. Постепенно медиакультура из свободного, самоорганизованного пространства стала продолжением политического влияния. Иными словами, произошла медиатизация и расширение политических процессов. Вследствие чего, можно сделать вывод, что медиапространство стало более сегментированным и более политизированным [Козлова 2015: 430].

Одним из структурных элементов медиакультуры являются СМК – средства массовой коммуникации. Их основной функцией является создание сообщений, рассчитанных на массовое сознание. СМК не только помогают ориентироваться в медиасреде, но и сами создают новые идеи.

Медиатизация в глянце

СМИ также продолжили управление и регулирование медиапотоков и сообщений в сети. На СМИ процессы медиатизации отразились ярче всего, так как они являются и частью информационного потока, и средством политического влияния. Процесс медиатизации затронул все разновидности СМИ, в том числе глянцевого журналы.

Изначально глянцевые журналы получили свое название из-за использования блестящей бумаги для печати. А. А. Слепцова и О. В. Ромахи идентифицируют глянец как: *«иллюстрированное периодическое печатное издание, высокого полиграфического качества, самой разнообразной тематики»* [Слепцова, Ромахи 2008: 247]. В дальнейшем идентификация глянца стала связана не столько с физическим воплощением, сколько с идеей проекта: презентация идеальной жизни и пути ее достижения. *«Глянцевый журнал – это журнал, который рассчитан на определенную читательскую аудиторию и основной целью которого является формирование определенного стиля жизни у читателя и помощь в достижении успеха, путем освещения различных аспектов деятельности в современной городской жизни, фокусируясь на красоте и гендерных коммуникациях»* [Слепцова, Ромахи 2008: 249].

Базовые характеристики глянцевого журнала можно поделить на две группы: визуальное воплощение и содержательная часть.

К первому относится хорошее качество печати, насыщенность цветопередачи, плотная глянцевая обложка, а также яркие художественно-выразительные фотографии, креативные иллюстрации, которые отображают образы конвенциональной красоты. Символическим языком эпохи глянцевой журналистики стала яркая иллюстрация, через которую формировалась система ценностей, определялись социально-гендерная коммуникация и актуальная модная повестка. Т. Р. Умарова описывает дискурс глянца как репрезентацию особой ментальности, результатом которой является формирование ценностной ориентации общества, что постигается способом подачи материала, конструирующим образ и стиль современного человека [Умарова 2016: 145].

Как представляется, основной целью глянца является *передача образа жизни (lifestile)*. Глянцевый журнал транслирует канон жизнеустройства и необходимые элементы для его воплощения: *«Читая журнал, человек получает более или менее полное представление о стиле жизни той социальной группы, к которой принадлежит или хочет принадлежать. Причем, получает эту информацию, касающуюся самых разных сторон своих отношений с миром, человек между строк впитывает философию, образ мыслей, способы коммуникации и вообще язык (в широком смысле слова), которые присущи этой социальной группе»* [Слепцова, Ромахи 2009: 174].

Именно эта идея заложена в *гламурном мифе*, который наполняет весь глянец и становится идеологией для модных журналистов. Первый главный редактор журнала «Vogue» А. С. Долецкая отмечала, что любой предмет в их журнале подается особо, «по-воговски». В качестве примера можно привести статью об А. А. Ахматовой, которая в контексте глянцевого журнала выступает как икона стиля. *«Создаваемый (журналом “Vogue”. – Е.С.) миф надо было преподнести*

на страницах журнала, как миф, которому следует верить. Одновременно – не превратить миф в эфемерную бессмысленность и сделать так, чтобы этот миф (он же журнал) покупали не только те, кто может позволить себе покупать вещи, составляющие этот миф, но и те, кто далек от того, чтобы купить, говоря фигурально, одну десятую страницы “Vogue”» [Сатарова 2010: 225].

Гламурный миф связан с продажами через журнал. Издатели рассказывают об идеальном образе жизни, идеальной фигуре, идеальных отношениях, к которым необходимо стремиться, подчеркивают исключительность, а затем говорят, с помощью каких действий и товаров можно достичь этого образа жизни или хотя бы приблизиться к нему. Схема характерна для любого глянцевого издания. При этом женские журналы имеют большую популярность и высокий фактор вовлечения. Во многом это обусловлено психологическими аспектами и гендерными нормами [Кайдогарова 2009: 224]. Таким образом, гламур стал культурной универсалией. Он важен не только для специальной журналистики, но и «наполняет» модную индустрию, влияет на продажи и сознание своих читательниц.

Пик развития женских глянцевых журналов пришелся на 1990-е гг. и 2000-е гг. Топовые глянцевые журналы открывали филиалы по всему миру, их тиражи исчислялись десятками тысяч, они являлись центром модной культуры, и были важным элементом процесса глобализации. Об этом говорит С. М. Эбботт: «Глобализация через глянец – это когда женщина, живущая в Париже, и женщина из небольшого турецкого городка могут открыть журнал «Vogue» и одновременно увидеть показы с Парижской или Нью-Йоркской недели моды, узнать тенденции этого сезона» [Эбботт 2012: 58].

Новые технологии XXI в. полностью изменили мир журналистики. Интернет как медиаплатформа предоставил СМИ новые способы подачи информации и инновационные стратегии продвижения медиа посредством механизмов сочетания контента и способов его распространения. Претерпевая изменения, в большинстве своем глянец адаптировался к новым вызовам времени.

Изначально журналы использовали свои сайты, чтобы дублировать материалы и использовать их для продвижения печатных версий. Однако со временем стало необходимо создавать уникальный контент для интернета, чтобы быть конкурентоспособными. Так большинство издательских домов и информационных агентств пошли по пути конвергенции: вместе с выпуском физической версии журнала стали создавать электронные публикации.

Следующим шагом стала адаптация гламурных СМИ к наиболее противоречивому феномену новой медиасреды – *социальные СМИ*. Они предложили своей аудитории совершенно новые алгоритмы взаимодействия и включенного участия, поскольку такие традиционные онлайн-медиа, как сайт или форум, проигрывают в оперативности и комфортности получения информации.

Данная тенденция заметна не только на примере гламурных изданий. Сегодня преимущественное большинство СМИ выстраивают ленту, запускают прямые эфиры, делают коллаборации с другими пользователями, порой используют неофициальный стиль речи в публикациях. Для многих читателей удобен подоб-

ный формат. Аудитория может совмещать личные интересы: общаться в мессенджере, читать новости, участвовать в дискуссиях и т. д. Присутствие СМИ в социальных сетях увеличивает процент вовлеченности аудитории.

В современных условиях новостная функция глянцевого журнала утратила значимость. У читателей появилась возможность, не дожидаясь следующего выпуска журнала, самостоятельно знакомиться с образами парижских показов. Кроме того, журнал перестал быть исключительным источником информации о моде: бренды и селебрити начали самостоятельно создавать и публиковать контент на открытых площадках. Модные журналы с появлением интернета перестали быть единственным источником информации о гламуре.

Глянцевые журналы трансформировались, как и другие традиционные издания. Теперь у каждого журнала есть основная электронная платформа и аккаунты в социальных сетях. Например, у модного проекта «The Blueprint», кроме основной платформы (сайт), есть более девяти дополнительных площадок в социальных сетях. Журнал «Vouge», в свою очередь, создал приложение «Vouge Runway» исключительно для публикации образов с показов.

В глянцевых журналах после всех изменений, произошедших под влиянием медиатизации, неизменным остался гламурный миф. А. Маленков отмечает, что журналы – это *«источник ценного мнения о жизни в целом и её отдельных сторонах»*, что они будут процветать уже на других платформах: *«Платформа меняется, и мы понимаем, что бренд – это не просто вещь. Это твоя точка зрения, твой стиль, твоя интонация, твой голос, который ценится читателем. И не так уж важно, где он слышит этот голос: у себя в телефоне, с экрана компьютера, планшета или с бумажных страниц»* [Маленков 2019].

Выводы

В современном цифровом пространстве увеличивается значимость визуального контента и уменьшается текстовое содержание, поэтому глянец обладает преимуществом, так как изначально носил в себе «сильные» визуальные образы. Основа глянцевых журналов – интересный и красивый контент, не требующий больших усилий для ее переработки. Это сделало их лидером среди других СМИ в процессе медиатизации общества. Гламуризация и эстетизация любого контента, фокус на продажах через визуальный язык, а главное дискретность и простота информации – все эти явления стали распространены во всем медиапространстве благодаря традиции глянца, основанной на гламурном мифе. Эти приемы используются большей частью медиасоздателей сегодня: от топовых СМИ до личных блогов. Стилистика глянцевых журналов задавала направление изменения журналистики и медиакommunikаций в целом, что позволило медиатизации сформировать новый тип общества.

Список источников

The Blueprint [Электронный ресурс] URL: <https://theblueprint.ru> (Дата обращения: 18.11.2023).

Vouge [Электронный ресурс] URL: <https://www.vogue.com> (Дата обращения).

Список литературы

Гурфова Р. В., Шумахова К. С. Развитие информационного общества в России // Научные известия. 2019. №15. С. 36–39.

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Медиатизация социальной сферы // PR и СМИ в Казахстане. Сборник научных трудов // Сост. Л. С. Ахметова. 2015. Вып 9. С. 31–41.

Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2002. № 5. С. 83–97

Кайдогарова Е. М. Экспериментальное исследование гендероспецифичности концептов «женский журнал», «мужской журнал» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №119. С. 223 – 228.

Кирилова Н. Б. Медиакультура как объект исследования // Культурологический журнал. 2011. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-mediakultury-k-medialogii/viewer> (Дата обращения: 15.03.2023).

Козлова Е. Г. Медиатизация культуры и мифы современности // Современные исследования социальных проблем. 2015. №8 (52). С.428–437.

Маленков А. «Наши доходы от YouTube больше сайта и журнала вместе взятых» / беседовал Александр Цариков // Планерка, 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@planerka_org-aleksandr-malenkov-nashi-dohody-ot-youtube-bolshe-chem-ot-sa (Дата обращения: 15.03.2023)

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатающего Киев: Ника-центр, 2004. 432 с.

Сатарова Е. В. Мультимедийное пространство гламура // Вестник КГУ, 2010. №1. С. 223–226.

Слепцова А., Ромах О. В. Глянцевый журнал как жанр современной массовой культуры // Аналитика культурологи, 2008. №13. С. 247–250.

Слепцова А., Ромах О. В. Структура и содержание глянцевых журналов // Аналитика культурологии, 2009. №14. С. 170–176.

Умарова Т. Глянцевые журналы и их социальные и культурные ресурсы влияния на читателя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №11. С. 143–148.

Эбботт С. М. Женские глянцевые журналы в глобальном медиапространстве // Теория журналистики, 2012. №2. С. 58–61.

I. P. Kushnina

Student of Philological Faculty
Perm State University

MEDIATIZATION OF SOCIETY THROUGH THE PRISM OF GLOSS

Today, processes of mediatization (the influence of media on modern society) increase their influence every day. This has affected the media, including glossy magazines. They were the main source of fashion information for long time. Through how the glamorous media have changed, you can understand how the media and society as a whole have changed.

Key words: glossy magazine; glamour; glamorous myth; media; mediatization; information society; discourse.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕКСТАХ КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Социальная реклама может убедить аудиторию принять определенные концепции и изменить определенное поведение. В связи с этим в последние годы лингвисты обращают на социальную рекламу все больше внимания. В данной статье анализируется одна из коммуникативных стратегий китайской социальной рекламы – пропаганда семейных ценностей в китайской культуре. Объектом анализа служат тексты популярной в Китае социальной рекламы, функционирующей при гала-концерте по случаю Праздника весны Центрального телевидения Китая. Делается вывод о том, что идея о важности семейных ценностей воплощается в рекламных текстах посредством единства мультимодальных лексико-метафорических единиц и разнообразных средств видео-ряда.

Ключевые слова: национальные ценности; семья; мультимодальная единица; коммуникативная стратегия; картина мира.

Семейные ценности в китайской культуре

Китайцы испытывают сильную привязанность к семье. В традиционной китайской культуре данное понятие теснейшим образом связано с понятием родины / Родины. Сегодня это единство семьи и родины / Родины находит отражение и в государственной политической концепции – *«семья и страна как единое целое»*. Эта концепция формировалась постепенно в процессе исторического развития Китая и тесно связана с древнекитайским обществом и культурой. Чувство тоски по семье как родине и по родине как семье, широко представленное в древней китайской литературе, функционирует и в современной китайской картине мира – в произведениях писателей, журналистов, политиков и вообще всех интеллектуалов.

Тесная связь между понятиями «семья» и «страна» в китайской картине мира

Две тысячи лет назад иероглиф 家(цзя) не имел значения «семья» в современном смысле. Он был своего рода единицей социальной организации, подобной современному административному делению. В древнем Китае наместник определенной части земельной территории был мелким (местным) монархом, а его удел назывался «семья». Китай как бы состоял из множества «семей», объединенных в небольшие государства. В этой системе «семья» являлась основной организационной единицей. Это не относится к отдельной семье. Позже словосочетание 国家 постепенно стало обозначать сообщество в политическом смысле. Следовательно, в сознании носителя китайской культуры представление о стране

было связано с защитой «семьи», или, иначе, семьи с древних времен формировали страну. Эта мысль оказала глубокое влияние на последующее развитие Китая. В древнем Китае единство «семьи» и «страны» проявлялось не только в том, что социальная структура государства была единой («семья–страна–поднебесная»), но и в том, что сама идея Родины была единой – Родина как концепция единого духа страны и семьи.

С точки зрения современного общества, семейная этика и национальная этика не соответствуют одной и той же логике. Семейная этика рассматривает брак и семейные узы в качестве основных, в то время как национальная этика рассматривает отношения между правами и обязанностями в качестве основных. Большое внимание в семейных концепциях или семейных мероприятиях уделяется понятию «сыновняя почтительность».

Со времен династии Хань (202–220 гг. н. э.) из-за отсутствия современной национальной этики, многие династии заявляли, что «сыновняя почтительность управляет поднебесной» и рассматривали «сыновнюю почтительность» как высший политический критерий. Семья императора представляет страну, и дела семьи императора часто становятся важным вопросом в политике, представляя собой национальную политическую деятельность. «С времен династии Хань семейная этика начинает объединять между собой феномены страны и семьи, постепенно сужая связь между “страной” и “семьей” в идеологии, политике и гуманитарной сферах жизни Китая» [Вань Лиган 2022: 78].

Тоска по семье и родине

Китайское общество уже более 2000 лет использует сельскохозяйственное производство в качестве основного метода производства, что сильно отличается от современного общества. В сельскохозяйственном обществе большинство людей заняты на сельскохозяйственном производстве. Основой сельскохозяйственного производства является земля, а поскольку крестьяне живут на фиксированных участках земли, они испытывают глубокие чувства к семье и земле на родине. Однако чтобы избежать формирования взаимосвязанных отношений между большими семьями в различных местах, чтобы избежать монополии отдельных семей на ведение дел на низовом уровне в различных местах, власть поднебесной потребовала, чтобы все талантливые люди (таковых отбирали государственные чиновники) служили в разных местах; такие люди должны были уезжать жить в другие места страны. Система служения в разных местах привела к ситуации, когда руководителям повсюду, как правило, приходилось покидать семью и родину. Таким образом на государственном уровне формировалась пространственная разобщенность человека с семьей и родиной, что заставляло его скучать по родным местам и родным людям. В то же время они принадлежали к элитному классу общества и имели возможность выражать свое мнение. Именно их привязанность и ностальгия продолжают формировать китайское представление о «семье» и сегодня, а слова и мысли, которые они оставили после себя, также усилили привязанность к семье и родине в китайском культурном сознании.

Понятия и эмоции, связанные с заботой о семье и тоской по родине не только были унаследованы с древних времен, но также были сформированы и

усилены современным обществом и культурой. После реализации политики реформы и открытости, которая начиналась с 1978 г., в Китае стремительно начался процесс урбанизации. Уровень урбанизации вырос с менее чем 20% в начале почти до 70%, и почти половина китайского населения всего за несколько десятилетий покинули свои сельские родные места и вступили в городскую жизнь. В сердцах первого поколения урбанизированных людей тоска по родине еще сильна.

Коммуникативные стратегии выражения семейных ценностей в китайской социальной рекламе

В настоящее время в китайском обществе особое внимание уделяется выполнению задачи по претворению в жизнь основных ценностей современной китайской культуры, где одной из важнейших является полное выполнение основной роли семьи, потому что семья считается ячейкой общества: если семья гармонична, общество будет устойчивым. Семья является также основой для формирования хорошего морального поведения. Поэтому в Китае существует очень много социальной рекламы на тему поддержания семейных уз, воссоединения семьи и наследования. Среди них наиболее репрезентативной является социальная реклама при гала-концерте по случаю Праздника весны Центрального телевидения Китая (ССТV).

Гала-концерт по случаю Праздника весны – это комплексный литературный и художественный вечер, организуемый каждый год ССТV для празднования китайского Нового года. Сейчас гала-концерт является одним из самых наблюдаемых программ в мире. Наслаждение гала-концертом Весеннего фестиваля отражает чувства китайского народа. Эмоциональные выражения, использованные в социальной рекламе во время праздника, затронули сердца сотен миллионов зрителей и вызвали глубочайшие эмоциональные отклики. С 2013 по 2023 г. запустили серию из более чем 20 социальных рекламных роликов. Его трогательный рекламный контент и креативность тронули многих зрителей [Ян Цзиньхун 2019: 185].

Можно сказать, что в данном случае социальная реклама способствует достижению поставленных целей, оказывая большое воздействие на массовую аудиторию. «Качество рекламных сообщений во многом определяется правильным выбором коммуникативных стратегий в конкретных прагматических условиях» [Симонова 2010: 126].

Как отметила И.В. Терентьева, коммуникативная стратегия — это «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» социальной рекламы [Терентьева 2013: 20] Именно коммуникативные цели и задачи, характерные для социального дискурса, социо-демографические и психологические особенности адресата и предполагаемый канал распространения являются важными факторами для выбора той или иной стратегии.

Точное позиционирование психологических характеристик аудитории

Цель социальной рекламы состоит в повышении осведомленности людей об определенных идеях, ситуациях, событиях, происходящих в обществе, и, таким образом, направлена на укрепление правильного (с точки зрения государства) отношения к ним людей. Чтобы социальная реклама могла достичь своего коммуникативного эффекта, ее содержание и форма выражения должны соответствовать психологическим ожиданиям аудитории. Социальная реклама прививает людям идеи, нормы, правила, укрепляет когнитивные способности и поощряет определенное поведение. Эффект убеждения зависит от того, в какой степени содержание и выражение обращения соответствуют психологическим потребностям аудитории. В особом коммуникативном контексте гала-концерта по случаю Праздника весны общие психологические потребности людей — это не что иное, как семейные узы, тоска по семье и родине. Данные рекламы конденсируют и сублимируют эти социальные эмоции, что в значительной степени пробуждает социальные эмоции людей и пробуждает резонанс.

Например, ролик «Путь отца», в котором излагается следующая история: чтобы встретиться со своим сыном, который работал в городе во время Праздника весны, отец отправился из деревни в город, взяв с собой местные продукты. Здесь продукты местной деревни выступают символом малой родины [Путь отца 2016].

Другой пример. Ролик «Счастливые семьи Китая» показывает трансформацию ролей обычных людей между их повседневной работой и семейной жизнью, используя семейные узы в качестве линии, соединяющей серию теплых сцен воссоединения семьи [Счастливые семьи Китая 2020].

Третий пример. Ролик «Поздоровавшись с папой и мамой, встречаем Новый год» рассказывает историю представителей всех слоев общества, которые не могут вернуться домой на Новый год из-за эпидемии коронавируса. Хотя эпидемия перекрыла путь домой, она не может лишить людей мыслей и привязанности к семье, не говоря уже о том, чтобы оттолкнуть наши воспоминания и заботу о наших родителях [Поздоровавшись с папой и мамой 2021].

Стратегии эмоционального выражения для контекстуализированных и документальных повествований

Описание реальных персонажей и реальных сюжетных линий стала распространенной базовой стратегией документальной рекламы общественных услуг. «Документальная характеристика рекламного жанра является результатом совместного контракта между отправителем и получателем. Этот вид контракта также побуждает получателя интерпретировать рекламу с документальной точки зрения» [Жао Гуансян 2015: 110].

Рекламные ролики, представленные на гала-концерте Весеннего фестиваля, в основном выдержаны в стиле документального повествования, используя реальных людей, реальные сцены и реальные вещи для выражения истинных чувств. Реальная жизнь обычных людей включена в сюжетную линию и становится важной опорой для выражения социальных эмоций. В качестве выражения истинных эмоций с помощью искусства, в конце концов, всегда можно исполь-

зовать действия по убеждению. Чтобы быть достаточно эмоциональной, привязанность такого рода должна корениться в реальной жизни и резонировать с эмоциями аудитории.

Языковая специфика текста

Такие шаблоны предложений, как ранжирование и контраст, используются в повествовательных текстах для усиления эмоционального выражения и проявления чувства привязанности людей к семье и принадлежности к семье.

Например в тексте ролика «Счастливые семьи Китая» [Счастливые семьи Китая 2020] высказывания-слоганы о семье сопровождают образы людей разных профессий, которые появляются в видеоряде (табл. 1).

Таблица 1

Слоганы из рекламного ролика «Счастливые семьи Китая»

Профессия	Слоганы ролика
Повар	<i>На работе ты готовишь тысячи вкусных блюд; Дома вашим любимым блюдом является мамин вкус.</i>
Шофёр	<i>На работе вы следите за дорогой впереди; Дома ты также можешь полюбоваться пейзажами вокруг.</i>
Инженер	<i>Дома всегда есть свет, который защитит тебя.</i>
Сотрудник компании	<i>На работе ты элита; дома ты ребенок, который никогда не повзрослеет.</i>
Дизайнер	<i>На работе ты создаешь новую одежду для всех; дома ты также носишь бабушкино «хорошее пожелание».</i>
Офицер	<i>На работе ты брат-солдат, охраняющий страну; дома ты братик, который любит свою сестру.</i>

Лексическая специфика

Для текстов китайской социальной рекламы характерно употребление слов с противоположными значениями, что помогает выразить специфику национальной (китайской) идентичности. Например: «свет для тысячи семей» – это метафора, в которой заключена семантика ‘большая ответственность обслуживающего персонала’, в то время как «один свет» выражает уникальность дома для отдельного человека. «Элита» означает личную зрелость и чувство ответственности перед рабочим коллективом, в то время как «дети, которые никогда не повзрослеют» означает, что семья всегда будет надежным убежищем для человека.

Словосочетания «новая одежда» и «хорошее пожелание» с точки зрения китайской картины мира одно и то же. «Новая одежда» – символ работы персонажей рекламы, в то время как «хорошее пожелание» – выражение заботы о членах семьи (рис. 1); сочетание «солдат» и «брат» часто выражает образ солдат, защищающих родину и народ, в то время как разговорная лексема «братик» выражает идею личных семейных отношений солдата (рис. 2).

Рис. 1. Реклама о дизайнере

Рис. 2. Реклама о солдате

Выражение национально значимых смыслов в текстах социальной рекламы очень четко и выразительно. Обычно используются метафоры, чтобы связать рекламный текст с известными всем китайцам элементами их картины мира, а также точно охарактеризовать тему.

Например, ролик «Вкус семьи – это родина» [2018]. Ключевая фраза такая: «*Семья – это наша тоска о вкусе Родины на всю жизнь*». Здесь есть три важных смысловых элемента: «*семья*», «*на всю жизнь*» и «*тоска о вкусе Родины*» (см. рис. 3). Данные элементы отражают три категории организации китайской семьи: продолжительность жизни, личный опыт, любовь к Родине, а также подчеркивают мысль о том, что причина, по которой отношения между людьми и семьей не могут быть разделены, заключается в том, что, во-первых, семья состоит из группы людей; во-вторых, семья существует до тех пор, пока отношения между людьми в рамках семьи поддерживаются. Важной линией здесь, кроме того, проходит мысль о том, что, помимо родства крови, существуют эмоции, и эти эмоции могут быть сведены к общему выражению жизненного опыта – вкусу.

Рис. 3. Рекламный ролик «Вкус семьи – это родина»

Выводы

В китайской культуре семья и страна тесно связаны, и тоска по дому – это уникальная эмоция китайского народа. Анализ социальной рекламы показал, что концепция семьи состоит из семейной привязанности, чувства принадлежности, наследственности и общей национальной судьбы. Тема воссоединения и единства семьи подчеркивается в одной из самых популярных TV-программ Китая – гала-концерте по случаю Праздника весны, что является хорошей и достаточной площадкой для трансляции важности семейных ценностей в китайской культуре. Благодаря специфической медиа-платформе и фестивальной атмосфере сообщение на семейную тематику имеет лучшие условия для восприятия массовой аудиторией. С другой стороны, вплетенные как бы в реальную жизнь людей и страны и сопровождаемые яркими лексико-метафорическими средствами повествования, рассмотренные рекламные тексты устанавливают прямую связь с аудиторией, воздействуют на ее сознание и эмоции, чем достигают решения не только информационной задачи, но и основной задачи социальной рекламы вообще – воспитания национального коллектива. В нашем случае это формирование хорошей культуры и наследования национальных традиций.

Список источников

Путь отца // Официальный сайт CCTV. [Электронный ресурс]. URL: <https://tv.cctv.com/2016/02/08/VIDEbpRbFhwVrYs5abqyJBmN160208.shtml>. (Дата обращения: 20.09.2023).

Счастливые семьи Китая // Официальный сайт CCTV. [Электронный ресурс]. URL: <https://1118.cctv.com/2021/08/24/VIDEEqKDUt4AaWEZCZttxYY210824.shtml>. (Дата обращения: 20.09.2023).

Поздоровавшись с папой и мамой, встречаем Новый год // Официальный сайт CCTV. [Электронный ресурс]. URL: <https://1118.cctv.com/2021/02/18/ARTIqwxFIL0GBmpsYCjOZC0h210218.shtml> (Дата обращения: 20.09.2023).

Вкус семьи – это родина // Официальный сайт CCTV. [Электронный ресурс]. URL: <http://m.app.cctv.com/video/detail/bc8dea3c57374121bc3ba3dbd07b3390/index.shtml#0>. (Дата обращения: 20.09.2023).

Список литературы

Вань Лиган. Историческо-культурные источники семейных ценностей китайского народа // Семейное воспитание Китая: 2022(4). 78 с.

Жао Гуансян. Является ли реклама документальной или вымышленной? – Символический нарративный анализ // Китайско-зарубежный форум по культуре и литературе, 2015(3). С. 107–116.

Симонова А.К. Коммуникативные стратегии в рекламной деятельности. // Материалы международной научно-практической конференции 5–6 декабря 2010 года / Науч.-изд. центр “Социосфера”, Пензенская гос. технологическая акад., Российско-Армянский (Славянский) гос. ун-т, Фак. бизнеса Высш. шк. экономики в Праге, ПФ НОУ ВПО Акад. МНЭПУ; [редкол.: Берберян А. С. и др.]. – Пенза [и др.]: Социосфера, 2010. С. 126–132.

Терентьева И. В. Стратегии вербального поведения англоязычных коммуникантов для достижения согласия: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Москва, 2013. 20 с.

Ян Цзиньхун. Социальная эмоциональная ориентация и самовыражение в социальной рекламе по случаю гала-концерта праздника Весны // Визуальный форум рекламы. 2019(02). С. 185–186.

Yao Bo

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

COMMUNICATIVE STRATEGIES FOR EXPRESSING FAMILY VALUES IN TEXTS OF CHINESE SOCIAL ADVERTISING

Social advertising can convince an audience to accept certain concepts and change certain behaviors. In this regard, linguists have been paying more and more attention to social advertising in recent years. This article analyzes one of the communicative strategies of Chinese social advertising – the promotion of family values in Chinese culture. The object of the analysis is the texts of popular social advertising in China, functioning at the gala concert on the occasion of the Spring Festival of Central Television of China. It is concluded that the idea of the importance of family values is embodied in advertising texts through the unity of multimodal lexical and metaphorical units and various means of video series.

Key words: national values; family; multimodal unit; communication strategy; picture of the world.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 37

Ксения Андреевна Бондарева

студент факультета лингвистики и перевода
Челябинский государственный университет
amazingxe@mail.ru

Мария Сергеевна Левина

студент факультета лингвистики и перевода
Челябинский государственный университет
masha.levina.2001@mail.ru

Елизавета Максимовна Меньшенина

студент факультета лингвистики и перевода
Челябинский государственный университет
liza1.menshenina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

В статье исследуются актуальные вопросы формирования мотивации при обучении иностранному языку в формате удаленного урока, представлены основные аспекты понятия «дистанционного урока», рассмотрены проблемы дисциплины и мотивации студентов на онлайн-занятиях и представлены возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: дистанционные уроки; дисциплина; мотивация; онлайн-занятия; самоконтроль.

Введение

В современном мире каждая сфера человеческой жизни подвержена модернизации, в частности образование, таким образом дистанционное обучение приобретает особую актуальность. В эпоху развития технологий появился новый формат – удаленное обучение. Образовательная сфера оказалась в новом для нее пространстве. Используя возможности Интернет-ресурсов и разнообразных сервисов, система обучения внедряет эти технологии практически на всех этапах урока [Перминова 2021: 75]. Удаленное образование сегодня становится некой нормой и его формы активно используются как временное решение в ситуациях невозможности проведения очных занятий [Крылова 2020: 170].

Данный вид обучения не пользовался особым успехом и спросом до определенного момента: в период пандемии КОВИД-19 все образовательные инстанции были переведены в онлайн формат, преподаватели и учащиеся столкнулись с новой формой обучения, которая в значительной степени отличается от традиционной формы обучения. Таким образом, обучение как процесс интеракции между преподавателем и учащимися с целью приобретения знаний, навыков и

умений в соответствии с программой обучения остается прежним. Но осуществление этого процесса будет во многих аспектах реализовываться средствами, методами и приемами, которые обеспечиваются интернет-технологиями [Анциферова 2020: 75].

Пандемия прошла, но спрос на удаленный формат уроков остался, потому что у дистанционного формата есть свои преимущества, которые способствуют учащимся и преподавателям делать выбор в пользу онлайн-обучения. Благодаря технологиям у учителей и преподавателей появляется возможность разнообразить свои уроки, сделать их более красочными и увлекательными. Но главной первостепенной задачей остается повышение мотивации и поддержание дисциплины обучающихся на уроках.

Сегодня необходимо учитывать особенности клипового мышления для повышения/развития и поддержания внутренней мотивации и дисциплины современных обучающихся – представителей так называемого цифрового поколения [Перминова 2021: 137]. Таким образом представляется необходимым разобраться, что представляет из себя дистанционный формат и каковы его преимущества.

Особенности дистанционного обучения

Дистанционное обучение (ДО) – это процесс интеракции между учителем и учеником, находящиеся на расстоянии друг от друга, который при этом сохраняет все необходимые обучению компоненты (средства обучения, цели, содержание, методы, организационные формы), а также включает в себя применение специфических технических средств (интернет-ресурсов, технологий и т.д.). Главной отличительной чертой дистанционного обучения является то, что это самостоятельная форма обучения, в которой информационные технологии выступают ведущим средством. Сегодняшнее ДО включает в себя следующие элементы:

- среда передачи информации (социальные сети, электронная почта, ТВ, радиоканалы);
- методы, зависящие от технической среды обмена информацией.

В XXI в. набирающее все большую популярность является интерактивное взаимодействие с учащимися посредством информационных коммуникационных сетей. Благодаря дистанционному обучению существует множество образовательных платформ, которые созданы для самостоятельного онлайн-обучения, либо направлены на аудиторию, состоящую из учителей или преподавателей, чтобы помочь им эффективно и увлекательно организовать онлайн-уроки. В далеком 2003 г. группа ADL (Advanced Distributed Learning) представила проект SCORM – данный проект посвящен стандартизации дистанционного интерактивного обучения, который будет предназначен для широкого пользования интернет-технологиями. Таким образом, они задали стандарты и более точные требования к содержанию ДО.

Формат ДО существует уже очень давно, но почему он стал так популярен именно сейчас? Дистанционный формат дает больше преимуществ, чем очный формат обучения:

1. *Индивидуальный подход.* В традиционном формате у преподавателей нет достаточного количества времени, чтобы ответить на все интересующие вопросы студентов. Благодаря современным системам дистанционного обучения у преподавателей появляется такая возможность. Например, возможность проработать тему, которая вызывает у студентов вопросы, еще несколько раз. Также сейчас распространены индивидуальные дистанционные уроки. Для них характерны большая продуктивность урока и повышенная производительность обучающихся.

2. *Качество обучения.* Качество обучения растет с использованием современных технических средств, которые делают уроки более увлекательными и запоминающимися, а также электронных библиотек, различных платформ и сайтов, предоставляющие обширный и достоверный объем знаний.

3. *Спокойная обстановка.* Обычно студенты обучаются дома, где они чувствуют себя спокойно и комфортно в знакомой обстановке. Нет стрессовых факторов, негативно влияющих на процесс обучения.

4. *Многообразие средств связи с преподавателем.* На данный момент существует большое количество платформ, которые дают возможность созваниваться с учениками и вести уроки в неограниченном формате времени. Например, Zoom, Microsoft Teams, Skype, Discord являются лидирующими платформами среди преподавателей и учителей. Также для поддержания связи с учениками или преподавателями, обе стороны широко используют социальные сети.

Но несмотря на все преимущества данного формата, мы все равно можем наблюдать незаинтересованность и низкую мотивацию к обучению со стороны обучающихся, которая выливается в несоблюдение дисциплины на уроке. В чем заключаются проблемы, которые способствуют неэффективности онлайн-уроков?

Первое, что следует упомянуть, углубляясь в поиск ответа на вышеупомянутый вопрос – за последние несколько лет ученые по всему миру проводили масштабные исследования, с целью проверки эффективности удаленного обучения. Часть исследователей пришли к выводу, что у учеников, обучавшихся онлайн, результаты тестирования оказались ниже, чем у тех, которые проходили обучение очно. Другие – что значимых различий в результатах нет.

Фундаментальная трудность, с которой сталкивается преподаватель, выбравший проведение уроков онлайн, вместо традиционных занятий в аудитории – это отсутствие прямого контакта со студентами. Данный фактор существенно влияет на качество предоставляемых знаний и эмоциональную составляющую взаимодействия преподавателя и ученика. Отсюда вытекают и другие проблемы, которые усложняют работу учителю.

Во-первых, отсутствие полного контроля над ситуацией. Занимаясь через сеть Интернет, преподавателю гораздо сложнее держать под контролем ученика, в особенности это касается обучающихся дошкольного возраста и младшего школьного возраста. Проведение тестовых работ, диктантов и плановых срезов в онлайн-формате чревато повышением случаев списывания и использования сторонних ресурсов в качестве подсказки.

Во-вторых, снижение количества письменной практики. Навыки письма на бумаге невероятно важны для изучающих иностранный язык. Несмотря на современную digital-эпоху, традиционное письмо позволяет лучше усваивать новую информацию, также при написании заметок от руки задействованы все отделы мозга, а сам навык может неожиданно пригодиться в различных жизненных ситуациях, вопреки мыслям о том, что он утратил свою актуальность в современных реалиях. Сложно дать адекватную оценку письменным навыкам студента, поскольку в современные девайсы встроена корректирующая программа.

В-третьих, увеличение количества отвлекающих факторов. Классическая форма обучения в кабинетах располагает студентов к учебе, в то время как на дистанционные уроки они подключаются из дома. Посторонние шумы, разговоры домочадцев в соседней комнате, проблемы со связью и предметы вокруг.

Из всего вышперечисленного вытекает то, что может существенно повлиять на качество получаемых студентом знаний – снижение мотивации. Как мотивировать студентов? Этот вопрос всегда являлся центральным в педагогической практике. Мотивационными процессами не стоит пренебрегать, нужно стимулировать внутренние мотивы, побуждающие обучающихся выполнять требуемое.

Мотивация – это единство множества разных психологических факторов, определяющее поведение и образы действий человека. Учебная мотивация – это частный вид мотивации, который является неотъемлемой частью учебного процесса.

Почему так важно поддерживать у студентов мотивацию к учебе? Мотивация способствует приложению усилий и развитию настойчивости в выполнении задач; наша мотивация дает «зеленый свет» инициативности; мотивация улучшает когнитивные способности; и, наконец, мотивация повышает общую производительность [Азизова 2021: 607].

Как преподаватели, под мотивированностью мы подразумеваем целенаправленность, энтузиазм, упорство и настойчивость при изучении любого предмета. В научных кругах ведутся дебаты по поводу внешней и внутренней мотивации. Например, А. Н. Леонтьев считает, что мотив – это не только внутренний процесс, а явление, объективная основа которого лежит во внешнем мире, в его вещественных и идеальных объектах [Леонтьев 1981].

В процессе дистанционного обучения основным фокусом преподавателя должно быть повышение внутренней мотивации студентов, помощь в развитии силы воли и правильном разделении заданий. Внутренняя мотивация всегда гораздо эффективнее, чем внешняя. Она может проявляться из-за любознательности, потребности узнавать новую информацию, желания освоить новый навык.

Говоря об иностранном языке, исследователи указывают различные виды учебной мотивации:

- 1) коммуникативную;
- 2) лингвопознавательную (возникает за счет интереса обучающихся к более глубокому осмыслению языка);
- 3) познавательно-образовательную (возникает желание быть всесторонне образованным индивидуумом, стремление расширить кругозор и познания об

окружающем мире, а также желание узнать жизнь, культуру, литературу и т. п. других стран);

4) инструментальную (возникает за счет чувства удовлетворения, которое обучающиеся получают, выполняя определенные виды работы);

5) интеллектуально-развивающую (возможность развития мышления, памяти и др. интеллектуальных свойств личности);

6) профессионально-педагогическую;

7) эмоциональную;

8) мотивацию честолюбия (значимость владения иностранным языком);

9) идентификационную (стремление к идентификации, отождествлению себя с другими людьми или представлениями о них);

10) прагматическую (устроиться на работу в иностранную компанию, уехать за границу);

11) мотивацию долга (требования выполнять учебные обязанности, получить высшее образование, приносить пользу обществу) [Суслова 2014: 189].

В процессе изучения иностранного языка ведущими видами мотивации будут следующие – коммуникативная, познавательная, инструментальная, лингво-познавательная и профессиональная мотивация. Все виды коммуникативной мотивации способствуют развитию отличного уровня коммуникативной компетенции, развивают готовность и способность учащихся общаться на иностранном языке, способность учащихся решать различные прагматические задачи важные для них самих [Суслова 2014: 189].

В процессе обучения иностранному языку первостепенными задачами остаются:

а) усилить у студентов мотивы цели, то есть обосновать необходимость, полезность и результат предстоящих учебных действий;

б) задействовать все когнитивные процессы для наиболее эффективного восприятия и усвоения языкового материала;

в) создать и предложить систему упражнений, отвечающую коммуникативно-познавательным потребностям обучаемых;

г) подвести итоги, обсудить достигнутые результаты;

д) наметить перспективы по дальнейшей работе над языком.

Говоря о путях решения проблемы формирования внутренней мотивации у студентов при дистанционном обучении, можно выделить несколько способов:

1. Необходимо настроить полноценную обратную связь. Для учеников невероятно важна обратная связь, диалог с преподавателем, особенно при обучении онлайн. Студент должен понимать, на какой ступени он находится в текущий момент. А похвала от преподавателя значительно укрепляет веру в себя и свои силы, дает понимание о том, что положительные результаты имеются.

2. На этапе постановки целей и задач урока необходимо выделить основные проблемы для активизирования мотивации учащегося: необходимо поставить перед учащимися проблему, которую необходимо решить на каждом из уроков. Для этого педагогу крайне важно поддерживать зрительный контакт со своими слушателями и побуждать к обсуждению, задавать вопросы и давать ответы. Исходя из этого преподаватель должен включить свою камеру, а для вовлечения

учащихся к обсуждению преподаватель должен попросить их включить микрофоны и дать возможность высказаться всем желающим [Шелухина 2021: 79].

3. Следует напоминать студентам о поставленных целях, пользе знания иностранного языка и о грядущих положительных результатах от активной учебной деятельности.

4. Для усиления внутренней мотивации нужно придавать личную значимость материала для конкретного студента, внедрять в занятия творческую работу.

5. В конце онлайн-занятия преподавателю рекомендуется попросить учеников поделиться впечатлениями от проведённого урока, обсудить достигнутые цели и трудности, которые удалось преодолеть. У преподавателя и учащихся должны быть включены камеры. В конце урока можно подарить аплодисменты всем присутствующим, далее с хорошим настроением попрощаться друг с другом [Шелухина 2020: 80].

6. Преподаватель должен систематически отслеживать прогресс ученика, обнаруживать пробелы в знаниях и заполнять их, при этом поддерживая студента, напоминая ему о конечном результате.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному необходимо отметить, что онлайн-формат обучения является новой, но резко набирающей популярность формой обучения. В рамках дистанционного обучения иностранным языкам существует множество трудностей, которые не встречаются в традиционном формате, однако вместе с этим существует много преимуществ, такие как: индивидуальный подход, повышенное качество обучения, наличие спокойной для учёбы обстановки, наличие многообразия средств связи с преподавателем. Наибольшей трудностью в данном вопросе является формирование мотивации у студентов. В условиях возрастающего спроса на дистанционное обучение представляется необходимым для преподавателя ознакомиться с нюансами поддержания мотивированности во время онлайн-урока. Учителям, работающим онлайн, следует изучить данную проблему, для того чтобы дать своим студентам наилучшие результаты, при этом развивая интерес к изучаемому материалу. Таким образом, вопрос о поддержании мотивации в рамках онлайн-занятий является чрезвычайно важным и актуальным на сегодняшний день.

Список литературы

Азизова М. А. Мотивация в обучении // Экономика и социум. 2021. № 5–1 (84). С. 605–608.

Анциферова О. В. Особенности организации и проведения онлайн-урока по русскому языку как иностранному // Заметки ученого. 2020. № 11. С. 75–78.

Крылова А. С., Лантева Е. Ю., Айтуганова Ж. И. О перспективах онлайн обучения иностранному языку в вузе: урок пандемии // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов. 2022. № 74–3. С. 170–172.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Москва: Изд-во Московского университета, 1981. 584 с.

Перминова Г. В. Модель поддержания мотивации / Обучение иностранному языку в условиях дистанционного обучения // Вестник военного образования. 2021. № 6. С. 137–139.

Сулова О. В. Формирование коммуникативной мотивации при изучении иностранных языков в высшей школе // Вестник ЧелГУ. 2014. №6 (335). С. 189–191.

Шелухина В. С. Методические рекомендации по повышению мотивации, поддержанию дисциплины и сохранению групповой динамики при проведении онлайн-занятий на платформе Zoom // Педагогическое образование: традиции и инновации: электронный научно-образовательный журнал. 2020. №1. С. 74–80.

K. A. Bondareva

Student of Linguistics and Translation Faculty
Chelyabinsk State University

M. S. Levina

Student of Linguistics and Translation Faculty
Chelyabinsk State University

E. M. Menshenina

Student of Linguistics and Translation Faculty
Chelyabinsk State University

**FORMATION OF INTERNAL MOTIVATION DURING TEACHING A FOREIGN LANGUAGE
IN A REMOTE FORMAT**

The article examines topical issues of motivation formation when teaching a foreign language in the format of a remote lesson, presents the main aspects of the concept of “remote lesson”, examines the problems of discipline and motivation of students during online classes and presents possible solutions to this problem.

Key words: distance learning; discipline; motivation; online classes; self-control.

УДК 81'243

Анастасия Сергеевна Пушкова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
as.pushkova.17@gmail.com

МЕЖ- И ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ТРАНСФЕР НА НАЧАЛЬНОМ И ПОРОГОВОМ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-ЧЕШСКОГО УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

Статья посвящена разработке типологий случаев меж- и внутриязыкового трансфера и рассмотрению динамики выявленных типов в устной спонтанной чешской речи учебных билингов, осваивающих близкородственный язык на уровнях А1 и А2. Динамика типов трансфера предполагает как появление новых типов переноса, так и изменение частоты встречаемости типов в речи. Анализ случаев межъязыкового трансфера на пороговом этапе изучения L2 демонстрирует снижение частоты фонетического трансфера и увеличение количества трансфера морфем, лексем, синтаксической конструкции. Внутриязыковой перенос характеризуется появлением трансфера лексем и возрастанием частот фонетического, морфемного, синтаксического трансфера.

Ключевые слова: учебный билингвизм; чешский язык; меж- и внутриязыковой трансфер; типология трансфера; динамика типов трансфера.

Введение

В отечественной и зарубежной лингвистике возрастает интерес к исследованию взаимного влияния родного и усваиваемого языка. Для практики преподавания иностранных языков важно изучать процесс овладения L2 в психолингвистическом и когнитивно-лингвистическом аспектах. Проблемой исследования выступает получение дедуктивных типологий случаев меж- и внутриязыкового трансфера и рассмотрение динамики выделенных типов переноса в речи учебных билингов, изучающих чешский язык на начальном и пороговом уровнях.

Исходя из проблемы, были выделены следующие задачи:

1) собрать и затранскрибировать материалы устной спонтанной чешской речи учебных билингов, овладевающих близкородственным языком на уровнях А1 и А2;

2) выделить ошибки / сбои и речевые недочеты, обусловленные трансфером и проявляющиеся в устной спонтанной чешской речи начинающих и продолжающих билингов;

3) на основе выявленных ошибок предложить типологии случаев трансфера на начальном и пороговом этапах;

4) осуществить сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных; сделать вывод о качественно-количественных изменениях в трансфере при изучении чешского языка на уровнях А1 и А2.

Понятия и термины

Согласно У. Вайнрайху, билингвизм – «практика попеременного пользования двумя языками» [Вайнрайх 1979: 22].

В современной лингвистике существует множество классификаций билингвизма. При этом одной из наиболее распространенных является типология, базирующаяся на способах усвоения иностранного языка. В связи с данным критерием выделяют учебный билингвизм, противопоставленный естественному. Нередко под учебным билингвизмом понимают «функционирование двух языковых и культурных кодов в языковом сознании для выполнения познавательных заданий и общения с педагогом или сверстниками на занятиях, решения коммуникативных задач вне занятия, самостоятельной деятельности познавательного и занимательного характера» [Мильруд, Максимова 2017: 185].

При усвоении иностранного языка обучаемые допускают множество ошибок, проявляющихся на различных уровнях языковой системы. Массовость и разнообразие ошибок порождают необходимость их изучения. Так, в мировой традиции одним из наиболее распространенных способов выявления факторов негативного воздействия родного языка на изучаемый является исследование интерференции, под которой В. Ю. Розенцвейг понимает речевые ошибки, возникающие вследствие несоблюдения билингвом правил соотнесения контактирующих языков [Розенцвейг 1972: 28].

Вместе с тем в последние годы для исследования взаимовлияния L1 и L2 используется термин «языковой трансфер», обозначающий «множество факторов, при которых родной язык или какой-либо предшествующий усвоенный язык влияет на усвоение нового языка» [Odlin 2001: 499].

Несмотря на актуальность и практическую направленность исследований языкового трансфера, существует не много классификаций типов переноса, во многом зависимых от конкретной пары языков, рассматриваемой лингвистом. Так, в соответствии с тем, единица какого уровня языковой системы подвергается переносу, В. Мариан выделяет синтаксический трансфер, семантический трансфер и трансфер на уровне лексико-грамматических классов [Marian 2009: 167]. С. Джарвис рассматривает лексический перенос, который, в свою очередь, разделяет на лексемный и лемматический [Jarvis 2009: 99].

Феномен трансфера на примере родственных языков до сих пор остается недостаточно изученным. Типология трансфера В. Мариан касается неблизкородственной пары языков (русский / английский) (см. подробнее [Marian 2009]), а типология С. Джарвиса учитывает только лексический трансфер и характеризует пусть и близкородственную, но типологически далекую от славянской флективной пары языков (английский / шведский) (см. подробнее [Jarvis 2009]).

В исследовании внимание сосредоточено на изучении меж- и внутриязыкового трансфера при начальном и пороговом этапах формирования близкородственного (русско-чешского) учебного билингвизма.

Материалом исследования выступили 34 записи устной спонтанной чешской речи (19 из которых содержат устную речь, соответствующую уровню A1, и 15 – уровню A2), полученных от 15 студентов 3-го курса разных факультетов.

Общее количество словоупотреблений в текстах на начальном и пороговом уровнях составило 2493 (523 на уровне А1 и 1970 на уровне А2). Общее время звучания записей – 1 час 30 минут 40 секунд.

Анализ материала

Во-первых, в полученном материале были обнаружены ошибки, сбои и речевые недочеты, обусловленные трансфером на основе идентификации нецелевых единиц разных уровней языковой системы. С целью установления движения единиц из системы родного языка в изучаемый (межъязыковой трансфер) или внутри усваиваемого языка (внутриязыковой трансфер) в парадигмах соответствующего уровня языковой системы искались единицы, подвергающиеся переносу. При этом поиск осуществлялся сначала по парадигме русского языка, поскольку межъязыковой перенос при усвоении L2 в учебных условиях происходит с большей вероятностью, а в случае отсутствия соответствий в родном языке поиск продолжался по всем парадигмам чешского языка.

Во-вторых, разработаны дедуктивные типологии случаев меж- и внутриязыкового трансфера на начальном и пороговом этапах формирования близкородственного (русско-чешского) учебного билингвизма.

Процесс получения типологий включал в себя несколько этапов. На первом этапе анализа все обнаруженные ошибки / сбои были классифицированы как проявления меж- или внутриязыкового трансфера: так, если ошибка произошла вследствие влияния единицы / конструкции родного языка, отмечали межъязыковой трансфер (мяА1: «universita» вм. «univerzita»; мяА2: «ruskij» вм. «ruský»), если же обнаруживалась реализация какой-то нецелевой единицы изучаемого языка, такой случай относился к внутриязыковым (вяА1: «příjmení» вм. «příjmení»; вяА2: «přadiš» вм. «poradiš»).

В современной лингвистике существует давно зарекомендовавший себя подход к классификации случаев интерференции, когда различные типы негативного влияния L1 на L2 рассматриваются в соответствии с единицами уровней языковой системы, которые переносятся из родного языка [Алимов 2004; Пруцких, Скобелкина 2018; Шахбанова, Рабаданова 2019], этот же подход использовался и для изучения трансфера [Odlin 2001], поэтому в исследовании на втором этапе применялся уровневый подход к классификации обнаруженных случаев переноса.

Таким образом, в работе был расширен и теоретически обоснован список типов трансфера: на обоих уровнях владения языком и для обоих типов переноса выявлен фонетический трансфер, трансфер морфем, лексем и синтаксической конструкции. Кроме того, поскольку в случае с близкородственными языками наблюдается множество ложных когнатов, когда форма единиц совпадает, а значение различается (иногда частично), выявлен трансфер значения.

В-третьих, для установления изменений во взаимодействии языковых систем при углублении владения языком, произведено исследование динамики выявленных типов переноса в устной спонтанной чешской речи искусственных билингвов, овладевающих L2 на уровнях А1 и А2. Динамика типов трансфера характеризуется как появлением новых типов переноса, так и изменением частоты встречаемости типов в речи.

Для того чтобы проследить динамику типов трансфера при переходе от начального к пороговому уровню владения чешским языком, был проведен количественный анализ обнаруженных случаев трансфера. Предварительно произведена процедура взвешивания абсолютных частот к объему текстов в словоупотреблениях (абсолютные частоты типов трансфера были разделены на общее количество словоупотреблений в текстах), поскольку при усвоении языка на более высоком уровне происходит резкий рост словаря, усложнение грамматических конструкций; порождаемые тексты становятся значительно объемнее.

Так, результаты анализа показали, что на пороговом этапе изучения L2 динамику демонстрирует появление внутриязыкового трансфера лексем («k známkam» вм. «za známými»; «dlouhý» и «dluhů»; «mnoho jiné» вм. «mnoho různých»; «když» вм. «kdy»). Возникновение лексического переноса внутри изучаемой языковой системы связано с увеличением количества чешскоязычных слов в инпуте, а следовательно, со значительным расширением иноязычного ментального лексикона учебного билингва.

Рассматривая значительные изменения частот типов трансфера, отметим, что на пороговом этапе овладения чешским языком наблюдается снижение частоты межъязыкового фонетического трансфера (с 0,029 до 0,021), напротив, при возрастании числа случаев внутриязыкового фонетического переноса (с 0,010 на уровне A1 до 0,028 на уровне A2). Данная особенность обусловлена постепенным формированием и совершенствованием перцептивной и артикуляторной баз учащегося в процессе овладения близкородственным языком, в результате чего при производстве спонтанной речи происходит снижение случаев извлечения фонетического облика слова из парадигмы родного языка.

На следующем этапе усвоения иноязычной языковой системы частота морфемного трансфера, в отличие от фонетического, увеличивается не только внутри чешского языка, но и между L1 и L2. При этом возрастание межъязыкового трансфера морфем (с 0,017 на уровне A1 до 0,041 на уровне A2) объясняется особенностями организации билингвального ментального лексикона: с повышением уровня владения L2 возрастает и число лексем, а следовательно, и конструкций, которые их реализуют, что в совокупности с субординативным билингвизмом (при котором парадигма L1 сильнее) приводит к увеличению частоты межъязыкового трансфера морфем (иными словами, в психолингвистическом аспекте и A1, и A2 остаются уровнями с сильной активацией L1). Внутриязыковой морфемный перенос увеличивается (с 0,029 до 0,040) вследствие прайминга, в результате которого в речи информанта происходит процесс актуализации знакомых минимальных значимых частей слов вместо референтных (например, ср. «со přadiš» вм. «со poradíš» по аналогии с «со si přeješ»).

Отметим, что частота межъязыкового трансфера морфем возрастает почти в 2,5 раза, в то время как внутриязыкового – всего в 1,4 раза. Данная тенденция позволяет сделать вывод о том, что парадигма родного языка до сих пор остается более активированной даже на пороговом этапе усвоения L2.

Вместе с тем на втором уровне овладения близкородственным языком происходит возрастание частоты межъязыкового трансфера лексем (с 0,006 до

0,030), поскольку необходимость решения более сложных коммуникативных задач приводит к появлению лексического дефицита, в условиях которого активируется лексическая единица русского языка. Столь активное извлечение русскоязычных лексических единиц из ментального лексикона при спонтанном речепорождении, по-видимому, объясняется близостью лексических систем двух языков и, вероятно, не будет наблюдаться при неблизкородственном билингвизме.

Кроме того, в речи учебных билингвов, осваивающих чешский язык 5–6 месяцев, зафиксировано увеличение количества меж- и внутриязыкового трансфера синтаксической конструкции. Возрастание частоты случаев межъязыкового синтаксического переноса (с 0,017 до 0,034) объясняется увеличением репертуара синтаксических конструкций для необходимости решать более сложные коммуникативные задачи, в результате чего учащиеся активно извлекают единицы синтаксиса, характерные парадигме родной языковой системы. Увеличение частоты внутриязыкового синтаксического трансфера (с 0,004 до 0,026) обусловлено, с одной стороны, дефектом синтагматического механизма в случае с заполнением позиций клитик (например, «*dům nachází*» вм. «*dům se nachází*»), с другой – праймингом с наиболее усвоенными моделями изучаемого языка в случае с предикативными и именными конструкциями (например, ср. «*můžeme jít restaurace*» вм. «*do restaurace*» поаналогии с «*můžeme jít domů*»).

Внутриязыковой трансфер синтаксической конструкции оказывается одним из наиболее значимых в аспекте рассмотрения динамики, поскольку в рамках данного типа переноса наблюдается множество новых подтипов, которые не были зафиксированы в речи билингвов, овладевающих чешским языком на уровне A1.

Так, среди обнаруженных подтипов трансфера встретились синтаксические явления, обусловленные моделями именного управления: трансфер предложно-падежной модели управления («*chtel bych jít do chaty*» вм. «*na chatu*»), пропуски предлогов *do* («*můžeme jít restaurace*» вм. «*do restaurace*») и *od* («*jsem roku dva tisíce devatnáct studuju...*» вм. «*od roku dva tisíce devatenáct studuju...*»); обусловленные трансфером предикативного элемента высказывания: гиперкорректирующая вставка глагола *být* при наличии смыслового глагола («*bylo to je krásné*» вм. «*bylo to krásné*»), трансфер личной формы глагола *být* в бытийной конструкции («*jaký plány na je na víkendu?*» вм. «*jaké jsou plány na víkend?*»), вставка вспомогательного глагола *být* в формах прошедшего времени («*babička je byla prodavačka*» вм. «*babička byla prodavačka*»), трансфер конструкции с модальным глаголом («*ja chci jít...*» вм. «*ja chci jít...*»), вставка глагола *mít* («*tám ráda hrát...*» вм. «*ráda hraju...*»); обусловленные положением клитик в высказывании: опущение возвратного энклитического компонента *se* («*v Kuchugurách je nachází*» вм. «*v Kuchugurách se nachází*»), опущение личного местоимения *ti* («*líbí si tam?*» вм. «*líbí se ti tam?*»), трансфер синтаксической позиции энклитического наречия *už* («*byl jsem tam už*» вм. «*už jsem tam byl*»), пропуск личного местоимения *ti* («*líbí si tam?*» вм. «*líbí se ti tam?*») и вставка возвратного энклитического компонента *se* («*posěš'al se v parku*» вм. «*navštěvoval jsem park*»).

Выводы

В результате рассмотрения динамики типов трансфера можно говорить о том, что на уровне А1 фонетический перенос имеет наибольшую частотность из-за недостаточной изученности фонетической системы L2. Вместе с тем на следующем этапе овладения чешским языком частота данного типа трансфера вполне закономерно снижается вследствие поэтапного усвоения фонетики чешского языка и расширения перцептивно-артикуляторной базы учащихся.

Трансфер морфем демонстрирует тенденцию к увеличению как внутри системы чешского языка, так и между L1 и L2; при этом межъязыковой морфемный перенос на уровне А2 все еще более активен, чем внутриязыковой. Данное явление объясняется смешанным характером структуры двуязычного ментального лексикона, посредством которого движение «лексема» + «грамматические категории» приводит к русскоязычной «ветви». Несмотря на то что с увеличением уровня изучаемого языка расширяется поле словоупотребления и набор доступных конструкций, влияние парадигмы родного языка при субординативном билингвизме на уровне А2 остается довольно сильным.

На пороговом этапе изучения чешского языка наиболее показательным в аспекте динамики выступает внутриязыковой трансфер синтаксической конструкции, так как в данном типе переноса появляется большое количество новых подтипов, не обнаруженных на начальном этапе овладения L2. По-видимому, данная особенность проявляется вследствие усложнения синтаксических ресурсов изучаемого языка и прайминга с более частотными и изученными синтаксическими конструкциями L2.

Список литературы

Алимов В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 40 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. М.: Изд-во «Вища школа», 1979. 263 с.

Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. 2017. № 37. С. 185–204.

Пруцких Т. А., Скобелкина Н. М. Языковая интерференция в лингводидактическом аспекте // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 3 (40). С. 71–78.

Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю. В. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. С. 5–24.

Шахбанова З. И., Рабаданова С. М. Основные типы двуязычия и типы интерференции // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 482–483.

Jarvis S. Lexical Transfer // The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches. Bilingual Education & Bilingualism / Ed. A. Pavlenko. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009. Pp. 99–124.

Marian V. Language interaction as a window into bilingual cognitive architecture // Multidisciplinary Approaches to Code Switching / L. Isurin, D. Winford, K. de

Bot (eds). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. Pp. 161–185.

Odlin T. Language transfer and substrates // Concise encyclopedia of sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). Oxford: Elsevier, 2001. Pp. 499–503.

A. S. Pushkova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

**INTER- AND INTRA-LINGUISTIC TRANSFER AT THE INITIAL AND THRESHOLD STAGES
OF THE FORMATION OF RUSSIAN-CZECH EDUCATIONAL BILINGUALISM**

The article is devoted to the development of typologies of cases of inter- and intralingual transfer and consideration of the dynamics of the identified types in the oral spontaneous Czech speech of educational bilinguals mastering a closely related language at levels A1 and A2. The dynamics of transfer types implies both the emergence of new transfer types and a change in the frequency of occurrence of types in speech. Analysis of cases of interlingual transfer at the threshold stage of L2 learning demonstrates a decrease in the frequency of phonetic transfer and an increase in the number of transfers of morphemes, lexemes, and syntactic structures. Intralingual transfer is characterized by the appearance of lexeme transfer and an increase in the frequencies of phonetic, morphemic, syntactic transfer.

Key words: educational bilingualism; Czech; inter- and intra-lingual transfer; transfer typology; dynamics of transfer types.

Алина Андреевна Шистерова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alina2000shisterova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ ПРИ УЧЕБНОМ БИЛИНГВИЗМЕ

Статья посвящена экспериментальному психолингвистическому исследованию межъязыковых связей, формирующихся в ментальном лексиконе искусственного билингва на начальном уровне освоения иностранного языка при учебном билингвизме. Анализ совокупности межъязыковых ассоциативных пар, полученных в свободном ассоциативном эксперименте со стимулами из разных языков, подтверждает предположение о том, что на начальном этапе овладения вторым (французским/испанским) языком в ментальном лексиконе обучаемого формируются межъязыковые тематические подгруппы, состоящие из вербальных репрезентаций нескольких языков, объединяемых преимущественно за счет семантической близости, а не по принципу языкового кода.

Ключевые слова: учебный билингвизм; ментальный лексикон; узлы; связи; межъязыковые тематические связи; межъязыковые тематические поля; моделирование лексикона.

Введение

В современной лингвистике высокий интерес языковедов к феномену билингвизма порождает множество различных классификаций данного явления. Например, в зависимости от способов усвоения иностранного языка выделяют естественный и искусственный (учебный) типы двуязычия. Под учебным билингвизмом понимают функционирование в языковом сознании двух культурных и языковых кодов, используемых для осуществления познавательной деятельности и общения с педагогом и членами группы с целью решения коммуникативных задач как в рамках учебной ситуации, так и за ее пределами [Мильруд, Максимова 2017; Hall, Cook 2012]. В данной статье рассматривается именно учебный билингвизм и его влияние на становление коммуникативной личности обучаемого.

Особый интерес вызывает ментальный лексикон билингва, который представляет собой постоянно развивающуюся, динамичную систему в виде многомерной ассоциативно-вербальной сети, состоящей из узлов и межузловых связей [Лещенко 2014; Кубрякова 1996; Aitchison 2005 и др.]. Соответственно, ментальный лексикон билингва рассматривается в данной статье как сложная многоуровневая система вербальных репрезентаций, включающая единицы двух языков, объединенных множеством языковых и внеязыковых связей разных типов.

Следует отметить, что элементы сети ментального лексикона, а именно узлы (которые в случае с двуязычным ментальным лексиконом представлены вербальными репрезентациями разных языков) и межузловые связи, формируют

многообразие тематических групп и/или семантических полей, которые рассматриваются в целом как множество лексем, связываемых не только общей темой, но и совокупностью экстралингвистических факторов [Апресян 1974], или как иерархическая структура «множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Караулов 1997: 458]. Тематическая группа является элементом семантического поля, а следовательно, представляет собой меньшую по объему совокупность лексических единиц, связанных общностью темы и обозначением близких предметов и явлений окружающего мира. При этом обе вышеупомянутые совокупности слов могут быть межъязыковыми, т. е. включать в себя единицы двух или более языков.

Вышеописанное объединение разных языковых кодов становится возможным в ментальном лексиконе в том числе благодаря праймингу, под которым понимается «качественное или количественное изменение параметров реакции человека в ответ на появление объекта, с которым он незадолго встречался, по сравнению с реакцией на впервые появившийся объект» [Фаликман, Койфман 2005: 87–88]. С понятием «прайминга» тесно связаны термины «прайминг-эффект» и «прайм»; прайминг-эффект – результат вышеуказанного воздействия, т. е. явное качественное/количественное изменение характеристик поведения человека как в обычной жизни, так и в экспериментальных условиях, а прайм – это объект действительности, оказывающий влияние на алгоритм действий человека по отношению к похожему или идентичному объекту.

В настоящее время перестройка структуры ментального лексикона при учебном билингвизме, особенно на начальном уровне владения иностранным языком, изучена недостаточно, т. е. отсутствует четкое представление о том, как именно происходит становление взаимосвязей между лексическими единицами родного и иностранного языка в ментальном лексиконе человека на начальном этапе обучения. Это порождает следующие вопросы: как в нашем сознании формируются тематические поля слов разных языков? каким образом в них сочетаются вербальные единицы первого, второго и, возможно, третьего языка? переключение кодов чаще происходит в группировках, объединенных на основе собственно языковых или внеязыковых связей? Этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Задачи, материал и методы исследования

В процессе поиска ответов на поставленные вопросы решались следующие задачи:

- 1) выявить связи лексических единиц разных языков в пределах аналогичных тематических групп в ментальном лексиконе русско-французских и русско-испанских начинающих билингвов;
- 2) на основе полученных данных построить модели фрагментов ассоциативно-вербальной сети – отдельных тематических групп;
- 3) рассмотреть взаимосвязи разных семантически не связанных тематических групп и установить, единицы какого языка чаще всего выступают в роли связующих элементов между разными группами;

4) осуществить сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов ментального лексикона обучаемых, осваивающих испанский/французский языки на начальном уровне владения;

5) установить «роль» прайминга в процессе становления ментального лексикона билингва, начинающего усваивать второй (в данном случае – французский или испанский) язык в учебных условиях.

В целях изучения системы межъязыковых связей, формирующихся на начальном уровне освоения второго языка в учебных условиях, было проведено психолингвистическое исследование с применением метода свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняли участие 48 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета, 25 из которых изучают французский язык (далее – группа 1), а 23 – испанский (далее – группа 2) на начальном уровне, благодаря чему появляется возможность рассматривать результаты эксперимента в контексте зарождения коммуникативной компетенции на усваиваемом языке.

В качестве стимульного материала в обоих экспериментах использовались три изолированных списка слов. Для группы 1: во-первых, 15 слов-стимулов на французском языке; во-вторых, 15 слов-стимулов на русском языке; в-третьих, 20 слов-стимулов на французском и русском языках, предъявляемых поочередно в порядке «русское слово – французское слово». Для группы 2 использовались аналогичные списки слов, но вместо слов французского языка были предложены слова испанского. В результате свободного ассоциативного эксперимента было получено 2 279 реакций: 1 359 реакций от группы 1 и 920 – от группы 2.

По результатам эксперимента была получена 931 ассоциативно-вербальная пара в группе 1 и 551 – в группе 2. В расчеты не включались реакции переводного типа, отказы от реакций и неидентифицируемые реакции.

На основе имеющихся данных было произведено моделирование фрагментов ментального лексикона при учебном билингвизме с последующим анализом тематических связей между единицами разных языков. Вышеупомянутая процедура проходила в несколько этапов. На первом этапе в соответствии с тематической принадлежностью слова-стимула весь массив реакций каждой из групп был разделен на 4 тематические группы: 1) «Мебель и дом»; 2) «Профессии»; 3) «Члены семьи»; 4) «Сезоны». Затем для каждой тематической группы был создан фрагмент ассоциативно-вербальной сети с помощью среды для визуализации и обработки графов «Графонализатор. Версия 1.3».

В каждом из фрагментов, полученных от двух групп респондентов, были выделены ассоциативные поля, самые крупные узлы внутри группы и реакции, одинаковые для нескольких группировок. Параллельно с этим осуществлялся сравнительно-сопоставительный анализ вышеуказанных фрагментов.

Результаты эксперимента

Рассмотрим анализ тематических групп на примере межъязыковой тематической группы «Члены семьи» (наименьшая по объему группа по результатам обоих экспериментов) (см. рис. 1, 2).

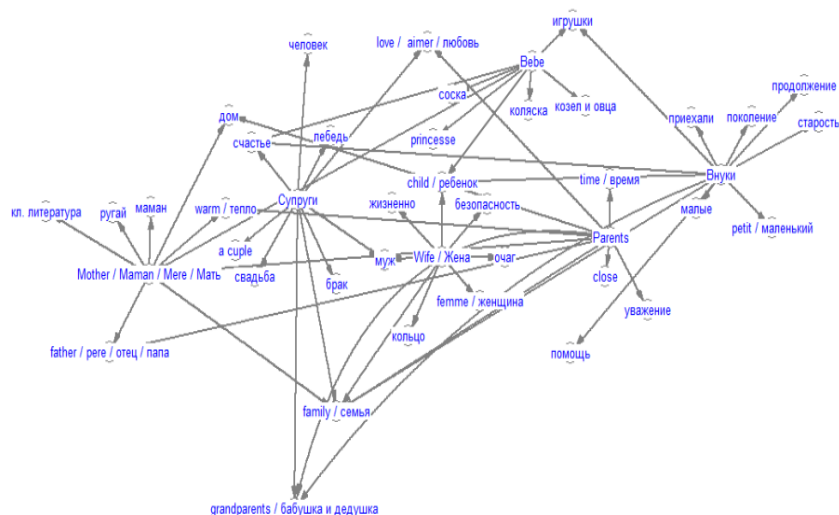

Рис. 1. Тематическая группа «Члены семьи»: группа 1 респондентов

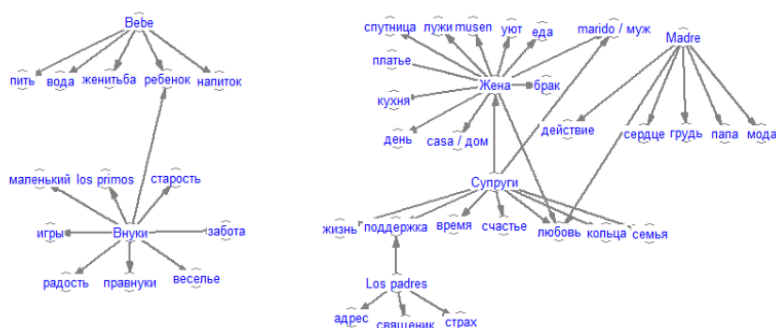

Рис. 2. Тематическая группа «Члены семьи»: группа 2 респондентов

Как показывают материалы свободного ассоциативного эксперимента, в тематической группе «Члены семьи» у обеих групп респондентов выделяются такие сегменты, как: 1) существительные со значением лица (например, *муж*, *marido* ‘муж’, *ребенок* и т. д.); 2) существительные, обозначающие семейные отношения (например, *taman* ‘мать’, *papa* и *ребенок* в крупный узел *любовь*); 3) слова, обозначающие отношение к членам семьи и имеющие эмоциональную окраску (например, *любовь*, *счастье*, *тепло* и т. д.). В сегменте «существительные со значением лица» в качестве слов-связок двух и более ассоциативных полей фигурируют вербальные репрезентации *ребенок* и *grandparents* ‘бабушка и дедушка’; последнее связывает области реакций вокруг слов-стимулов *жена*, *parents* и *супруги*, а следовательно, представляет собой крупный узел в ассоциативном поле группы 1 (см. рис. 1). Реакция *ребенок* у группы 1 является связующим элементом областей реакций: *жена* и *bebe* (‘малыш’): *жена* → *ребенок* ← *bebe* (‘малыш’) (см. рис. 1), а у группы 2 объединяет относительно самостоятельное ассоциативное поле *bebe* (‘малыш’) и область реакций на слово-стимул *внуки*: *bebe* ‘малыш’ → *ребенок* ← *внуки* (см. рис. 2).

Сегмент «слова, обозначающие отношение к членам семьи и имеющие эмоциональную окраску», у группы 2 представлен более объемно и включает в

себя самый крупный узел *любовь*. Подобным образом созданы и проанализированы фрагменты ассоциативно-вербальной сети для тематических группировок «Мебель и дом», «Профессии», «Сезоны».

Далее при помощи связующих элементов, т. е. слов-реакций, идентичных для стимулов из разных межъязыковых тематических групп, все фрагменты были объединены в единые сети. Анализ данных ассоциативно-вербальных сетей демонстрирует, что тематические группы объединяются в целостное семантическое поле, а в роли связующих элементов выступают как русские, так и французские/испанские или английские слова, несмотря на низкий уровень владения вторым языком. Например, группа 1: *parents* ‘родители’ → *тепло/warm* ← *du soleil* ‘солнечно’ или *parents* ‘родители’ → *pere* ‘отец’ ← *taman* ‘мать’; группа 2: *май* → *любовь* → *жена* → *casa* ‘дом’ ← *suelo* ‘пол’; *февраль* → *cold* ← *invierno* ‘зима’.

Кроме того, в процессе анализа ассоциативных сетей был выявлен перцептивный, семантический и экстралингвистический прайминг, проявляющийся как в L1, L2, так и в L3 (независимо от уровня владения языком). Так, например, внутри русско-французской тематической группы «Мебель и дом» сначала зафиксирована ассоциативно-вербальная пара *chaise* ‘стул’ → *кресло*, а затем наоборот: *кресло* → *chaise* ‘стул’, в результате чего формируется двусторонняя связь, которая демонстрирует семантический прайминг.

В тематической группе «Сезоны» у респондентов группы 1 фигурирует совершенно иной вид ассоциативного прайминга – экстралингвистический прайминг (реакции *шоколад* и *батончик* на слово-стимул *mars* ‘Март’). В данном случае респондент использует свой социальный опыт, продуцируя ассоциацию к конкретному слову-стимулу.

В качестве примера перцептивного прайминга целесообразнее привести трехстороннюю связь: *un camarero* ‘официант’ → *камера* ← *cama* ‘кровать’, которая фигурирует в качестве связующего элемента тематических групп «Профессии» и «Мебель и дом» у респондентов группы 2.

Одновременно с этим у респондентов обеих групп присутствуют относительно самостоятельные ассоциативные поля, изолированные от большего фрагмента ассоциативно-вербальной сети, в пределах межъязыковой группы, к которой они семантически близки. Например, область реакций на слово-стимул *medecin* ‘врач’ у группы 1 встраивается в тематическое поле посредством реакции *помощь*, благодаря чему формируется связь: *medecin* ‘врач’ → *помощь* ← *компьютер* → *работа* ← *рабочий*, а у респондентов группы 2 в данном контексте показательна межъязыковая тематическая группа «Члены семьи», в которой представлены два относительно самостоятельных ассоциативных поля *bebe* ‘малыш’ и *внуки*; они напрямую связаны между собой посредством реакции *ребенок*, но в тематическую группу входят при помощи косвенной связи: *fresco* ‘холодный’ → *напиток* ← *bebe* ‘малыш’ → *ребенок* ← *внуки*.

В то же время выявленное разнообразие видов прайминга демонстрирует корреляцию с установленными типами меж- и внутриязыковых тематических связей. Так, в ментальном лексиконе начинающего билингва обнаруживаются

следующие типы ассоциативных связей: 1) гипо-гиперонимические (*parents* ‘родители’ → *отец*); 2) синонимические (*штора* → *занавеска*); 3) антонимические (*invierno* ‘зима’ ↔ *verano* ‘лето’); 4) ситуативно-тематические – фонетико-звуковые (*eleve* ‘ученик’ → *eleven* ‘одиннадцать’) и семантико-когнитивные (*супруги* → *лебедь*).

Выводы

На начальном уровне изучения как французского, так и испанского языков лексические единицы первого, второго и третьего языков в ментальном лексиконе учебного билингва группируются в основном посредством общности темы, а не по принципу языкового кода.

Несмотря на первый уровень овладения вторым языком, все полученные модели фрагментов ментального лексикона искусственных билингвов демонстрируют, что отдельные межъязыковые группы объединяются в единое тематическое поле посредством множества разнообразных языковых и внеязыковых ассоциативных связей: гипо-гиперонимических, синонимических, антонимических, ситуативно-тематических, фонетико-звуковых и семантико-когнитивных.

Во фрагментах моделей ментального лексикона русскоязычных учебных билингвов, независимо от изучаемого языка, были обнаружены относительно самостоятельные ассоциативные поля. Однако данные области реакций встраиваются в семантическое поле посредством прямых ассоциативных связей с элементами других межъязыковых тематических групп, таким образом, косвенно связываясь с межъязыковой тематической группой, к которой они семантически близки.

При изучении французского языка на низком уровне зафиксированы различные виды прайминга: перцептивный прайминг, порождаемый формальной схожестью слова-стимула и слова-реакции; семантический прайминг; экстралингвистический прайминг как подвид ассоциативного прайминга. В свою очередь прайминг на начальном этапе овладения испанским языком в учебных условиях представлен только двумя видами: перцептивным и семантическим праймингом. Кроме того, в модели фрагмента ментального лексикона респондентов группы 1 выявлено большее количество типов прайминга и разновидностей тематических связей, чем у группы 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные виды прайминга, которые обуславливают структуру ментального лексикона искусственного билингва, независимо от уровня владения изучаемым языком, в совокупности с выявленным разнообразием типов тематических связей способствуют объединению единиц нескольких языков в межъязыковые тематические подгруппы преимущественно за счет тематической принадлежности или схожести по смыслу, а не по принципу языкового кода.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.

Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.

Кубрякова Е. С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. / под. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 97–98.

Караулов Ю. Н. Семантическое поле // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая рос. энцикл.: Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 458–459.

Лещенко Ю. Е. Двухязычный ментальный лексикон и некоторые методы его моделирования (на материале современных зарубежных публикаций) // Социо-и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 32–39.

Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. 2017. № 37. С. 185–204.

Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Психология. 2005. № 3. С. 86–97.

Aitchison J. Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 2005. 314 p.

Hall G., Cook G. Own-language use in Language Teaching and Learning: State of the Art // Language Teaching. 2012. № 45(3). Pp. 271–308.

A. A. Shisterova

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

FORMATION OF INTER-LANGUAGE THEMATIC FIELDS IN LEARNING BILINGUALISM

The article is devoted to an experimental psycholinguistic study of interlingual connections formed in the mental lexicon of an artificial bilingual at the initial level of mastering a foreign language during educational bilingualism. Analysis of the set of interlingual associative pairs obtained in a free associative experiment with stimuli from different languages confirms the assumption that at the initial stage of mastering a second (French/Spanish) language, interlingual thematic subgroups are formed in the student's mental lexicon, consisting of verbal representations of several languages, united primarily due to semantic proximity, and not according to the principle of a language code.

Key words: educational bilingualism; mental lexicon; nodes; communications; interlingual thematic links; interlingual thematic fields; vocabulary modeling.

УДК 811.161.1

Любовь Руслановна Шумилова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lyuba.shumilova.2002@gmail.com

ОЦЕНКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ РУССКИХ ИК-1 и ИК-2

В статье рассматривается воздействие на восприятие и оценку речи близости тонов китайского языка и интонационного контура русского языка на примере ИК-1 и ИК-2. В ходе эксперимента, проведенного с китайскими информантами, были использованы аудиофайлы с фразами на русском языке, демонстрирующими ИК-1 и ИК-2. Реакции информантов были подвергнуты анализу с использованием статистических методов. Результаты показали, что сходства ИК-1 и ИК-2 русского языка и китайского тона оказывают влияние на восприятие и оценку речи.

Ключевые слова: фонетика; интонация; интонационные конструкции; русский как иностранный, китайский язык.

Введение

Интонация оказывает существенное воздействие на восприятие речи и коммуникативные навыки иностранных студентов, изучающих русский язык. Так как смысл предложения передается не только лексико-грамматическим составом, интонация выполняет функцию оформления коммуникативного смысла высказывания и в некоторых случаях смыслоразличительную функцию [Прохватилова 2003: 156].

При описании интонации используется термин *интонационная конструкция*, который объединяет все средства интонации и понимается как совокупность интонационных дифференциальных признаков, которые способны выразить определенный набор синтаксических значений, передать «...коммуникативный тип высказывания, членение на тему и рему» [Торусева 1990].

Общепринятой в современной русистике считается классификация интонационных конструкций (ИК) Е.А. Брызгуновой, которая выделяет 7 основных ИК [Брызгунова 1977].

ИК-1 «наиболее ярко проявляется при выражении завершенности в повествовательном предложении» [Брызгунова 1977: 18], констатации факта. Предцентровая часть произносится на среднем тоне. В ударной части и в постцентре происходит спокойное понижение тона ниже среднего (рис. 1). ИК-2 «наиболее ярко проявляется в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в предложениях с обращением и волеизъявлением» [Брызгунова 1977: 26], при выражении форм вежливости, при выражении указания с частицей “вот”. Характеризуется резким понижением тона на интонационном центре (более сильное, чем у ИК-1), нисходящая мелодия реализуется и в постцентральной части (рис. 2).

Рис. 1. Схематическое изображение ИК-1¹

Рис. 2. Схематическое изображение ИК-2

Так как в русском языке достаточно широко представлена многозначность лексико-грамматического состава предложений, у многих иностранных студентов, изучающих русский язык, возникают трудности с анализом поступающей информации. Овладение интонационной системой неродного языка затруднено не только лингвистическими и психолингвистическими факторами, но и различиями структурной организации родного и изучаемого языков.

Китайский язык, в отличие от флективного русского языка, относится к слоговым, поэтому минимальной единицей языка, которая может иметь то или иное значение, является не фонема, а тонированный слог – силлабема [Спешнев 1980: 10]. В литературном китайском языке путунхуа принято выделять четыре полных тона и один «легкий» тон (нулевой, нейтральный): первый – высокий ровный, второй – восходящий, третий – нисходяще-восходящий, четвертый – нисходящий, пятый – нулевой (рис. 3).

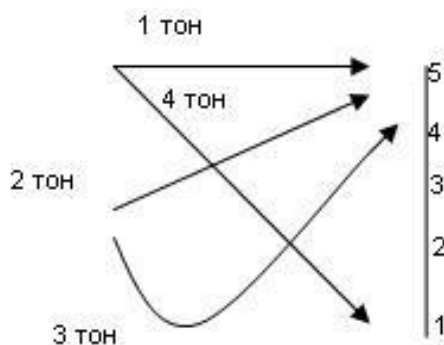

Рис. 3. Мелодическая характеристика четырех основных тонов китайского языка²

Так как тоны в тональных системах выполняют смыслоразличительную функцию, но реализуются по-разному (количество тонов в каждом из тональных языков может различаться от 2 и более), не существует универсального механизма взаимодействия интонации с тонами, каждый тональный язык должен рассматриваться отдельно [Каплун, Суетина 2013: 67]. Интонация в тональных языках, таких как китайский, функционирует иначе, чем во флективных из-за взаимодействия с тонами силлабем. К примеру, если в русском языке передача вопросительного значения зачастую происходит посредством интонации (например, ИК 2, 3, 4), то в китайском языке используются вопросительные частицы (吗 *ma*, 呢 *ne*) или вопросительные слова (什么 *shénme* ‘какой’, 多少 *duōshǎo* ‘сколько’ и др.), однако нельзя говорить о полном отсутствии интонаций в китайском языке.

В данной статье рассматривается влияние на оценку русской речи китайцами, их соотнесение элементов родного языка (тонов) с интонационными элементами русского языка.

Материалом исследования стали реакции китайцев, изучающих русский язык, на стимулы, данные им в ходе лингвистического эксперимента. Информантами были 35 китайских студентов (21 мужчина и 14 женщин), изучающих русский язык как иностранный: 25 из них проживают в России, семь – в Китае и трое – в Беларуси.

Эксперимент был проведен методом семантического шкалирования. Информантам в качестве стимулов предлагались аудиофайлы, содержащие фразы из кинофильмов, которые демонстрируют ИК-1 и ИК-2. Всего было дано 4 стимула на каждую ИК (два – произнесенных женским и два – мужским голосами), то есть 8 стимулов. Аудиофайлы русских фраз с ИК-1 и ИК-2 были вырезаны из советских кинофильмов: «Доживем до понедельника» (1968 г.), «Не может быть» (1975 г.), «Служебный роман» (1977 г.), «Москва слезам не верит» (1979 г.). Были выбраны стилистически-нейтральные фразы с базовой лексикой. С характеристикой стимульного материала можно ознакомиться в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика стимульного материала

Стимул	Голос	Фраза	ИК	Тон
1	мужской	<i>С утра шёл дождь.</i>	ИК-1	1
2	мужской	<i>Ветрено.</i>	ИК-1	1
3	женский	<i>Она в деревне.</i>	ИК-1	1
4	женский	<i>Пусть войдет.</i>	ИК-1	1
5	мужской	<i>В чём?</i>	ИК-2	4
6	мужской	<i>Зачем ты ел пластилин?</i>	ИК-2	4
7	женский	<i>Какая компания?</i>	ИК-2	4
8	женский	<i>Какое?</i>	ИК-2	4

В качестве шкал для оценки речи, которые предлагались информантам, использовались пятибалльные шкалы, сгруппированные по трем базовым факторам.

Фактор оценки:

- неприятная/приятная,
- некрасивая/красивая,
- плохая/хорошая,
- раздражающая/нравящаяся,
- грубая/вежливая.

Фактор силы:

- слабая/сильная.

Фактор активности:

- медленная/быстрая,
- пассивная/активная,
- спокойная/нервная.

Всего в ходе эксперимента было получено и проанализировано 2520 реакций информантов.

Считалось, что параметр имеет сильно выраженный левый признак, если его медиана находится в диапазоне [1 : 2); выраженный левый признак, если его медиана находится в диапазоне [2 : 2,5); параметр нейтрален – [2,5 : 3,5]; выраженный правый признак, если его медиана находится в диапазоне (3,5 : 4]; сильновыраженный правый признак, если его медиана находится в диапазоне (4 : 5].

Реакции анализировались с помощью статистических методов: для каждого стимула по формуле Р.М. Фрумкиной была рассчитана медиана оценок как мера центральной тенденции распределения:

$$Me = L_i + k_i \frac{\frac{N}{2} - N_1}{N_2}, \text{ где}$$

i – категория, содержащая искомую Me ;

L_i – нижняя граница i -ой категории;

k_i – ширина категорий (в нашем случае 1);

N – общий объем реакций;

N_1 – количество реакций, помещенных ниже L_i ;

N_2 – количество реакций, попавших в категорию i .

Далее рассматривалось влияние на оценку сходств ИК-1 и первого китайского тона, ИК-2 русского языка и четвертого китайского тона, а также влияние тембральных особенностей говорящего.

В таблицах 2 и 3 представлены полученные значения медиан при оценке интонации стимулов с ИК-1 и ИК-2 соответственно.

Так как ИК-1 выражает законченное повествовательное предложение и частично соотносится с первым китайским тоном, она оценивается информантами как очень нейтральная ИК, по общим результатам она полностью находится в границах нейтральности (табл. 2).

Таблица 2

Значения медиан при оценке интонации стимулов с ИК-1

Шкалы	Стимулы				Все стимулы
	1	2	3	4	
	мужской голос	мужской голос	женский голос	женский голос	
Неприятная/Приятная	3,47	2,92	3,25	2,29	3,01
Некрасивая/ Красивая	3,46	3,13	3,40	2,79	3,16
Плохая/Хорошая	3,46	3,24	3,16	2,90	3,16
Слабая/Сильная	3,08	3,25	3,03	3,29	3,16
Раздражающая/Нравящаяся	3,36	3,16	3,07	2,81	3,10
Грубая/ Вежливая	3,28	2,94	3,28	3,11	3,16
Медленная/ Быстрая	3,00	2,55	3,27	3,47	3,11
Пассивная/ Активная	3,09	2,84	2,97	3,11	3,01
Спокойная/ Нервная	2,65	2,53	3,04	3,22	2,85

Значения медиан при оценке интонации стимулов с ИК-2

Шкалы	Стимулы				Все стимулы
	1	2	3	4	
	мужской голос	мужской голос	женский голос	женский голос	
Неприятная/Приятная	3,00	1,91	4,00	3,80	3,20
Некрасивая/ Красивая	2,91	2,62	4,27	3,75	3,36
Плохая/Хорошая	2,88	2,55	4,15	4,00	3,40
Слабая/Сильная	4,18	4,07	3,56	3,55	3,89
Раздражающая/Нравящаяся	2,41	2,46	4,00	3,71	3,18
Грубая/ Вежливая	2,31	2,54	4,09	3,55	3,17
Медленная/ Быстрая	3,89	4,00	3,00	3,45	3,65
Пассивная/ Активная	3,38	3,21	3,69	3,55	3,44
Спокойная/ Нервная	3,45	4,00	2,95	3,54	3,54

Так как ИК-2 имеет довольно выраженные правые признаки, можно предположить, что это связано с использованием вопросительных слов в вопросах, такой тип конструкции был наиболее понятен для информантов, так как данные конструкции близки грамматическому и интонационному контуру китайского языка (табл. 3).

Стоит также отметить, что оценки интонации могут зависеть от частоты голоса. Более низкие частоты воспринимаются информантами как грубые, поэтому низкие мужские голоса зачастую получали оценку по таким параметрам как «Плохая», «Грубая», «Неприятная».

Можно обратить внимание и на тенденцию деления предложенных параметров по полу. Стимулы, произнесенные женским голосом, чаще оценивались как красивые, а стимулы, произнесенные мужским голосом, – как сильные. Это может быть связано с гендерными стереотипами, связанными с социальными ролями мужчин и женщин в обществе.

Таким образом, несмотря на то, что интонационные конструкции русского языка реализуются в рамках синтагмы, а китайские тоны реализуются на каждом отдельном слоге, полученные результаты лингвистического эксперимента показали, что сходства интонационного контура русского языка и китайских тонов в той или иной степени оказывают влияние на восприятие и оценку речи. Исследование показывает, что восприятие и оценка интонационных конструкций могут зависеть от различных факторов, включая схожесть интонационных контуров языков, пол говорящего, частоту голоса и социокультурные факторы.

Полученные результаты также могут иметь практическое значение при разработке методик обучения иностранным языкам, учитывая, что интонация и характеристики голоса могут играть ключевую роль в коммуникативных навыках. Для дальнейших исследований планируется провести более детальный анализ других интонационных конструкций и рассмотреть влияние на разные языковые группы.

Примечания

1. Рисунки 1 и 2 взяты из учебного пособия И. А. Садыковой «Русская интонация» [Садыкова 2015: 17, 29].
2. Рисунок 3 взят с сайта <https://studychinese.ru/> [Китайский язык онлайн].

Список литературы

- Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация в русской речи. М.: Русский язык, 1977. 280 с.
- Торсуева И. Г.* Интонация // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/197e.html> (Дата обращения: 26.09.2023).
- Каплун М. И., Суетина Ю. Г.* Тон хауса: традиции и реальность. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2013. 93 с.
- Китайский язык онлайн* – уроки, тесты, статьи [Электронный ресурс]. URL: <https://studychinese.ru/> (Дата обращения: 26.09.2023).
- Прохватилова О. А.* К вопросу о функциях интонации // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2003. № 3. С. 156–161.
- Садыкова И. А.* Русская интонация: учебное пособие по фонетике для иностранных студентов и стажеров филологических специальностей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 64 с.
- Спешнев Н. А.* Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 142 с.

L. R. Shumilova

Student of Philological Faculty
Perm State University

CHINESE STUDENTS' EVALUATION OF INTONATION CONSTRUCTION-1 AND INTONATION CONSTRUCTION-2

Intonational constructions in Russian play an important role in conveying meaning, especially in the context of polysemous sentences, which creates difficulties for foreign students. This paper examines the impact on speech perception and evaluation of the proximity of Chinese tones and Russian intonational contour on the example of IC-1 and IC-2. In an experiment conducted with Chinese informants, audio files with phrases in Russian demonstrating IC-1 and IC-2 were used. The informants' reactions were analysed using statistical methods. The results showed that the similarities of Russian language IC-1, IC-2 and Chinese tone have an impact on speech perception and evaluation.

Key words: phonetics; intonation; intonation constructions; Russian as a foreign language, Chinese.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'22

Бай Линсяо

аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
blingkong2008@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК УДАЧА В ОППОЗИЦИИ СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ)

В сознании большинства китайцев *удача* является признаком *счастья*, наоборот, *неудача* является признаком *несчастья*. В этой статье собраны и систематизированы чэньюй, представляющие концепт *удача* и его оппозиции. Целью исследования является описание когнитивного признака *удача*, актуализирующего оппозицию *счастье – несчастье* в китайских чэньюй. Материалом послужили чэньюй в китайском языке и предложения, содержащие чэньюй, символизирующие *удачу*.

Ключевые слова: оппозиция *счастье – несчастье*; чэньюй; когнитивный признак; китайский язык; фразеология.

Введение

В современной лингвистике в последние десятилетия вопросы изучения сущности, структуры, репрезентации концепта в языке являются особенно актуальными. Концепт, как объект исследования разных наук, имеет различные интерпретации [Соколова 2022]. Концепт – это понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры [Степанов 2007: 19].

Существует множество подходов к анализу концептов, способов их описания, основанных на использовании различного исследовательского материала. В данной статье мы анализируем китайские чэньюй, символизирующие *удачу*, как положительные, так и отрицательные, определяем границу между понятиями *счастье* и *несчастье* во фразеологической семантике. По определению Чэнь Шуан, *чэньюй* – это фразеологические связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса [Чэнь Шуан 2007].

Объектом настоящего исследования являются чэньюй, актуализирующие оппозицию *счастье – несчастье* в китайской культуре. Анализ показал, что исследования чэньюй, вербализующих эту оппозицию в китайском языке, в настоящее время отсутствуют. В нашей классификации когнитивный признак *удача*

конкретизируется оппозитивными парами, как *мастерство – неумелость, известность – неизвестность, расцвет – упадок, победа – поражение, здоровье – болезнь*. Актуализация оппозиции *счастье – несчастье* в когнитивном признаке *удача* происходит за счет детализации признаков *мастерство – неумелость*.

Положительные характеристики

Чэньюй 巧夺天工 (qiǎo duó tiān gōng) [成语大全] происходит из книги «葬书 (цзан шу)». 【释义】形容制作技艺之高超。[там же] – Мастерство (человека) превосходит творения природы; мастерская работа, тонкая работа, утонченное мастерство, шедевр [大 БКРС]. В китайском языке выделяется синонимический ряд: 神通广大 (обладать огромными способностями); 出口成章 (говорить, как по писанному); 匠心独运 (мастерство); 过目不忘 (отлично помнить раз прочитанное); 见贤思齐 (стремиться учиться у хороших людей).

...这么说来, 你对木工活有兴趣吗? 通过劳动, 把原始的木材, 变成巧夺天工的艺术品。

[大 БКРС] – Кстати, а тебе нравится работать с деревом? Только представь, как это... Превратить собственными руками неотёсанный кусок древесины во что-то прекрасное;

您应该来我附近的城市看一看, 我的朋友。您会沉浸在波斯工艺的巧夺天工和建筑的宏伟壮观之中。[там же] – Друг мой! Вам стоит посетить мой близлежащий город, полюбоваться блеском персидского искусства и величием архитектуры; 与前作相比, 此次亮相的两款软陶娃娃同样是巧夺天工, 灵动可爱。[CORPORA] – По сравнению с предыдущей работой, две куклы из мягкой керамики, представленные на этот раз, также оригинальны, умны и симпатичны.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 一无所长 (yī wú suǒ cháng) [成语大全] происходит из книги «东周列国志 (дун чжоу ле го чжи)». 【释义】没有一点专长。– Никакими способностями не отличаться, ничем не выделяться (там же); не иметь ничего положительного; не иметь особых способностей (достоинств) [大 БКРС]. Синонимы: 目不识丁 (не знать ни аза; абсолютно безграмотный); 五谷不分 (быть не способным к труду и не разбираться в культуре); 不学无术 (невежество); 力不从心 (не в силах из-за отсутствия способности); 无能为力 (ничего не поделаешь, неспособен); 百无一能 (неспособный).

妈妈希望蕊蕊以后生活幸福, 不希望她像自己一样, 一无所长 [CORPORA] – Мама хочет, чтобы Руи Руи жила счастливо в будущем, и не хочет, чтобы она была такой же, как она сама, без каких-либо способностей; 这种一无所长的新出生的农民工只能进入简单劳动的岗位。[там же] – такого рода новое поколение трудовых мигрантов, которым нечему учиться, может устроиться только на простые рабочие должности; 学习状况—有的学生因为成绩不太好而妄自菲薄、过于谦单, 认为自己一无所长、无可救药。[там же] – Статус обучающегося – некоторые учащиеся хорошо учатся, но скромны из-за своих плохих оценок, думая, что им нечему учиться и они безнадежны.

Актуализация оппозиции *счастье – несчастье* в когнитивном признаке *удача* происходит за счет детализации признаков *известность – неизвестность*.

Положительные характеристики

Чэньюй 名扬四海 (míng yáng sì hǎi) [成语大全] происходит из книги «五侯宴 (wū hóu yàn)». 【释义】四海: 指全国各地。名声传遍全国。形容名声很大。(там же) – стать мировой знаменитостью; прославиться на весь мир; приобрести мировую славу [大 БКРС]. Синонимы: 引人注目 (привлекать внимание других); 令人神往 (освещенный всеми цветами радуги); 立身扬名 (стать известным); 名扬四海 (всемирно известный); 名垂青史 (войти в историю); 名满天下 (всемирно известный); 举世无双 (единственный в мире).

但鲍克兰的比武大会依然名扬四海, 我们也相当以此为傲。[大 БКРС] – Боклерские турниры по-прежнему славятся по всему миру, и мы весьма этим горды;这四所大学都有悠久的赛艇运动传统, 并且哈佛与耶鲁、牛津和剑桥之间的对抗赛可谓名扬四海, 让人津津乐道。[CORPORA] – Эти четыре университета имеют давние традиции академической гребли, и соперничество между Гарвардом и Йелем, Оксфордом и Кембриджем можно назвать известным во всем мире, заставляя людей наслаждаться им;

这里还有一支日夜守卫在这里的武警战士, 他们在皇宫内未经沙场, 却名扬四海, 中外游人的摄像机留下了他们的身影。[там же] – Здесь также днем и ночью дежурит вооруженный полицейский боец. Они не были на поле боя во дворце, но они знамениты во всем мире. Камеры китайских и иностранных туристов оставили их фигуры.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 不见经传 (bù jiàn jīng zhuàn) [成语大全] происходит из книги «鹤林玉露 (hè lín yù lù)». 【释义】经传: 指经典的著作。经传里没有记载; 也指人或事物没多大名气。[там же] – не обнаруживаться в канонах и летописях (обр. в знач.: никому неизвестный, незначительный) [大 БКРС]. Синонимы: 默默无闻 (никому не известный); 鲜为人知 (мало кто знает); 无名之辈 (неизвестный человек); 寂寂无闻 (в неизвестности).

对葡萄酒有多年研究的郭松泉告诉我们, 现在不仅仅是大牌子的红酒, 就连法国那些明不见经传的普通红酒也希望能敲开中国的大门。[CORPORA] – Го Сонцюань, который много лет изучал вино, сказал нам, что теперь это не только большие марки красного вина, но и обычные французские вина, о которых ничего не известно, надеются постучать в дверь Китая; 那九州四海之中, 目所未见, 耳所未闻, 不载史册, 不见经传, 奇奇怪怪, 蹊蹊蹊蹊的事, 不知有多少多少。[千亿] – Сколько на свете странного и вызывающего недоумение, чего никогда не видывали и о чём не слыхивали люди, что не вписано в историю и не найти в канонических книгах с комментариями!; 若他生在和平的年代里, 很可能只是一名不见经传、终此一生默默无闻的青年而已, 充其量也只是一位少数人知道的二流历史学家罢了。[BCC] – Если бы он родился в мирное время, то, скорее всего, был бы просто неизвестным молодым человеком на всю жизнь, в лучшем случае, второсортным историком, которого знают немногие.

Актуализация оппозиции *счастье – несчастье* в когнитивном признаке *удача* происходит за счет детализации признаков расцвет – упадок.

Положительные характеристики

Чэньюй 繁荣昌盛 (fán róng chāng shèng) [成语大全] происходит из книги «中国人民站起来了(Китайский народ встал)». 【释义】形容国家或事业兴旺发达、欣欣向荣的景象。— процветание и могущество [там же]. Синонимы: 春色满园 (все было в цвету); 春意盎然 (весна в ее разгаре); 枯木生花 (из-под пня цветут цветы); 如日中天 (в полном расцвете); 容光焕发 (расцвести).

损失如此惨重。不知道还能不能。再次崛起。再次繁荣昌盛。也许还有时间... [大 БКРС] — Столько всего потеряно. Возможно ли... вновь подняться? Снова процветать? Быть может, еще осталось время...; 当世扬名, 因为有优点, 有表率, 我们要树立榜样, 宣传好的思想, 美德, 希望人民永葆高尚, 保障百姓安居乐业, 国家繁荣昌盛。 [CORPORA] — В этом мире мы должны славиться, потому что есть преимущества, есть пример, должны показать пример, продвигать хорошие идеи, добродетели, мы надеемся, что народ останется благородным навсегда, чтобы люди жили и работали в мире и удовлетворении, а страна процветала.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 百业萧条 (bǎi yè xiāo tiáo) [成语大全] происходит из книги «中国人民解放军宣言(Декларация Народно – освободительной армии Китая)». 【释义】指各行各业都很冷落、不兴旺。形容社会的衰败。(там же) — все отрасли находятся в застое [大 БКРС]. Синонимы: 民不聊生 (букв. «народ не может спокойно жить»); народ дошёл до крайности; жизнь народа стала невыносимой); 每况愈下 (всё хуже и хуже); 生灵涂炭 (народ ввержен в пучину бедствий и страданий); 荒无人烟 (безлюдно, пусто из-за упадка); 流离失所 (остаться без дома).

如今的海阳是在皇军管理之下, 董三老爷竟抱怨 “百业萧条”, 又说各家店铺都闹着饥荒, 到底是个什么意思呢? [ВСС] — Сегодняшний Хайян находится под управлением императорской армии, господин Донг Сань на самом деле жалуется на «депрессию во всем бизнесе», говоря, что в каждом магазине голод, в конце концов, что это значит?; 许多政界、专业人士及媒体和民众都指出, 自新领导人上台后, 台湾政局不稳, 当局各项政策失当, 尤其是两岸政策一直无法让民众放心, 岛内出现 “社会乱象丛生”、“百业萧条”、“股市跌跌不休”、“民众信心大跌”的状况。[CCL] — Многие политики, специалисты и СМИ отмечают, что после прихода к власти нового лидера политическая ситуация на Тайване была нестабильной, а политика властей была неправильной, в частности, политика по обе стороны Тайваньского пролива не смогла успокоить людей, на острове сложилась ситуация, когда “социальные беспорядки и хаос”, “депрессия в отрасли промышленности”, “фондовый рынок постоянно падает”, “доверие людей резко упало”.

Актуализация оппозиции *счастье – несчастье* в когнитивном признаке *удача* происходит за счет детализации признаков победа – поражение.

Положительные характеристики. Чэньюй 大获全胜 (dà huò quán shèng) [成语大全] происходит из книги «古今小说(Повесть о древнем и современном)». 【释义】

战胜对方; 取得全部胜利。[там же] – одерживать полную победу, безоговорочно победить, добиться великолепной победы [大БКРС]. Синонимы: 硕果累累 (достигнуть блестящих успехов); 大功告成 (дело в шляпе); 马到成功 (добиться быстрых успехов); 立于不败之地(всегда быть победителем); 捷报频传 (постоянно сообщать о победах); 旗开得胜 одержать скорую победу.

海加尔山的驻军听到这一胜利的消息应该会很高兴的。请转告伊安·杜兰我们的发现, 还有我们是如何大获全胜的! [大 БКРС] – Наши силы на горе Хиджал должны услышать об этой победе. Возвращайся к Яну Дюрану и расскажи ему о нашем триумфе и о том, что мы обнаружили!; 人的完善是渐进的, 需要有进两步退一步的努力过程—早安, 人生大方向把

握好, 然后将目标分阶段实现.....直至大获全胜。[CCL]– Совершенствование человека является постепенным и требует двухэтапного процесса усилий: доброе утро, общее направление жизни, чтобы понять, а затем достичь цели поэтапно... До полной победы.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 全军覆没 (quán jūn fù mò) [成语大全] происходит из книги «李希烈传 (Биография Ли Шире)». 【释义】整个军队被消灭。比喻遭到彻底失败。[там же] – вся армия полностью разгромлена; обр. потерпеть полное поражение, быть разбитым наголову [大БКРС]. Синонимы: 一败涂地 (поражение); 溃不成军 (перестать существовать как армия; быть разбитым наголову); 丢盔弃甲 (бросить доспехи); 损兵折将 (нанести ущерб войскам); 落荒而逃 (сбежать); 片甲不留 (потерпеть полный разгром).

所有人坚持战斗, 直到小队全军覆没。但他们没有死, 哦不! 那石头给了我们生命带来了转机, 我想它也能给我们重生。只要有血...现在我想将这一理论付诸实践! [大 БКРС]– Пираты сражались друг с другом до тех пор, пока в живых не осталось никого. Но они не умерли, о нет! Камень дает нам извращенную форму жизни – но, думаю, он может и воскресить нас по-настоящему... Если дать ему кровь... А теперь я испытаю эту теорию на практике!; 黄维兵团在十五日晚全军覆没, [千亿] Армия Хуан Вэя была полностью разгромлена 15-го числа к ночи...; 蒙古国自由式摔跤运动员本打算在北京奥运会上创造奇迹, 但全军覆没。[CORPORA]– Монгольские борцы вольного стиля намеревались творить чудеса на Олимпиаде в Пекине, но потерпели поражение.

Актуализация оппозиции *счастье – несчастье* в когнитивном признаке *удача* происходит за счет детализации признаков *здоровье – болезнь*.

Положительные характеристики

Чэньюй 长命百岁 (cháng mìng bǎi suì) [成语大全] происходит из книги «蓝采和 (Лань Цайхэ)». 【释义】指寿命很长, 能活到一百岁 [там же] – долгожительство. (перевод наш) Синонимы: 龙马精神 живой и весёлый; 老当益壮 энергичный и бодрый; 耳聪目明 хорошо слушающий и ясно видящий; 福如东海, 寿比南山долголетие; 福寿绵长 счастье и долголетие.

你真的错过好料了。想要长命百岁永保健康，请多喝：滴仔的柠檬水。[大 БКРС]– Совершенно напрасно. Долгая здоровая жизнь с лимонадом Дизера вам обеспечена; 感谢父母，祝福所有的亲人身体健康，长命百岁。[CORPORA]– Спасибо родителям, желаю всем близким крепкого здоровья и долгой жизни; 过年的时候，大家见面都是互相祝福：“健康长寿。”见了老人，祝老人“长命百岁”。[BCC]– Когда Новый год, мы встречаем друг друга благословения: “Здоровье и долгая жизнь”, – встретил старика, пожелал старику "долгой жизни".

Отрицательные характеристики

Чэньюй 弱不禁风(ruò bù jīn fēng) [成语大全] происходит из книги «江雨有怀郑典设 (цзян юй ю хуай чжэн дянь шэ)». 【释义】指人体质虚弱。[там же] – такой слабый, что от ветерка с ног валится (обр. в знач.: еле держится на ногах, хилый, болезненный) [大БКРС]. Синонимы: 骨瘦如柴 (худой как хворостинка); 面黄肌瘦 (болезненный вид); 奄奄一息 (умирающий); 有气无力 (слабость); 苟延残喘 (откладывать свой последний час); 日薄西山 (букв. «солнце садится за западные холмы»); доживать последние дни, дышать на ладан).

瞧你弱不禁风的样子，我建议你多参加体育锻炼。[大 БКРС]– У тебя такой болезненный вид, я бы советовал тебе заняться спортом; 长期的加班和出差让看上去弱不禁风的欢欢身体更加柔弱，每当流感季节，只要身边有人感冒，第二天她必定开始咳嗽流鼻涕。[CORPORA] – Длительная сверхурочная работа и командировки делают, казалось бы, слабое тело Хуань Хуань более слабым, и всякий раз, когда сезон гриппа, до тех пор, пока кто-то вокруг простуды, она должна начать кашлять и соплю на следующий день.

Выводы

Подводя итоги анализа актуализации оппозиции *счастье – несчастье* в аспекте когнитивного признака *удача* через использование чэньюй в китайском языке, мы приходим к выводу, что *удача* является базовой когнитивной категорией, широко представленной в чэньюй. Представление о *счастье* связано с удачей, *удача* – это случайное, неожиданное счастье, что подтверждают также текстовые репрезентации концепт, как *мастерство, известность, расцвет, победа и здоровье*. Чэньюй и контексты, связанные с этими словами рассматривают репрезентацию концепта *счастье*. Представление о *несчастье* может быть связано с возможными неприятными событиями, опасными ситуациями, которые человек предвидит и избежит, оно вербализуется во фразеологизмах, содержащих указание на *неумелость, неизвестность, упадок, поражение и болезнь*.

Список литературы

Соколова А. С. Концепты «добро» и «зло» в героических сказках (на материале русского и английского языков) // Языки, культуры, этносы формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. Сборник научных статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Романовой. Йошкар-Ола, 2022. С. 159–163.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Чэнь Шуан Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза. Автореф ... канд. пед. наук, Иркутск, 2007. 23 с.

成语大全 Собрание чэньюй [Электронный ресурс]. URL: <https://chengyu.qianp.com> (Дата обращения: 02.09.2023).

大 БКРС – Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (Дата обращения: 03.09.2023).

CCL– 北京大学汉语语料库 Корпус китайского языка Пекинского Университета [Электронный ресурс] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (Дата обращения: 03.09.2023).

BCC – 汉语语料库 Корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (Дата обращения: 05.09.2023).

CORPORA [Электронный ресурс]. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=zho-simp_news_2010 (дата обращения: 12.09.2023).

7/2 [Электронный ресурс]. URL: <https://w.qianyix.com> (Дата обращения: 26.08.2023).

Bai Lingxiao

Postgraduate Student of Philological Faculty

Perm State University

COGNITIVE FEATURES OF THE CONCEPT "SUCCESS" IN THE OPPOSITION "HAPPINESS – UNHAPPINESS" (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHINESE CHENGYU)

In the minds of most Chinese, *success* is a feature of *happiness*, on the contrary – *unhappiness*. In this article, the chengyu representing *success* and its oppositions are collected and systematized. The aim of the study is to describe the cognitive feature of *success*, actualizing the opposition *happiness – unhappiness* in Chinese chengyu. The material was chengyu in Chinese and sentences containing chengyu, symbolizing *success*, both positive and negative.

Key words: opposition; idioms; cognitive feature; Chinese language; phraseology.

Алина Денисовна Петрищева
студент ИИЯМС
Томский государственный
педагогический университет
a_petrishcheva@list.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена анализу основных трудностей, с которыми сталкивается переводчик при переводе с русского языка на китайский язык. В ходе анализа языкового материала компании по производству натуральной сибирской продукции на китайском и русском языках, были выделены и проанализированы основные трудности передачи текстов, связанные с разным грамматическим строем и стилистическими особенностями языков.

Ключевые слова: проблемы; перевод; русский язык; китайский язык; трансформации.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что торговые отношения России и Китая достигают высоких показателей. Население Китая любит нашу продукцию из Сибири, поскольку для них это что-то незнакомое и очень вкусное. К тому же, ничего подобного в Китае не найти, поэтому сибирская продукция там очень востребована.

Материалом исследования послужили рекламные тексты компании «Дико Вкусно» и их перевод на китайский язык [Дико вкусно].

Целью исследования является анализ и выявление наиболее частотных трудностей, которые встречаются во время переводческого процесса.

Особенности перевода

Поскольку китайский и русский языки относятся к разной языковой системе, между ними существуют много различий как в лексике, фонетике, так и в грамматике. В таких случаях в процессе перевода переводчик прибегает к использованию переводческих трансформаций, которые Я. И. Рецкер разделяет на лексические и грамматические. К лексическим трансформациям относятся дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация [Рецкер 2007: 45]. К грамматическим трансформациям относятся замены форм слова, частей речи или членов предложения [Рецкер 2007: 84].

Ян Юйфэй отмечает, что преследуя цель более точно и верно передать содержание оригинала в переводе в соответствии с нормами китайского языка, наиболее часто используют несколько видов замен частей речи [Ян Юйфэй 2008: 11]. Опираясь на исследование Ян Юйфэй, рассмотрим особенности перевода с русского на китайский.

1) Замена имени существительного глаголом или прилагательным

Поскольку в китайском языке отсутствует отглагольное существительное, очень часто переводчик меняет существительное русского языка на глагол китайского языка. Например:

(1) *Благодаря особому способу приготовления без варки данный десерт получается густым, с насыщенным цветом и ароматом, сохраняет все полезные микроэлементы облепихи и является действительно натуральным и очень полезным угощением.*

由于独特的非煮制造方法, 本甜品稠密, 口感饱满, 颜色鲜艳, 保持沙棘果所有的微量元素。本甜食真正是自然有益产品 (yóuyú dútè de fēi zhǔ zhìzào fāngfǎ, běn tiánpǐn chóumì, kǒugǎn bǎomǎn, yánsè xiānyàn, bǎochí shājíguǒ suǒyǒu de wēiliàng yuánsù. běn tiánshí zhēnzhèng shì zìrán yǒuyì chǎnpǐn).

В данном примере отглагольное существительное *приготовление* заменяется китайским глаголом 制造 (zhìzào), который обозначает «изготавливать».

(2) *Употребление мёда с кедровыми орешками.*

吃蜂蜜和雪松果 (chī fēngmì hé xuě sōngguǒ).

Русское отглагольное существительное *употребление* заменяется при переводе китайским глаголом 吃 (chī) со значением «есть, кушать».

Также часто встречается замена существительного прилагательным, например:

(3) *Сладкая натуральная консервация.*

天然甜食罐头 (tiānrán tiánshí guàntóu).

В данном примере русское существительное *консервация* заменяется китайским прилагательным 罐头 (guàntóu), который переводится как «консервированный».

(4) *Ценность этого продукта обусловлена разнообразным рационом питания бурого медведя.*

本品珍贵的原因之一是, 棕熊是杂食动物 (běnpǐn zhēnguì de yuányīn zhī yī shì, zōngxióng shì záshí dòngwù)

Слово *ценность* в данном примере заменяется на иероглиф 珍贵 (zhēnguì) со значением «дорогой, драгоценный».

2) Замена местоимения существительным

Так как в русском языке местоимения встречаются гораздо чаще, чем в китайском, в процессе перевода местоимения третьего лица переводятся соответствующими именами существительными для того, чтобы избежать непонимания рецептором перевода [Ян Юйфэй 2008: 11]. Например:

(1) *Ягоды клюквы – кладезь полезных веществ, они богаты антоцианами, фенолокислотами, лейкоантоцианами, катехинами, бетаином, органическими кислотами, макро и микроэлементами, такими как калий, фосфор, кальций, железо и другие.*

蔓越莓是有益元素的珍贵宝库。蔓越莓含有花色素、酚酸、种子壳含花白甙、右旋儿茶粗、甜菜碱、有机酸、常量元素和微量元素, 比如钾、磷、钙、铁 (màn yuè méi shì yǒuyì yuánsù de zhēnguì bǎokù. màn yuè méi hányǒu huāsèsù, fēnsuān, zhǒngzi ké hán huā báidài,

yòushī érchá cū, tiáncàijiǎn, yǒujīsuān, chángliàng yuánsù hé wēiliàng yuánsù, bīrújiǎ, lín, gài, tiě).

Здесь русское местоимение *они* заменяется на китайский иероглиф 蔓越 (màn yuè), который переводится как «клюква».

(2) *Правильно приготовленное сосновое варенье укрепляет ослабленный иммунитет и оказывает на организм поистине волшебное действие. Оно содержит большое количество витамина С, которого так не достает организму в холодное время года.*

松球果酱增强系统免疫力。松球果酱含有大量维生素C。众所周知，冬天时人体缺乏维生素C，本品是一种良好的抗病毒产品，感冒时即食 (sōngqiú guǒjiàng zēngqiáng xìtǒng miǎnyìlì. sōngqiú guǒjiàng hányǒu dàliàng wéishēngsù C. zhòngsuǒzhōu zhī, dōngtiān shí réntǐ quēfá wéishēngsù C, běnpǐn shì yī zhǒng liánghǎo de kàng bìngdú chǎnpǐn, gǎnmào shí jí shí).

Русское местоимение *она* при переводе заменяется на китайское соответствующее имя существительное 松球果酱 (sōngqiú guǒjiàng), которое переводится как «сосновое варенье».

(3) *Научно подтверждено, что молодые сосновые шишки сосны – это мощнейший антиоксидант, который тонизирует весь организм. Они защищают организм на клеточном уровне от негативного и разрушительного действия свободных радикалов, обладают выраженным противоопухолевым эффектом.*

科学证明绿色松球果是一种强大的抗氧化剂，可增强体质。松球果在细胞水平上保护人们身体，减少游离基损坏影响，具有显著的抗肿瘤影响 (kēxué zhèngmíng lǜsè sōngqiúguǒ shì yī zhǒng qiángdà de kàngyǎngjì, kě zēngqiáng tǐzhì. sōng qiúguǒ zài xìbāo shuǐpíng shàng bǎohù rénmen shēntǐ, jiǎnshǎo yóulíjī sǔnhuài yǐngxiǎng, jùyǒu xiǎnzhe de kàng zhǒngliú yǐngxiǎng).

При переводе местоимение *они* заменяется на китайское существительное 松球果 (sōngqiúguǒ) в значении «сосновая шишка».

3) Замена пассивной конструкции на активную

(1) *Однако, мы спешим вас обрадовать: есть при диабете сладкое можно, для этого нашими специалистами разработана специальная линейка джемов и варенья, которые самое главное еще и очень полезны, приготовлены из самых экологически чистых продуктов, содержащие витамины и нужные для организма микроэлементы.*

可是，我们专家做了量大的研究，他们为糖尿病病人制造了特殊的食品。特殊果酱不但非常可口，而且完全绿色，含有重要维生素和微量元素 (kěshì, wǒmen zhuānjiā zuò liǎo liàng dà de yánjiū, tāmen wéi tángniàobìng bìngrén zhìzào liǎo tèshū de shípǐn. tèshū guǒjiàng bùdàn fēicháng kěkǒu, érqǐě wánquán lǜsè, hányǒu zhòngyào wéishēngsù hé wēiliàng yuánsù).

Так как в данном случае буквальный перевод не будет соответствовать речевым привычкам носителям китайского языка, необходимо русскую пассивную конструкцию заменить на китайскую активную конструкцию.

Важно отметить процесс перевода русских сложноподчиненных предложений на китайский язык. Одним из приемов является замена сложного предложения простым. Например:

(2) *Мы максимально приблизились к природе, используя только натуральные ягоды, орехи и другие ингредиенты, созданные самой природой, чтобы вы могли насладиться истинным вкусом сибирской тайги.*

无人工成分, 摘自西伯利亚针叶林的野果、坚果等是大自然的馈赠, 纯天然绿色原生态食品让您享受真正来自西伯利亚的美味 (wú réngōng chéngfēn, zhāi zì xībólià zhēnyèlín de yěguǒ, jiānguǒ děng shì dàzìrán de kuì zèng, chún tiānrán lǜsè yuán shēngtài shípǐn ràng nín xiǎngshòu zhēnzhèng láizì xībólià de měiwèi).

Данное предложение содержит придаточное изъяснительное.

При переводе на китайский язык был опущен союз *чтобы*, а *вы могли насладиться истинным вкусом сибирской тайги* –纯天然绿色原生态食品让您享受真正来自西伯利亚的美味 (chún tiānrán lǜsè yuán shēngtài shípǐn ràng nín xiǎngshòu zhēnzhèng láizì xībólià de měiwèi) полностью стало дополнением, поэтому данное предложение из сложного превратилось в простое.

Часто переводчик применяет и другие виды грамматических трансформаций, например, членение предложения:

(3) *Ягоды клюквы – кладезь полезных веществ, они богаты антоцианами, фенолокислотами, лейкоантоцианами, катехинами, бетаином, органическими кислотами, макро и микроэлементами, такими как калий, фосфор, кальций, железо и другие.*

蔓越莓是有益元素的珍贵宝库。蔓越莓含有花色素、酚酸、种子壳含花白甙、右旋儿茶粗、甜菜碱、有机酸、常量元素和微量元素, 比如钾、磷、钙、铁 (màn yuè méi shì yǒuyì yuánsù de zhēngùì bǎokù. màn yuè méi hányǒu huāsèsù, fēnsuān, zhǒngzi ké hán huā báidài, yòushī érchá cū, tiáncàijiǎn, yǒujīsuān, chángliàng yuánsù hé wēiliàng yuánsù, bīrújiǎ, lín, gài, tiě).

Виды трансформации

Сталкиваясь с трудностями на уровне лексики, переводчик прибегает к следующим видам трансформаций:

1. *Описательный перевод* – это трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, дающим более или менее полное объяснение или определение ее значения на языке перевода [Комиссаров 1990: 185]. Этот прием используется в тех случаях, когда в переводном языке отсутствует эквивалент заимствованному термину, например, *травяные купажи* – 青草混合 qīngcǎo hùnhé («смешивание трав») [БКРС].

2. *Генерализация* – замена слова с узким значением на слово-синоним с более общим значением, существующее в другом языке и понятное носителю языка [Комиссаров 1990: 176]. Например:

Благодаря удобной упаковке это не только прекрасный натуральный десерт, но и очень вкусный и полезный перекус.

由于方便包装, 这种糖果不但是良好自然甜食, 而且是特别可口及有益随口可吃**东西** (yóuyú fāngbiàn bāozhuāng, zhè zhǒng tángguǒ bùdànshì liánghǎo zìrán tiánshí, érqiě shì tèbié kěkǒu jí yǒu yǒuyì suǐkǒu kě chī dōngxī).

В данном предложении слово «перекус» заменяется на китайский иероглиф «东西 dōngxī» с более широким значением «предмет, вещь» [БКРС].

3. Конкретизация – замена слова с общим значением на слово с более узким, конкретным значением [Комиссаров 1990: 174]. Например:

*Употребление мёда с кедровыми орешками способно оказать мощное целебное действие при различных **физиологических и биохимических нарушениях в организме.***

吃蜂蜜和雪松果会治疗**内分泌失调** (chī fēngmì hé xuě sōngguǒ huì zhìliáo nèifēnmì shīdiào). В данном примере *физиологические и биохимические нарушения в организме* заменяются на «**内分泌失调 nèifēnmì shīdiào**» («эндокринная дисфункция») [БКРС].

Выводы

Довольно часто переводчикам приходится прибегать к использованию грамматических трансформаций при переводе с русского языка на китайский язык, таким как, замены частей речи, членение предложений и т.д. Применение такого вида трансформаций связано со стилистическими и грамматическими различиями языков. Говоря о наиболее частотных трансформациях, следует отметить, что замены имени существительного глаголом или прилагательным, которые составили 30% от количества рассмотренных примеров, а также замены местоимения именем существительным, которые составили 24% от количества изученных примеров встречаются чаще других. Нередко грамматические трансформации сопровождаются синтаксическими, например, заменами сложного предложения на простое и наоборот. В рамках исследуемой тематики просматривается возможность продолжения данного исследования, так как сотрудничество России и Китая набирает все больший вес на уровне производителей региональных пищевых продуктов, что ставит перед переводчиками задачи по передаче с русского на китайский язык не только национального, но и локального колорита.

Список источников

Дико вкусно – Официальный сайт компании «Дико вкусно». [Электронный ресурс]. URL: <https://dikovkusno.com/> (Дата обращения: 15.09.2023).

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (Дата обращения: 16.09.2023)

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва : Высш. шк., 1990. 253 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода 3-е изд. / Я. И. Рецкер. Москва: Р. Валент, 2007. 244 с.

Ян Юйфей Грамматические трансформации в русско-китайском переводе : автореф. дис. ... магистра гуманитарных наук. Государственный университет Чжэнжчи, Тайбэй, 2008. 28 с.

A. D. Petrishcheva

Student of Institute of Foreign Languages and International Co-operation
Tomsk State Pedagogical University

DIFFICULTIES OF TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE

The article is devoted to the analysis of the main difficulties faced by a translator when translating from Russian into Chinese. In the course of the analysis of the language material of the company producing natural Siberian products in Chinese and Russian languages, the main difficulties of text transfer related to different grammatical structure and stylistic features of the languages have been identified and analysed.

Key words: problems; translation; Russian language; Chinese language; transformations.

Юлия Станиславовна Раввина
магистрант филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
iuliaravvina@mail.ru

НЕФИНИТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ КАК НАСЛЕДИЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ИНФИНИТИВА В КРЕОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ МАКАО

Креольский язык Макао обладает оригинальной грамматической системой, которую на данный момент нельзя назвать хорошо изученной. Так, при исследовании макаоанского глагола внимание лингвистов традиционно было обращено на способы выражения категорий времени, вида и модальности, при этом формы, контекстуально и функционально сопоставимые с инфинитивом в индоевропейских языках, до сей поры оставались вне поля зрения исследователей. Представленная статья посвящена анализу такого функционирования макаоанских глагольных форм на материале всех находящихся в открытом доступе текстов второй половины XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: креольский язык Макао; португальский язык; инфинитив; инфинитивная конструкция; личный инфинитив.

Введение

Макаоанский язык относится к креольским языкам на базе португальского, а потому основу его лексики составляют слова португальского происхождения. Грамматически португальский и макаоанский языки разнятся: португальский – флективный язык, а макаоанский характеризуется практически полным отсутствием флексий и формоизменяемых парадигм. Глагол в современном креольском языке Макао обладает, как правило, всего двумя морфологически отличающимися формами: формой причастия и «*фундаментальной*» (по выражению первых исследователей [Coelho 1881: 42; Ta-ssi-yang-kuo 1899: 61]) неизменяемой формой, которая в зависимости от контекста может функционально соответствовать как инфинитиву, так и личной форме глагола в португальском языке.

Таким образом, значительная часть макаоанских глаголов представляет собой как бы застывшие в неизменном виде португальские глаголы, причём одни глаголы «застыли» в форме инфинитива с отпадением конечной *r*, но сохранением ударения на последнем слоге (мак. *falá* от порт. *falar* ‘говорить’), а другие – в различных формах настоящего времени изъявительного наклонения: 1 л. ед. ч. (мак. *vivo* от порт. *vivo*, от *viver* ‘жить’), 3 л. ед. ч. (мак. *vai* от порт. *vai*, от *ir* ‘идти’) и 3 л. мн. ч. (мак. *sã* от порт. *são*, от *ser* ‘быть’) (см., напр., [Pinharanda Nunes 2012: 289–290]). Никакой разницы в употреблении между макаоанскими глаголами, восходящими к разным формам соответствующих португальских глаголов, нет. И глаголы, восходящие к инфинитиву, и глаголы, восходящие к той

или иной личной форме, в макаоанском предложении могут выступать как в функции финитной формы при субъекте, так и в функции инфинитива.

Поскольку неизменяемость глагола встречается во многих креольских языках, в креолистике сложилось несколько подходов к интерпретации подобных «фундаментальных» форм. Одни исследователи утверждают, что неизменяемую форму глагола в креольских языках с изолирующим морфосинтаксисом не следует характеризовать с позиций личности/неличности, так как отсутствие спряжения, то есть изменения по лицам, снимает само противопоставление личных и неличных форм [Дьячков 1987: 54; Mufwene, Dijkhoff 1989: 325]. Другие исследователи разграничивают неличную (инфинитив) и личную формы глагола по функции в предложении [Ярушкин 1996: 214–218; Koopman 1986: 235–245]. Иными словами, возникает вопрос о достаточности синтаксического критерия для выделения инфинитива в условиях невозможности применить морфологический.

Безусловно, синтаксические функции инфинитива в разных языках разные, и иногда это становится аргументом в пользу невозможности говорить об инфинитиве в изолирующих креольских языках [Mufwene, Dijkhoff 1989: 305–306]. Однако можно предположить, что функционирование глагольных форм в креольских языках целесообразно сравнивать не с неким трудновыводимым инвариантом инфинитива, а с инфинитивом в языке-источнике¹, поскольку ввиду тесного генетического родства можно ожидать определённую схожесть набора функций. Как будет показано далее, функции инфинитива в португальском языке и предполагаемого инфинитива в креольском языке Макао весьма схожи. Кроме того, сама идея существования инфинитива как формы, противопоставленной формам спряжения, оказывается не вполне применима даже для португальского языка, в котором инфинитив тоже спрягается и, следовательно, противопоставляется личным формам именно синтаксически², причём синтаксический критерий оказывается решающим в случаях наблюдаемой в португальском языке омонимии инфинитива и некоторых финитных форм³.

Синтаксический анализ глагольных форм

Нам представляется допустимым применить синтаксический критерий к анализу языковых структур макаоанского языка. Формы макаоанского глагола, контекстуально соответствующие по функции португальскому инфинитиву, мы рассматриваем как инфинитивные и для краткости будем называть инфинитивом, принимая во внимание некоторую условность такого наименования⁴.

В португальском языке инфинитив способен выполнять функцию любого члена предложения, а также образовывать связанные (не имеющие собственного субъекта) и абсолютные (имеющие собственный субъект) инфинитивные конструкции. В креольском языке Макао инфинитив и инфинитивный оборот (инфинитив с зависимыми словами) могут употребляться:

– в функции подлежащего:

Sunhá unchinho nucassá pecado, sã nunca? (Coelho, 26)

Немного помечтать не грех, не так ли?⁵

– в функции части составного сказуемого при глаголе-связке:

Recordã sã vivê (PCB)

Помнить значит **жить**.

– в функции части составного сказуемого при полувспомогательном глаголе (в составе глагольной перифразы)

Istunga fotografia qui iou chapa aqui, iou tirá somente quasi dez doze ano más tarde, quelóra iou começá tira fotografia...(PCB)

Эту фотографию, которую я здесь помещаю, я сделал почти десятью годами позже, когда я **начал фотографировать...**

– в функции определения:

Как правило, инфинитив (инфинитивный оборот) в функции определения вводится предлогами *râ* (от порт. *para* ‘для’) или *dí* (от порт. *de* – полисемантический предлог, передающий различные падежные отношения в зависимости от контекста). В сочетании с обоими этими предлогами инфинитив (инфинитивный оборот) в макаоанском языке может указывать на назначение предмета, причём сочетание с предлогом *râ* представляется более свободным и в большей степени сохраняющим оттенок цели, чем с предлогом *dí*:

*...cumprâ ancuzá **pâ banha**...* (PCB)

...покупают что-то **для мытья** (букв. чтобы мыться)...

*Sete dia afio aqui ta secá, unga quiança **pa matriculá tamêm non-têm**.* (Fer., 171)

Семь дней подряд впустую, нет ни одного ребёнка **для обучения** (букв. чтобы учить).

*Quim sâ rico pódi usa maquineta **di fazê ispagete**.* (Coelho, 3)

Тот, кто богат, может использовать машинку **для приготовления спагетти**.

*Intremente, quiança **di vende gazéta** ta gritá, na porta-rua di hotê: «Extra! Extra! Grândi nuvidade! Matança na Los Ângi...»* (Fer., 161)

В это время ребенок-**продавец газет** кричит у входа в отель: «Экстра! Экстра! Сенсация! Убийство в Лос-Анджелесе...»

Всочетании с предлогом *dí* инфинитив (инфинитивный оборот) также может служить уточняющим определением к существительному с временным или абстрактным значением. Примеры такого употребления встречаются в основном в текстах XXI в.:

*Chega meio dia sã hora **de come arroz**.* (PCB)

Наступает полдень, это время **есть рис** (обедать).

*Manéra **di fazê missa tamêm já muda**.*(Coelho, 14)

Способ **служения мессы** также изменился.

Следует отметить, что нам не удалось обнаружить в исследуемых текстах ни одного примера употребления инфинитива в атрибутивном значении признака предмета по действию, характерном для португальского языка:

порт. *Uma floresta **a arder** não é um quadro.*

Горящий лес – это не картина.

В португальском языке данное значение способен выражать герундиальный инфинитив (инфинитив с предлогом *a*) [Неустроева 1997: 168], который не был унаследован креольским языком Макао, вероятно, в связи с исчезновением самого предлога *a*.

– в функции дополнения:

Nunca bom isquêce bôta farinha na bandeja. (Coelho, 3)

Не забывайте **поставить муку на поднос.**

Tanto gente na anôte di sábado... pronto pã companhã “Sinhôr”... (PCB)

Столько людей вечером субботы... **готовы сопровождать «Сеньора»...**

– в связанных инфинитивных конструкциях цели:

мак. *Conta tudo euro-euro pã quelôra chega fim di mês tem pã côme cô pagã dispesa...* (Coelho, 10)

рус. Считает евро, **чтобы**, когда наступит конец месяца, **иметь [деньги], чтобы есть и оплачивать расходы.**

– в связанных инфинитивных конструкциях времени:

мак. *Ante de vâi iscola [iou] non têm pão pa comê...* (PCB)

рус. **До того, как [мне] идти в школу**, я не имел хлеба поесть...

– в структурах Accusativus cum infinitivo после глаголов чувственного восприятия:

Divéra chiste uví ilôtro fála máquista. (Coelho, 8)

Действительно здорово **слышать, как другой человек говорит на макаоанском.**

Sodado-sodado bispa iou-sua Cleopatra banha? (Fer., 195)

Солдаты глядели, **как моя Клеопатра мылась?**

Отдельный вопрос составляет существование в макаоанском языке абсолютных инфинитивных конструкций и, соответственно, существование личного инфинитива, который участвует в образовании таких конструкций в португальском языке. Помимо употребления личного инфинитива вместо личной формы глагола, от традиционных придаточных предложений абсолютные инфинитивные конструкции в португальском отличает то, что они вводятся предлогом, а не союзом, или вообще не требуют ни того, ни другого. В условиях морфологической неразличимости личной формы и инфинитива в креольском языке Макао мы вынуждены обращать внимание именно на критерий предлог/союз/отсутствие служебного слова, однако он оказывается несостоятелен.

Если в португальском языке союзам, вводящим определённый тип придаточных предложений, противопоставлены предлоги, вводящие соответствующий тип инфинитивных конструкций, то в макаоанском такие пары существуют не всегда. Например, широко распространённый предлог *pã* (от порт. *para* ‘для’) не имеет пары **pã qui* (порт. *para que* ‘для того, чтобы’). Следует ли из этого, что в креольском языке Макао нет придаточных цели, а есть только инфинитивные конструкции? Структуры макаоанского языка с *pã* действительно внешне очень напоминают португальские абсолютные инфинитивные конструкции со значением цели:

мак. *Ôtro dia lôgo conta mais pã vosôtro tudo ri cacáda...* (Coelho, 2)

порт. *Mais tarde contarei mais para vocês todos rirem muito...*

рус. В другой раз расскажу ещё, **чтобы вы все посмеялись.**

мак. *Ja da um-cento dóla pa iou falá...* (Fer., 157)

порт. *Deu um cento de dólares para eu dizer...*

рус. [Он] дал сто долларов, **чтобы я сказал...**

И всё же нет достаточных оснований считать конструкции *râ + S (Pr) + V* инфинитивными, так как нет оснований утверждать, что *râ* – обязательно только предлог, а не предлог или союз в зависимости от контекста.

В португальском языке подлежащие и дополнительные придаточные предложения, помимо формы глагола, отличаются от соответствующих абсолютных инфинитивных конструкций наличием союза *que* ‘что’. В креольском языке Макао (особенно в текстах XXI в.) преобладают бессоюзные структуры и лишь изредка можно встретить употребление союза *qui* (от порт. *que*):

Sorti Macau sã terra piquinino. (PCB)

Хорошо, что Макао маленькая территория.

Но: *Sórti qui sã assi.* (Fer., 201)

Хорошо, что это так.

Na tempo antigo tudu nôsso genti ... cumprã cándia bóta su nómi, medo genti nuncássa sábi sã cándia di quim. (Coelho, 20)

Раньше мы ... покупали свечку, надписывали своё имя, боялись, что люди не узнают, чья это свеча.

Но: *Tudo susto qui pêsse pêsse vâi comê su corpo...* (PCB)

Все испугались, что рыбы съедят его тело...

Спорадическое употребление союза в структурах такого рода не кажется нам достаточным доказательством существования двух разных структур (придаточных предложений и абсолютных инфинитивных конструкций), поскольку даже в португальском языке союз перед дополнительным придаточным предложением может опускаться [Cunha, Cintra 2017: 615]. Для макаоанского языка опущение служебных слов тем более характерно.

В результате мак. *Dios quêro iou fica* (Coelho, 3) (‘Бог хочет, чтобы я остался’) может восходить и к порт. *Deus quer eu ficar* (инф.), и к порт. *Deus quer eu fique* (сосл.). Следовательно, не представляется возможным утверждать, что, например, мак. *Sórti qui sã assi* и *Sorti Macau sã terra piquinino* действительно соотносятся между собой, как порт. *É sorte que seja assim* и *É sorte Macau ser uma terra pequenina*.

Парадоксальность португальского личного инфинитива как неличной формы, обладающей собственным субъектом, и его способность употребляться в том же синтаксическом контексте, что личные формы (настоящего времени сослагательного наклонения), лишает нас возможности применить синтаксический критерий для определения природы омонимичных глагольных форм в подобных структурах макаоанского языка.

В связи с этим особенно интересен единичный пример употребления предположительно абсолютного инфинитивного оборота в функции определения:

мак. *Istunga nácam já fica raspiáti póbri qui póbri, nuncassã rámena como na tempo di Sium Infanti D. Henriqui descobri tanto terra...* (Coelho, 26)

порт. *Esta nação ficou muito pobre, não é como na época de Senhor Infante D. Henrique descobrir tantas terras...*

рус. Эта нация стала очень бедной, совсем не такой, как во времена, когда инфант Генрих открывал земли...

В португальском языке использование личной формы глагола после предлога *de* невозможно, для построения придаточного предложения потребовалось бы заменить предлог на союз *em que* (букв. 'в эпоху, в которую'). Из этого не следует, что макаоанское *discobri* в данном предложении – непременно личный инфинитив, однако само построение фразы с использованием предлога *di*, вводящего новое предикативное ядро (будь то придаточное предложение или инфинитивная конструкция), является несомненным наследием португальского личного инфинитива. В отличие от других рассмотренных выше структур, эта может восходить только к португальской абсолютной инфинитивной конструкции.

Выводы

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о несомненном влиянии португальского языка на функционирование макаоанских глагольных форм, трактуемых нами как инфинитивные: подобно португальскому макаоанский инфинитив может выполнять функции подлежащего, определения, дополнения, части составного сказуемого, входить в состав конструкции *accusativus cum infinitivo*, образовывать связанные инфинитивные конструкции цели и времени, и список этот, по-видимому, неполный. Из функций португальского инфинитива определённно не сохранился в макаоанском языке герундиальный инфинитив, способный выступать обстоятельством образа действия и определением со значением признака предмета по действию. Вопрос о существовании в креольском языке Макао форм, сопоставимых с португальским личным инфинитивом, и структур, соответствующих абсолютным инфинитивным конструкциям, требует более детального изучения и рассмотрения большего объёма материала.

Примечания

1. Мы подразумеваем, что для подавляющего большинства креольских языков мира языками-источниками являются флективные европейские языки, в которых есть инфинитив.

2. Личный, или спрягаемый, инфинитив – особая нефинитная форма португальского глагола, обладающая личными окончаниями и участвующая в образовании абсолютных конструкций, но неспособная выступать простым глагольным сказуемым.

3. Так, у глаголов I и III спряжения, имеющих одинаковые основы инфекта и перфекта, полностью совпадают парадигмы спряжения личного инфинитива и будущего времени сослагательного наклонения (формы попарно омонимичны), а совпадающие формы 1 и 3 л. ед. ч. личного инфинитива и будущего времени сослагательного наклонения также омонимичны неличному инфинитиву: инф. *falar* – личный инф. *(para) eu/ele falar* – буд. вр. сосл. накл. *(se) eu/ele falar*.

4. На данном этапе мы сознательно оставляем за рамками исследования вопрос о непосредственной природе этих форм, то есть о том, с чем мы в данном

случае имеем дело: с полной омонимией инфинитива и финитной формы в креольском языке Макао или с полифункциональностью «фундаментальной» формы.

5. Здесь и далее перевод на русский и португальский языки наш.

Список источников

Coelho – Escritos de Carlos Coelho em Patuá di Macau: reunião das postagens no Facebook de Carlos Coelho em idioma crioulo Patuá di macau num só arquivo / col. por Ozias Alves Jr. 2020. 40 p.

Fer. – Ferreira J. dos Santos. Qui Nova Chencho. Macau.1973.210p.

PCB – PCB Magazine. [Электронный ресурс]. URL: <http://pcbmagazine.blogspot.com/search/label/Patu%C3%A1> (Дата обращения: 30.01.23).

Список литературы

Дьячков М. В. Креольские языки. М.: Наука, 1987. 108 с.

Неустроева Г. К. Теоретическая грамматика португальского языка: Морфология: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 200 с.

Ярушкин А. А. Глагольные перифразы в креольском языке Гвинеи-Бисау // Актуальные проблемы иберо-романистики: межвузовский сборник, посвященный 100-летию со дня рождения профессора О. К. Васильевой-Шведе / отв. ред. К. В. Ламина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 209–218.

Coelho F. A. Os dialectos românicos ou neo-latinos na Africa, Asia e America. Lisboa: Casa da Sociedade de Geografia, 1881. 70 p.

Cunha C., Cintra L. Nova gramática do português contemporâneo – 7ª edição. Rio de Janeiro: Lexicon, 2017. 800 p.

Koopman H. The Genesis of Haitian: Implications of a Comparison of Some Features of the Syntax of Haitian, French, and West African Languages // Substrata versus Universals in Creole Genesis: papers from the Amsterdam Creole Workshop, April 1985 / ed. by P. Muysken, N. Smith. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986. P. 231–258.

Mufwene S. S., Dijkhoff M. B. On the So-called Infinitive in the Atlantic Creoles // *Lingua*. 1989. V. 77. Is. 3–4. P. 297–330.

Pinharanda Nunes M. Traces of Superstrate Verb Inflection in Makista and Other Asian-Portuguese Creoles // *Ibero-Asian Creoles: comparative perspectives* / ed. by. H. C. Cardoso, A. N. Baxter, M. Pinharanda Nunes. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 289–326.

Ta-ssi-yang-kuo: Archivos e annaes do Extremo-oriente portuguez / J. F. Marques Pereira. Lisboa: Antiga Casa Bertrand – José Bastos, 1899. S. 1 (V. 1, 2). [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/tassiyangkuoarch01marquoft/page/n5/mode/2up> (Дата обращения: 03.02.2023).

I. S. Ravvina

Master Student of Philological Faculty

Saint Petersburg State University

**NON-FINITE USAGE OF VERB FORMS AS A TRACE OF PORTUGUESE INFINITIVE
IN THE CREOLE LANGUAGE OF MACAU**

The Creole language of Macau has an original grammatical system, which at the moment cannot be called well studied. Thus, when studying the Macanese verb, linguists' attention was traditionally drawn to the ways of expressing the categories of tense, type and modality, while forms that are contextually and functionally comparable to the infinitive in Indo-European languages have remained out of sight of researchers until now. The presented article is devoted to the analysis of such functioning of Macanese verb forms on the material of all publicly available texts of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries.

Key words: the creole language of Macau; Portuguese; infinitive; infinitive construction; personal infinitive.

УДК 811.111'367

Александра Сергеевна Синявская
выпускник факультета английского языка
Минский государственный
лингвистический университет (Беларусь)
sinyavskaya.alex@gmail.com

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРЕДИКАТАМИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

В работе затрагиваются вопросы употребления параметрических глаголов-предикатов в предложениях, отобранных из англоязычных журнальных статей, а также способов вербализации ситуации параметрического изменения. Характерной особенностью указанных единиц является их функционирование в журнальных текстах для передачи в первую очередь изменений абстрактного состояния и социальных характеристик. Вариативность языкового воплощения ситуации параметрического изменения связана с тем, что при формировании предложения говорящий осознанно подчеркивает определенные компоненты, выдвигая их в первую актантную позицию.

Ключевые слова: англоязычная журнальная статья; параметрические предикаты; ситуация; предложение; вербализация.

Введение

Содержательное наполнение синтаксических моделей предложения изучается семантическим синтаксисом, который использует понятие семантической структуры предложения. Эта структура представляет обобщенные модели фактов и ситуаций, отраженных человеческим сознанием в форме предложения [Москальская 1974: 320]. При построении семантических структур оперируют не формально-грамматическими, а логико-семантическими терминами (агентив, пациентив, действие, процесс, состояние и т. д.).

В фокусе внимания данной работы находятся вопросы, связанные с функционированием параметрических предикатов, а также вариативностью языкового представления ситуации параметрического изменения в журнальных статьях.

Материалом для анализа послужили 764 предложения с параметрическими глаголами, отобранные из англоязычного гламурного журнала *Vogue*. Отбор предложений с указанными предикатами проводился методом сплошной выборки из 24 выпусков журнала, что составило 4565 страниц.

Анализ параметрических предикатов в англоязычных журналах *Vogue*

Среди отобранного эмпирического материала больше всего предложений представлено с глаголами *become* 'становиться' – 122 единицы/16%, *get* 'становиться' – 62 единицы/8.1%, *change* 'изменять(ся)' – 61/8 %, *raise* 'повышать' – 49/6.4%, *grow* 'расти/становиться' – 46/6%.

Значительное количество предложений с глаголами *become*, *get* и *grow* в журнальных текстах обусловлено тем, что данные глаголы являются связующими. Их грамматическая функция заключается, согласно определению А.И. Смирницкого, «в указании на связь предмета (явления) с каким-либо его признаком. Следовательно, глагол-связка функционирует как самостоятельная синтаксическая единица. Глаголы-связки также выступают с обесцвеченной лексической семантикой, но последняя в какой-то мере отражена в характере передаваемой ими связи» [Иванова 1981: 48]. Таким образом, указанные глаголы могут передавать изменения всевозможных параметров, что позволяет считать их глаголами широкой семантики.

В ходе анализа нами было выявлено, что в англоязычных журнальных статьях глагол *get* или его форма чаще всего функционирует для вербализации изменения абстрактного состояния (27%). Например:

(1) *They all start out wanting to make it in Paris but as the years go by, they start **getting a better idea** of what they want to do* [Vogue Philippines 2022: 105] ‘Все они начинают с того, что желают достичь успеха в Париже, но с годами у них появляется лучшее представление о том, чем они хотят заниматься’.

Изменение социальных характеристик составляет следующую по частотности группу (25,5 %). Из которых 24 % приходится на изменение статуса, а 1,5 % занимает изменение должности. Например:

(2) *Tad and I told Eric and Peter that we **were getting married** before we told anyone else* [Vogue USA 2022: 58] ‘Мы с Тэдом сообщили Эрику и Питеру о том, что собираемся пожениться, прежде чем рассказать об этом кому-либо еще’. В данном случае мы можем наблюдать изменение социального статуса.

Глагол *get* также является частотным для выражения изменения психологического состояния (23,5 %):

(3) *When the cameras are on, you **get shy**, you get a little uptight* [Vogue Singapore 2022: 173] ‘Когда камеры включены, ты становишься застенчивым, ты становишься немного скованным’.

В 14,5 % выборки предложений с глаголом-предикатом *get* он передает изменения физиологического характера:

(4) *When I **got older**, I realized that he was right* [Vogue Philippines 2022: 395] ‘Когда я стал старше, я понял, что он был прав’.

Менее активно этот глагол проявил себя для выражения изменения физических характеристик (8 %) и для обозначения реновации/обновления (1,5 %).

В результате анализа эмпирического материала нами было установлено, что чаще всего рассматриваемые глаголы исполтзуются для передачи изменения абстрактного состояния (23,9 %). Например:

(5) *“**The concept of handmade is becoming much more desirable and cool,**” Lowena says* [Vogue Britain 2022: 178] ‘«Концепция ручной работы становится гораздо более желанной и классной», – говорит Ловена’.

(6) *If I can channel her, I can walk into a room and **change the energy** of the room* [Vogue USA 2022: 75] ‘Если я смогу направить ее, я смогу войти в комнату и изменить энергетику комнаты’.

Следующую многочисленную группу занимают глаголы, обозначающие изменения психологического состояния (20,8 %). Например:

(7) *Several years ago, I developed a debilitating fear of flying* [Vogue Knitting 2022: 20] ‘Несколько лет назад у меня развился изнуряющий страх перед полетами’.

Наиболее часто изменение претерпевают такие параметры/характеристики, как число/величина (5,9 %), плотность/структура (4,6 %), размер (4 %). Например:

(8) *On some charts, “no stitch” is indicated with shaded spaces where stitches have been decreased or not yet made* [Vogue Knitting 2022: 60] ‘На некоторых диаграммах “нет стежка” обозначено заштрихованными пробелами там, где количество стежков уменьшилось или они еще не сделаны’.

Реже изменению подвергается форма (1,9 %), цвет/освещенность (1,8 %):

(9) *Then the lights dim and the drums roll and you know it’s off* [Vogue Australia 2022: 97] ‘Затем свет тускнеет, гремят барабаны, и вы знаете, что все выключено’.

В единичных случаях параметрические предикаты проявили себя, обозначая изменения влажности (1,1 %) и температуры (0,5 %).

Далее подчеркнем, что не все сведения о ситуации, на которую указывает глагол, содержатся в самом глаголе. Именованное действие сопряжено с двумя основными предметными областями – субъектом и объектом. Глагол тесно связан с предметным рядом и предполагает наличие в ситуации параметрического изменения самостоятельных участников, которые могут выступать в качестве 1) производителя/источника действия, 2) объекта воздействия, 3) свойства объекта, которое претерпевает изменение, 4) того, чьи интересы затрагивает ситуация (получателя каких-либо благ), 5) инструмента и 6) результата. Таким образом, обобщенная ситуация параметрического изменения включает в себя *субъект, объект, параметр, получателя, инструмент и результат*. При этом отметим, что описывающее внеязыковое событие предложение редко имеет в своем составе все многообразие составляющих ситуации, т. е. объективная ситуация не получает своего зеркального отражения в языковой структуре. Например:

(10) *Chan likens the neon-making process to that of playing with fire as she artfully bends glass into thin tubes with the help of fire* [Vogue Singapore 2022: 20] ‘Чан сравнивает процесс работы с неоном с игрой с огнем, когда она с помощью огня искусно сгибает стекло в тонкие трубочки’.

В данном предложении вербализуется ситуация изменения объекта *glass* ‘стекло’ по параметру ‘форма’, осуществляемая субъектом-деятелем *she* ‘она’ с помощью инструмента *fire* ‘огонь’, используемого при совершении действия, направленного на получение результата *thin tubes* ‘тонкие трубочки’.

Ситуация, на которую указывает глагол, отражается в предложении через предикат и его аргументы/актанты. При переводе лексической семантики в синтаксическую плоскость, участники ситуации параметрического изменения выступают в роли *агентива, пациентива, инструментатива, фактитива и бенефактива*. В поверхностной структуре предложения они могут появляться в

функции подлежащего, прямого дополнения или предложного дополнения. Например:

(11) *I've been raised as a creative and optimistic person* [Vogue Australia 2022: 84] 'Меня воспитали как творческого и оптимистичного человека'.

Предложение (11) состоит из предиката *have been raised* 'был воспитан' и двух аргументов – патиентива *I* и фактитива *a creative and optimistic person*, которые организуют структуру пропозиции. Однако не всегда все участники ситуации параметрического изменения являются явными номинативными элементами в предложении.

При отборе и анализе предложений с параметрическими предикатами, нами были обнаружены случаи, когда описываемое в предложении параметрическое изменение сближается с превращением. Например:

(12) *When public opinion changed radically, when the car is no longer a source of liberation but is beginning to be seen as a source of oppression, he can't adapt his vision* [Vogue USA 2022: 144] 'Когда общественное мнение радикально изменилось, когда автомобиль больше не является источником освобождения, а начинает рассматриваться как источник угнетения, он не может адаптировать свое видение'.

С одной стороны, использование наречия *radically* 'кардинально' характерно для вербализации процессов превращения. Но, с другой стороны, элемент, претерпевающий изменение, *public opinion* 'общественное мнение' рассматривается как параметр, что дает нам основания считать глагол-предикат *changed* в данном конкретном примере параметрическим.

Выявленная вариативность языкового представления ситуации параметрического изменения объясняется тем, что при формировании предложения говорящий сознательно подчеркивает определенные элементы, перемещая их в первую актантную позицию, которая обычно закреплена за агентивом. Например:

(13) *The fashion industry has also become a more positive and inclusive space* [Vogue Australia 2022: 145] 'Индустрия моды также стала более позитивным и инклюзивным пространством'.

В этом предложении денотативный объект *the fashion industry* 'индустрия моды' находится в первой актантной позиции, вторым номинативным элементом является фактитив *positive and inclusive space* 'позитивное и инклюзивное пространство'.

Реальный источник изменения может вытесняться из номинативных составляющих предложения или быть выраженным через предложное сочетание или обстоятельственное придаточное предложение:

(14) *The following year, it was adapted for the big screen by TBA Studios and distributed by Columbia Pictures Pictures* [Vogue Philippines 2022: 162] 'В следующем году он был адаптирован для большого экрана студией TBA Studios и распространен Columbia'.

Данный пример демонстрирует способ вербализации ситуации параметрического изменения, при котором денотативный субъект *TBA Studios*, актуализируется в предложной группе *by TBA Studios*; в позицию подлежащего помещается денотативный объект *it* [movie] 'он [фильм]'.

(15) *But Ivy, who was raised in San Francisco by her grandparents, saw these extraordinary pieces up close and personal on a daily basis* [Vogue USA 2022: 62] ‘Но Айви, которая выросла в Сан-Франциско у своих бабушки и дедушки, ежедневно видела эти необыкновенные произведения вблизи’.

В этом предложении глагол-предикат *raise* ‘вырастить’ употреблен в страдательном залоге и функционирует для вербализации изменения по параметру ‘физиологические перемены’. Объект *who* [Ivy] ‘которая [Айви]’ выносится в позицию подлежащего, выводя из когнитивной доминанты говорящего реального производителя действия *her grandparents* ‘ее бабушка и дедушка’, который вербализуется в словосочетании с предлогом *by*.

Отметим, что использование неопределенных местоимений *something* ‘не-что, что-то’, *everything* ‘все’ при языковой репрезентации объекта изменения подчеркивает его неограниченность, всеобъемлемость. Например:

(16) *The result, says Maya Singer: fashion that changes everything about how we want to dress* ‘Результат, говорит Майя Сингер: мода, которая меняет все в том, как мы хотим одеваться’ [Vogue USA 2022: 267].

Существуют разные способы эксплицитного выражения параметра изменения в английском предложении. Более того, при эксплицитной представленности в поверхностной структуре предложения параметра, по которому происходит изменение, «объект вообще может не получить языкового воплощения» [Ляшенко 2017: 210]. Информация о нем содержится в предшествующих предложениях или других составляющих данного предложения.

(17) *The colours fade over time to acquire a covetable, vintage quality* [Vogue India 2022: 48] ‘Цвета со временем тускнеют, приобретая желанное винтажное качество’.

В этом предложении параметр *colour* ‘цвет’ выполняет функцию подлежащего в синтаксической структуре. Информацию о том, что описанному в случае (17) изменению по параметру ‘цвет’ подвергается такой объект, как одежда, находим в предшествующем предложении *In fact, these clothes don't need a wash as they continue to look beautiful* ‘На самом деле, эту одежду не нужно стирать, поскольку она продолжает выглядеть красиво’.

Параметр может получать эксплицитную представленность в одном словосочетании (*of*-phrase) с лексемой, указывающей на объект изменения. Это позволяет передать непосредственную соотнесенность параметра с объектом, которые представляют собой единое целое во внеязыковой действительности. Например:

(18) *Our Costume program highlights extraordinary designers who have changed the course of fashion history* [Vogue USA 2022: 58] ‘Наша костюмная программа привлекает внимание выдающихся дизайнеров, которые изменили ход истории моды’.

Для именованного инструмента используются лексемы, указывающие на выраженное предложным словосочетанием орудие или средство, при помощи которого осуществляется изменение. Например:

(19) *One successful retailer in the Philippines is advancing the circularity movement with a regenerative fabric* [Vogue Philippines 2022: 160] ‘Один успешный розничный торговец на Филиппинах продвигает идею кругового движения с помощью регенерирующей ткани’.

Выводы

Согласно нашим наблюдениям, чаще всего в журнальных статьях англоязычного Vogue параметрические предикаты функционируют для передачи изменения абстрактного состояния, а также социальных характеристик. Вариативность языкового представления ситуации параметрического изменения связана с тем, что при формировании предложения говорящий/пишущий сознательно выделяет определенные элементы, выдвигая их в приоритетную актантную позицию, которая традиционно закреплена за агентивом.

Список источников

- Vogue Australia*. 2022. Nov 22. 206 p.
Vogue Britain. 2022. June 22. 230 p.
Vogue India. 2022. March 22. 130 p.
Vogue Knitting. 2022. Oct 88 p.
Vogue Philippines. 2022. Sep 22. 424 p.
Vogue Singapore. 2022. May 22. 180 p.
Vogue USA. 2022. Apr 22. 136 p.
Vogue USA. 2022. June–July 22. 144 p.
Vogue USA. 2022. Oct 22. 148 p.
Vogue USA. 2022. Sep 22. 378 p.

Список литературы

- Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1981. 285 с.
Ляшенко Е. С. ИмPLICITное и эксплицитное представление параметра изменения в поверхностной структуре предложения // Эксплицитное и имPLICITное в языке и речи: тезисы докл. Междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2017. С. 209–211.
Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.: Наука, 1974. 367 с.

A. S. Sinyavskaya

Graduate of English Language Faculty
Minsk State Linguistic University

SENTENCES WITH PARAMETRIC PREDICATES IN ENGLISH JOURNAL TEXTS

The paper deals with the use of parametric predicate verbs in sentences selected from English journal articles, as well as ways to verbalize the situation denoting parametric change. A characteristic feature of these units is their functioning in journal texts to convey, first of all, changes in the abstract state and social characteristics. The variability of the language embodiment of the situation denoting parametric change is due to the fact that when forming a sentence, the speaker consciously emphasizes certain components, putting them in the first actant position.

Key words: English journal article; parametric predicates; situation; sentence; verbalization.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398

Дарья Олеговна Загайнова
магистрант филологического факультета
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
daria.zagay@yandex.ru

УЧАСТНИКИ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОГО АКТА, ИХ РАЗНОВИДНОСТИ И ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОВОРОВ ОТ КРОВОТЕЧЕНИЯ И РАН В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В статье рассматриваются взаимоотношения между разными участниками заговорно-заклинательного акта (ритуальный специалист – больной – магический помощник) и их функциями. Системный подход позволяет определить, каким образом каждый участник обряда воздействует на формирование заговорного текста и заговорно-заклинательного акта в целом. Материалом для данного исследования послужили 370 заговоров от кровотечения и ран, принадлежащих трём восточнославянским традициям (201 русских, 97 белорусских и 72 украинских заговора), извлеченные нами из разных источников – опубликованных и архивных.

Ключевые слова: заговорно-заклинательный акт; агентивный код обряда; адресат заговорного текста; ритуальный специалист; коммуникация в заговорно-заклинательном акте.

Введение

В основе нашей работы лежит представление о заговоре как о центральной части более сложного комплекса, который В.И. Харитоновна называет заговорно-заклинательным актом (ЗЗА) (ср. подробнее [Харитоновна 1999]). ЗЗА призван конкретным образом воздействовать на реальную действительность через установление связи с потусторонним миром с помощью различных «кодов» обряда, объединённых на базе общих семантических, логических и ассоциативных черт. Таким образом ЗЗА предстаёт как сложный поликодовый «текст», где статус и функции каждого отдельного компонента проясняются только при комплексном анализе всего заговорно-заклинательного акта. В нашей статье мы бы хотели более подробно остановиться на агентивном коде ЗЗА, используя в качестве иллюстративного материала восточнославянские заговоры от кровотечения и ран.

Не вызывает никаких сомнений, что в центре любого заговорно-заклинательного акта стоит именно ритуальный специалист, который выступает в роли посредника между миром людей и миром не людей, принадлежа сразу и тому, и другому [Байбурин 1993: 200]: от его знания народных медицинских практик, заговорных текстов и правил построения заговорно-заклинательного комплекса для конкретной ситуации зависит успешность всего обряда.

Если мы рассматриваем заговорно-заклинательный акт и непосредственно сам заговорный текст с точки зрения коммуникативного подхода, то нам неизбежно придется выделить того адресата, к которому данный текст апеллирует.

В своих работах С.М. Толстая говорит о трех возможных типах адресатов обрядовых текстов: 1) непосредственный адресат обрядовой ситуации; 2) адресат, названный в тексте; 3) абсолютный адресат или некая высшая сила [Толстая 2015: 67].

Под непосредственным адресатом обрядовой ситуации мы вслед за С.М. Толстой будем подразумевать того реального человека, который участвует в конкретном заговорно-заклинательном акте. В качестве примера первого типа адресата для лечебных обрядов исследовательница приводит больного [Толстая 2015:67]. Однако это утверждение представляется нам спорным. Этому противоречит сам способ произнесения заговорного текста во время проведения заговорно-заклинательного обряда. Ритуальные специалисты часто произносят слова скороговоркой, шепотом, на выдохе или определенным образом чередуют вдохи и выдохи, используют особенные темп, ритм и интонации, что в значительной степени препятствует восприятию и пониманию со стороны больного и противоречит постулату способа речевого общения Г.П. Грайса [Грайс 1985: 224]. В.И. Харитоновна считает, что это связано с восприятием заговорного текста как вспомогательного средства для перехода ритуального специалиста в другой мир и налаживания связи с высшей силой, а не для коммуникации с больным [Харитоновна 1999: 149]. Таким образом, мы можем говорить об автокоммуникации ритуального специалиста.

Также стоит отметить, что от типа ритуального специалиста зависит конечный адресат сообщения, т.е. те силы, к которым он будет обращаться за помощью. Так, например, знахари, в отличие от колдунов, подчеркивают, что их целительная сила исходит от Бога, дарована им [Мазалова 2019]. Это подтверждается и самими текстами, в которых нередко лечебные слова или действия приписываются не ритуальному специалисту, а его чудесному помощнику:

«Сидела Матушка Пресвятая Богородица на море, на океане, на белом камне, сидела и пряла ушалую кудель. Идет Никола Святитель: “Бог помочь, Матушка Пресвятая Богородица”. – “Бог спасет, Никола Святитель. А ты куда пошел?” – “А я пошел к рабе (и.р.) кровь заговорити, боль остановити, чтобы не было ни сыпоты, ни ломоты, ни опуху, ни отеку, ни телесного, ни сердечного. Я не знал – болело и ломило, а я узнал – ломить и болеть отстало. Болеть по Божьему велению – боли, а ломить – не ломи. Встань, матушка руда, не кань”. Повторить 3 раза и безымянным пальцем обводить больное место 3 раза» [Коровашко 1997: 28-29];

«Встану благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами на широку улицу, стану на восток, на восточную сторону. На той восточной стороне стоит соборная церковь, в этой церкви соборной стоит стул, на том стуле сидит пресвятая мать Богородица Мария, заговаривает кровь и рану у рабы Божьей Натальи. Аминь» [Иванова 1994а: 26];

С одной стороны, это соотносится с народными представлениями о том, что истинный знахарь не имеет право брать плату за свою помощь, т.к. его сила дарована ему свыше [Харитоновна 1999: 83]. С другой – необходимо помнить, что любой заговорный текст не создается, а воссоздается конкретным ритуальным

специалистом в процессе совершения обряда: «Исполнитель, говорящий (отправитель текста) репрезентирует в обряде не столько самого себя как участника обряда, сколько свою обрядовую роль» [Толстая 2015: 67] и таким образом отсылает всё происходящее к «некоторой архетипической ситуации, воспроизводимой в обряде» [Толстая 2015: 67]. Соответственно, максимально точное повторение той архетипической ситуации и прецедентного текста, который в ней сработал, обеспечивает наиболее полезный с точки зрения ритуального специалиста и больного результат [Балобанова 2003: 39].

Таким образом, ритуальный специалист, который является ядром заговорно-заклинательного акта, не только правильно воспроизводит необходимые в данной ситуации действия (включая вербальные), отсылая конкретную ситуацию к архетипической и тем самым наделяя ее силой, но также сам является адресатом своего обрядового текста, с помощью которого он связывается с потусторонним миром.

Однако несмотря на то, что больной не может считаться адресатом заговорного текста, именно он является каузатором совершения заговорно-заклинательного акта и его основным объектом воздействия и должен обладать рядом необходимых характеристик. Так, тот, кого лечат, неизменно предстает в заговорах, где необходимо назвать его имя, как человек крещеный, служащий Богу (*раб/раб Божий, крещеный, молитвенный* и др.). Эти характеристики не случайны. Еще в средневековом обществе «рабство рассматривалось как форма отношений между Богом и человеком, как форма служения Богу» [Вендина 2002: 75], а принадлежность к христианской вере и кресту указывало на близость к Богу-Сыну и его искупительной смерти [Вендина 2002: 291]. Бог же во всех своих ипостасях представлялся человеку не только в качестве всемогущего создателя и судьи, но и в качестве защитника, спасителя и заступника [Вендина 2002: 162-163]. Таким образом, в представлении человека традиционной культуры, именно «раб Божий» или «крещеный» мог в кризисных ситуациях, таких как болезни, рассчитывать на помощь высших сил.

Поэтому, играя исключительно пассивную роль объекта заговорно-заклинательного акта, для успешности последнего больной должен обладать рядом определенных характеристик, связывающих его с христианской традицией и вводящих в поле воздействие высших сил.

Роль прямого адресата, названного в тексте, могут играть магические персонажи. На наш взгляд их было бы целесообразно разделить на главных, к которым обращается ритуальный специалист или волевые действия которых приводят к исцелению, и второстепенных, которые либо помогают главному персонажу, либо попадают в некую ситуацию, косвенно связанную с исцелением, чаще всего это бывают домашние животные (лошадь, бык) и птицы (вороны). Однако, стоит отметить, что все они так или иначе отсылают к абсолютному адресату – к той высшей силе, которая излечивает больного. Магические персонажи являются как бы разными вариантами ее воплощения и, соответственно, обладают разными способностями и возможностями воздействия. Определенная номинация персонажа указывает на его место в иерархии сакральности, его силу

и целительные способности [Юдин 2001: 122]. Так, в развернутых эпических заговорах, сложная структура которых указывает на большую силу, центральной действующей фигурой чаще будет персонаж из христианской традиции, ср.:

*«На рацѣ на Ирдани тамъ калиновый мостъ; по тымъ по калиновымъ мосту ишовъ **Сушь Христось**. Спасицель святыи, вярницеса, замкниця кровь у раба божяго. Ишла маць **прячистая** тразь поля чистое, несла ключи у правой руцы. Маць прачистая, вярницеса, замкниця кровь у раба божяго. Ляцѣвъ воронь теразь синее моря; воронь не кракаець, ты жь, кровь, не капай»* [Романов 1891: 161];

*«**Ишовъ Христось** до Ордани рѣки, и **Ангель** ишовъ; **Христось** ставъ, и **Ангель** вставъ, и **Ордань** рѣка стала, а котора не стала, не благословенна стала; кровь правои (або лѣвои) руки (або що врубаець) я одъ отоку не впыняю, ятрость и кровь замовляю. Господи, помози менѣ сию дѣла творити! Сію рѣчь девять разъ прочитати»* [Ефименко 1874: 14];

*«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, раб Божий имрак, благословесь и пойду перекрестесь из избы дверьми, из ворот в ворота, в восток, в восточную сторону. Приду я, раб Божий имрак, на святое море океян, стоит серет моря бел белатарь камень, на белатаре камне стоит золот стул, на золоте стуле сидит **дева Мария**, держит в правой руке булавчетую иглу и шолковую нить, зашивает у раба Божия имрака железную рану, унимает горячую кровь. Аминь 3. Кровь, спекайся, тело, сростайся. Аминь 3. Не от камня воды, не от ножика руды 3. Аминь. Устами замыкаю, а языком запираю. Аминь 3. Ключь в море, а замок в роте. Аминь 3»* [Топорков 2010: 539-540].

В маленьких же заговорах, имеющих большее распространение, а главное – явно записанных от непосвященных, чаще встречаются персонажи второго типа (это могут быть животные или обычные люди (*баба, девка*), которые не являются активными субъектами заговора), т.е. ритуальный специалист не обращается к ним за помощью, и они не лечат сами, а скорее испытывают на себе разного рода воздействия или выполняют вспомогательную функцию. Ср.:

*«Ишла чорная **карова** чараз роў, ішла да стала, і кроў ісці перастала»* [Барташэвіч 1992: 158];

*«Летивъ **орель** зъ Чорного моря и нисъ руно зъ чорнойи вовны народженному, мольтвенному и хрещеному (имр.) заткнуты кровавее джерело»* [Манжура 1890: 150];

*«Шла **утка** по нитке. Нитка урвалась – кровь унялась»* [Иванова 1994б: 78].

Таким образом, на высших ступенях иерархии магических персонажей будут находиться образы из Нового Завета (Божья Матерь, Христос, разные святые), далее – ветхозаветные образы (Каин и Авель, царь Соломон и др.), после них идут персонажи из мира людей (девица, баба, муж, братья и др.) и зооморфные персонажи, как вспомогательные, обладающие наименьшей силой (ворон, бык, конь и пр.). О различиях в силе и функциях христианских и фольклорно-мифологических персонажей писал А.Т. Топорков, указывая, что в заговорах, где эти два типа встречаются, именно христианские персонажи приказывают фольклорным лечить, передают им в руки сакральные предметы или дают благослове-

ние [Топорков 2001: 130]. При этом стоит отметить, что в приведенной выше классификации мы не учитываем заговоры, в которых целительскими способностями наделяются сильные мифические персонажи, свойственные языческой культуре (мать сыра земля, небо-отец, железо-брат, волшебная щука и пр.), ср.:

«Ты, земля-мать, ты, небо-отец, железо-брат, не пей крови, не тощи человека. Солнце да луны с неба не бывать, крови да руды с тела не текать» [Курец 2000: 89];

«Господу Богу помолюся, /Прачыстой Мамцы помолюся, /Прыступи и поможы, /Як крови замовляти. /На горэ дуб стоить, /А под дубом казан стоить, /А в казане кроў кипить, /А ў кроўі щука играе, /Хвостом виляе, /Хвостом виляе /И кроў замовляе. /Я словами, /Прачыста Мати з духами» [Агапкина, Левкиевская, Топорков 2003: 186].

Это единичные случаи: число упоминаний таких персонажей недостаточно для более или менее системного анализа их сил и возможностей.

Выбор конкретного персонажа может влиять не только на силу заговора и, как следствие, на его размер, но и на общий «фон», на котором происходит действие [Астахова 1964: 8], основные атрибуты центрального образа и на стратегию и способ исцеления. Например, именно для женских персонажей характерен мотив целительного рукоделия, в то время как мужские образы чаще будут затыкать рану копьём или сечься, рубиться без крови:

«Ляжыць на синимь мори синій камень, на томь камяни сидзяць двь дзгвицы, шовковыми нитками вышиваюць, у раба божаго кровь замовляюць. Нитка порвалась, у раба божаго кровь останавлялась» [Романов 1891: 161];

«Ишли шляхим тры браты. Секлись, рубались, на имя назывались: адзин – Ян, други – Иван, треци кроў сунимаў. Сунимись ты, брацця кроў. А ты кроў, сунимайся, запинайся и ў сярядзине аставайся» [Агапкина, Левкиевская, Топорков 2003: 185].

Это во многом обусловлено закрепленными в традиционной культуре нормами социального и бытового поведения, которые свойственны разным гендерным группам.

Особое значение в заговорах имеет упоминание имен собственных. С одной стороны, это можно связать с желанием ритуального специалиста придать тексту заговора предельную конкретность и тем самым сделать его подлинным, реальным событием и гарантировать желаемый результат [Юдин 1997: 20], с другой – имя собственное в славянских народных представлениях выступает как неотъемлемая часть человека или мифического существа [Толстая 2001: 120], зная которую ритуальный специалист получает возможность использовать силу магического персонажа в своих целях, управлять им [Юдин 1997: 18–19]. Соответственно, мы можем сделать вывод, что упоминание имен собственных в заговорах работает на усиление всего заговорно-заклинательного акта. В таком случае неудивительно, что имена наиболее сильных христианских персонажей встречаются в текстах чаще, чем имена персонажей из мира людей. Имена последних при этом не обладают какой-то определенной мотивировкой в виде прецедентных текстов, имеют случайный характер или связаны с личностью конкретного больного.

Выводы

Магический персонаж любого уровня является одной из центральных фигур заговорно-заклинательного акта. От его типа будет зависеть стратегия исцеления, формальная организация текста заговора, наличие или отсутствие особых магических предметов, а также результат ритуала.

Анализ агентивного кода заговорно-заклинательного акта позволяет по-новому посмотреть на взаимоотношения участников обряда (ритуальный специалист – больной – магический помощник), а также раскрыть те модели, по которым выбирается и выстраивается не только сам магический текст, но и весь ЗЗА в целом.

Список источников

Агапкина Т. А., Левкиевская Е. Е., Топорков А. Л. Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). М.: Индрик, 2003. 751 с.

Барташэвіч Г. А. Замовы. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 597 с.

Ефименко П. С. Сборник малороссийских заклинаний. М.: Имп. О-во истории древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. 220 с.

Иванова А. А. Вятский фольклор. Заговорное искусство / Сост., вст. ст., коммент. А. А. Ивановой. Котельнич, 1994б. 112 с.

Иванова А. А. Заговоры и заклинания Пинежья / Сост., вст. ст., коммент. А. А. Ивановой. Карпогоры, 1994а. 69 с.

Коровашко А. В. Нижегородские заговоры (в записях XIX – XX веков) / Сост., вступ. ст., коммент. А. А. Коровашко. Нижний Новгород, 1997. 127 с.

Курец Т. С. Русские заговоры Карелии / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2000. 274 с.

Манжура И. И. Сказки, пословицы и т.п., зап. в Екатеринославской и Харьковской губ. Харьков, 1890. 194 с.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск: Типолиитография Г. А. Малкина, 1891. 450 с.

Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. 830 с.

Список литературы

Астахова А. М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М.: Наука, 1964. 10 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Балобанова К. А. Заговоры и приговоры: формы бытования и способы фиксации традиционной магической речевой практики // Актуальные проблемы левой фольклористики. М.: Изд-во МГУ, 2003. Вып. 2. С. 37–41.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 Лингвистическая Прагматика/ под ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс. 1985. С. 217–237

Мазалова Н. Е. Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции. Дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2019 (Рукопись).

Толстая С. М. «Ономастическая магия» в славянской народной традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М.: ИСл РАН, 2001. С. 120–122.

Толстая С. М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // *Она же.* Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 65–75.

Топорков А. Л. Антропонимическое пространство олонцкого сборника заговоров XVIII века // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М.: ИСл РАН, 2001. С. 126–131.

Харитонова В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных исследований и возможности новых интерпретаций. Ч. 1–2. М.: ИЭА РАН, 1999.

Юдин А. В. Ономастика русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. Серия “Монографии”. Вып. IV. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 319 с.

Юдин А. В. Прецедентная ономастика восточнославянского магического фольклора с аксиологической точки зрения // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М.: ИСлРАН, 2001. С. 122–132.

D. O. Zagainova

Master Student of Philological Faculty
Moscow State University

**PARTICIPANTS IN THE CHARM ACT, THEIR VARIETIES AND FUNCTIONS
(BASED ON THE MATERIAL OF SPELLS AGAINST BLEEDING AND WOUNDS
IN THE EAST SLAVIC TRADITION)**

The article examines the relationship between different participants in the charm act (ritual specialist – patient – magical assistant) and their functions. A systematic approach makes it possible to determine how each participant in the ritual influences the formation of the charm text and the charm act as a whole. The material for this study was 370 charms against bleeding and wounds belonging to three East Slavic traditions (201 Russian, 97 Belarusian and 72 Ukrainian conspiracies), extracted by us from various sources – published and archival.

Key words: charm act; agentive code of the ritual; addressee of the charm text; ritual specialist; communication in a charm act.

УДК 392.6, 176, 392.51

Анастасия Олеговна Захарова
студент филологического факультета
Санкт-Петербургский
государственный университет
anastas.zakhar@gmail.com

КОНЦЕПТЫ СТЫДА И ПОЗОРА В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье рассмотрены биографические нарративы севернорусских женщин, посвященные сексуальному поведению девушек в контексте свадебных обрядов. На материалах фольклорного архива СПбГУ (17 текстов интервью) автор рассматривает характерные для таких нарративов лексемы: *стыд* и *позор*. Сопоставление лексем в контекстах их употреблений позволяет заметить, что понятия, на первый взгляд синонимичные, маркируют факторы, влияющие на поведение противоположным образом: *позор* регулирует соблюдение обрядового, нормативного сценария, тогда как *стыд* приводит к нарушению такой нормы.

Ключевые слова: стыд; позор; обрядовый сценарий; свадебный обряд; брачная ночь; девственность.

Введение

В ходе фольклорно-антропологических экспедиций в деревни Русского Севера исследователи часто разговаривают с местными жителями о свадьбах и свадебной обрядности. В таком контексте почти всегда встречаются упоминания элементов свадебного ритуала, метафорически намекающих на сексуальные действия: например, разбивание гостями горшков на второй день свадьбы; иногда – с землей и намеренно перед невестой¹. Закономерно возникает обсуждение с информантами тем, касающихся телесности и сексуального поведения:

- 1) первая брачная ночь;
- 2) иносказательное расспрашивание жениха о подробностях брачной ночи²;
- 3) необходимость или необязательность публичного подтверждения дефлорации (демонстрация простыни со следами крови после брачной ночи³);
- 4) эмоции участников подобной обрядности (в первую очередь – невесты и жениха), и проч.

Однако, как правило, подобные разговоры саботируются информантами, самими собирателями или обеими сторонами. Это можно объяснить спецификой коммуникативной ситуации. Большинство информантов – пожилые женщины. Большинство собирателей – студентки курсов бакалавриата филологического факультета СПбГУ, по возрасту и незамужнему положению соответствующие социальному статусу «девок» в севернорусской деревне [Олсон, Адоньева 2016: 75]. В таком случае обсуждение секса и сексуальности с собирателями становится неприемлемым, и информанты автоматически принимают менторскую позицию, не позволяющую говорить с подобными собеседницами о сексе

иначе как с осуждением⁴. Так, в следующем примере негативно окрашенным словом «проказное» информантка называет даже «легитимный» секс после свадьбы:

*<Не мылись вместе?> Нет. <Смеется – А.З.> <А почему?> Не знаю, я еще все... все еще береглась! Не было ничего **проказного!**⁵ [ФА СПбГУ].*

Часто нежелание говорить даже на темы, связанные с замужеством и свадьбой, шутливо объясняются так:

Сначала познакомились, потом ходили. Не знаю. Будете замуж-то выходить – сами и узнаете⁶ [ФА СПбГУ].

Настоящая статья посвящена описанию и анализу дискурсивных способов говорения о личном сексуальном опыте в тех биографических нарративах, где такое говорение состоялось.

Основным материалом исследования послужили 17 интервью с женщинами 1930–1950-х г.р., родившимися и выросшими в деревнях Мезенского района Архангельской области. Отдельные интервью, используемые в статье в качестве иллюстративного материала, записаны в Лешуконском районе Архангельской области. Рассматриваемые интервью были взяты студентами и преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета в ходе фольклорно-антропологических экспедиций в 2007–2022 гг.

Ввиду отсутствия прямого названия секса в речи информантов отсутствуют слова с этим корнем. Опираясь на известные модели полового поведения, первичный поиск в ФА СПбГУ был произведен по запросам «до свадьбы» и «брачная ночь». Это позволило найти достаточное количество контекстов употребления, чтобы выделить обязательность сохранения девственности до свадьбы как норму 1950–1970-х гг. (на которые и пришлась молодость информанток 1930–1950 г. р.).

Так, большинство подобных высказываний формируются вокруг темы дефлорации. Сохранение девственности до свадьбы является социальной нормой, которая поддерживается определенными коммуникативными конвенциями и обрядовыми действиями. Нарушение нормы порицается (например, существуют позорящие невесту наказания [Пушкарева, Белова, Мицюк 2021: 282–294]). Переход девушки из статуса невесты в статус жены (первый сексуальный контакт и/или совместное мытье в бане) переживается ею с большим напряжением. Результат перехода (констатация того, сохранила ли невеста девственность до свадьбы) выносится на всеобщее обозрение.

Мое внимание привлекло регулярное употребление лексем *позор*, *стыд* и производных от них в качестве оценочных инструментов в говорении о таком переходе, а именно – в тех случаях, когда обрядовый, нормативный сценарий был нарушен. Нарушение сценария могло произойти в двух случаях:

1) если сексуальный контакт произошел до свадьбы (обычно это замечается членами локального сообщества; в случае добрачной беременности становится явно по физиологическим признакам);

2) если обряд предписывает девушке поведение, направленное на сближение с женихом (пойти в баню, лечь в постель), но она сопротивляется такому сценарию.

Следующими этапами работы стали:

- 1) отбор нарративов, содержащих оценки описанных моделей поведения с употреблением лексем *стыд* и *позор*, а также производных от них;
- 2) анализ соотношения лексем *стыд*, *позор* вместе с производными и описанных моделей поведения.

Было изучено 193 интервью из тематической папки «Интервью» ФА СПбГУ, содержащих лексемы с корнями *-стыд-* и *-позор-* и отобрала из них 17 таких, в которых данные лексемы были употреблены в искомым контекстах и спонтанно (не будучи навязанными собирателями). Из отобранных 17 интервью было выделено 11 нарративов с использованием лексемы *позор* вместе с производными и 6 – с использованием лексемы *стыд* вместе с производными. При этом 10 из 11 словоупотреблений лексем с корнем *-позор-* относятся к тем нарративам, где информант говорит о нарушении предписанной нормы (например, о добрых сексуальных отношениях). Вот несколько примеров таких словоупотреблений:

*Выходили-то молоды. Двадцать один год мне был, вот я вышла замуж. А теперь-ти еще моложе выходят. Да нынче рожают-то рано до замужья еще. А вот раньше этого не было. Раньше такой-то **позор** считали. Да, а теперь⁷ [ФА СПбГУ];*

*...и вот у него мать-то рассказывала, что вот ночью где-то тут, она уже спала, он пришел и говорит: «Мама, я Валю привел». Она говорит: «Привел, да садитесь, да ешьте», чего там в печке-то было, поели, она говорит: «Мама, давай я посуду помою». «Сразу, – говорит, – меня мамой назвала». Так мы тоже из детства как помним. <А потом уже нельзя было отказаться от этой девушки-то?> Да как девушка, если ночь ночевала, как отказываться, тут уж, я не знаю, **позор** ведь⁸ [ФА СПбГУ].*

Важно, что в этом случае *позор* является инструментом, регулирующим и как правило обеспечивающим соблюдение нормы.

Из 6 словоупотреблений лексем с корнем *-стыд-* 5 присутствовали в нарративах, где информант говорит о сопротивлении предписанной норме в ходе совершения свадебного обряда (как правило, в банный день, реже – в первую брачную ночь).

*<А в баню-то вы ходили?> Ходили в баню. <Вы, наверное, с подругами ходили?> Нет, он один в баню, первый ушел, я вторая пришла. В бане расскандалили. Я со слезами ушла. Ну, девчонке-то – **стыдно** раздеваться перед мужчиной, перед молодым. Он моется, я в предбаннике сижу. Когда он помоеется, тогда буду мыться – во, было как⁹ [ФА СПбГУ].*

В отличие от нарративов, где фигурирует лексема *позор*, в подобных текстах речь идет уже не о соблюдении нормы, а, напротив, ее расшатывании, и побуждает к этому чувство, для называния которого информанты используют лексему *стыд*. Руководствуясь чувством стыда, участницы обряда саботируют его, избегая предписанного обрядом поведения.

При этом необходимо отметить, что в архиве встречаются комментарии информантов, согласно которым норма совместного мытья в бане жениха и невесты соблюдалась достаточно строго:

Так как *не стыдно*. Страшно ведь, первый, первую ночь, первый. Баню пойдешь. <Некоторые говорят, что договаривались, что мыться не будут, что зайдут и выйдут> Всяко было. <Но вы все-таки помылись?> Заставят. <Как заставят? Кто?> Муж. <Он заставил?> Он заставил: раздевайся и все. Так а че?! Зашла, говорят, под чужой потолок, не воротят свой поворот¹⁰ [ФА СПбГУ].

В таком контексте возможность избежать соблюдения обрядового сценария, действительно, расценивается как хитрость – то, что необходимо было совершить втайне (при этом женихи часто не были против участия в обмане):

Да, конечно, *стыдно*. Мы в баню: сначала ты помылся, потом я помоюсь. А так в предбанничке дождался. <Ничего себе! Обхитрили!> И вместе выйдут из бани-то. Так невеста в предбаннике просидит, а это уже договоренность между собой. <Между собой?> Да, скажут: «Ой, намылись?». «Да, намылись хорошо». А дело ваше там...¹¹ [ФА СПбГУ].

Практика использования такой хитрости, вероятно, существовала и до XX в. Например, вот фрагмент нарратива женщины 1907 г. р. (которую «научили» родственники старшего поколения):

<А в бане мылись на второй день?> Как, с ним мылася! Первая... стыдоба <нрзб>! Наперед лезть тогда научили старики: «Ты наперед заскочи, да на поллок семши», когда девичья мыться вместе!¹² [ФА СПбГУ].

Почти абсолютное соответствие употребления лексем *стыд* и *позор* разным моделям поведения-отклонения от нормы побудило меня обратиться к работам исследователей, рассматривавших эти концепты.

Стыд рассматривается Ю. М. Лотманом в противопоставлении *страху* [Лотман 1970], а Р. Бенедикт – *вине* («культуры стыда» и «культуры вины») [Бенедикт 2013]. И. С. Кон объединяет обе эти оппозиции в общую систему, где *вина*, *стыд* и *страх* являются видами социального контроля [Кон 1984: 71]. Интересно, что при этом И. С. Кон приводит такое определение: «*Стыд* – более сложное, специфически культурное образование, гарантирующее соблюдение групповых норм, обязанностей по отношению к “своим”» [Кон 1984: 71]. Также: «*Стыд* – механизм общинно-групповой. Хотя это “внутреннее” переживание, оно предполагает постоянную оглядку на окружающих: что скажут или сказали бы они?» [Кон 1984: 71]

Однако в рассматриваемых мною нарративах «оглядку на окружающих» предполагает в большей степени *позор*, чем *стыд*.

Н. Д. Арутюнова называет *стыд* первым возникшим в культуре социо-оценочным концептом и рассматривает его в противопоставлении с понятием совести [Арутюнова 2000: 54].

Согласно Т.В. Булыгиной и А. Д. Шмелеву, «ситуация *позора* предполагает оценку поведения субъекта со стороны общества, тогда как ситуация *стыда* – самооценку субъекта» [Булыгина, Шмелев 2000: 227]. Такое рассмотрение концептов *стыда* и *позора* представляется мне наиболее точным в контексте свадебной обрядности. При этом авторы отмечают, что на начало XIX в. семантическая дифференциация слов *стыд* и *позор* была не так отчетлива, как в насто-

ящее время. Были схожи и грамматические особенности их употребления [Булыгина, Шмелев 2000: 233]. Более того, лингвисты выделяют особенное, «деонтическое *стыдно*», в настоящее время устаревающее: здесь на первое место выходит не чувство субъекта (как в обычном употреблении лексемы), а оценка его действий со стороны (напр., «*Стыдно тебе так себя вести!*») [Булыгина, Шмелев 2000: 230].

Вспоминая нарратив женщины 1907 г. р., использовавшей слово *стыдоба* в разговоре о банном дне, можем предположить, что разделение мотивировок разных моделей агентивного, сопротивляющегося обрядовому сценарию поведения (а возможно, и начало «расшатывания» обрядовой нормы, мотивированного чувством стыда) относится к рубежу XIX–XX вв.

Социолог Р. Е. Гергилов пишет о том, что «стыд одного человека усложняет социальные ситуации и мешает их спокойному протеканию» [Гергилов 2017:184]. Именно это мы наблюдаем в тех случаях, где происходит «расшатывание» обрядовой нормы. Согласно рассуждениям Р. Е. Гергилова, стыдливость – инструмент для реализации социального избегания стыда как встречи с угрожающим идентичности Другим [Гергилов 2017: 185]. Стыдливость «прикрывает индивида», что, на мой взгляд, и становится главным фактором, побуждающим девушек нарушить обрядовый сценарий: используя хитрость и обман, избежать совместного похода в баню с женихом, создавая для наблюдателей и гостей свадьбы видимость успешного совершения обряда.

Н. Д. Арутюнова в уже упоминавшейся работе также оперирует понятием *Другой*: «Во внутреннем мире человека прошла некая зыбкая и подвижная граница, разделяющая Я (Эго) и Другого. Я – субъект эмоций и воли, желаний и потребностей, свойств характера и физических состояний. Другой – его внутренний контролер, адаптирующий Эго к социальным условиям существования» [Арутюнова 2000: 55]. Однако далее: «За Другим стоит общество» [там же].

Так, и Н. Д. Арутюнова, и Р. Е. Гергилов используют понятие *Другой*. Для Р. Е. Гергилова *Другой* – угроза идентичности субъекта (вероятно, в случае банного дня или брачной ночи – жених, меняющий идентичность невесты через смену ее социального статуса в ходе обряда перехода). А в теории Н. Д. Арутюновой иначе: *Другой* – «внешний контролер», что больше соответствует рассмотренному материалу, поскольку для описываемых информантами собирателей всегда важна позиция наблюдателя – гостей на свадьбе (если речь – о совместном мытье в бане) или целого деревенского сообщества (если речь о добрачном сексе и прочих «нелегитимных» контактах девушки с парнем).

Опираясь на рассуждения исследователей и применяя их к исследуемому материалу, я могу сделать следующие **выводы**.

1) Биографические нарративы жительниц севернорусских деревень 1930–1950-х г. р. существуют в поле *стыдливой* речевой практики. Чтобы избежать чувства стыда, информанты часто стараются избегать разговоров с собирателями о сексе и сексуальности. Регулярно используются фигуры умолчания и эвфемистические конструкции.

2) Существуют определенные законы, конструирующие нарратив информанта. Рассмотренный нами нарратив с четкой семантической дифференциацией

лексем *стыд* и *позор* в большинстве речевых ситуаций маркирует говорение о разных моделях поведения субъекта, сопротивляющегося или не сопротивляющегося заданному обрядом сценарию.

3) *Позором* обозначается факт наблюдения *Другим* (локальным сообществом) за следованием нормативному сценарию. Наличие такой оценочной инстанции само по себе является сильным фактором, регулирующим соблюдение нормы.

4) *Стыдом* называют чувство, с которым субъект сталкивается в процессе сексуально-ориентированного свадебного обряда. Несмотря на то, что в этом случае также присутствуют наблюдатели, следящие за соблюдением нормы, основная оценивающая инстанция (*Другой*) перемещается внутрь субъекта. *Стыд* становится сопутствующим самооценке: когда девушка оказывается в непривычной, неприятной, эмоционально напряженной ситуации перехода, она, руководствуясь чувством стыда, саботирует соблюдение обрядовой нормы. Тогда опасность быть негативно оцененной локальным сообществом отступает на второй план – оценка поведения субъекта коллективом утрачивает свою значимость.

5) Сопоставляя редкие нарративы женщин, родившихся на рубеже XIX и XX вв., с отсутствием строгой семантической дифференциации лексем *стыд* и *позор* в начале XIX в., можно предположить, что сами модели поведения, в которых саботировалось следование нормативному обрядовому сценарию, возникли относительно недавно – в промежуток с середины XIX по начало XX вв.

Примечания

1. *Еще горшки били еще.* <Горшки били?> Да. <Это чтоб разбудить-то?> Да. Об дверь разобьют чтоб невеста убирала. <А ей подмести надо?> Да, ей подмести надо, да. (Мез1-64. Зап. от ж. 1933 г. р., ур. д. Кимжа, в д. Кимжа Дорогорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 11.07.2007 Н. Букавневой, М. Морозовым) [ФА СПбГУ] Здесь и далее в паспорте архивной единицы приводятся сведения только о том информанте, который является автором в выделенном для анализа фрагменте.

2. <...> У меня, например, когда сын пришли с молодой, они ночевали у меня на квартире, я его спрашиваю, ну как, сынуля, лед ломал или грязь топтал? У него были такие глаза, такие полтинники, ты почему меня не предупредила, о чем ты спрашиваешь! Потом он как-то. Говорит: «Лед ломал!» Ну вот тогда хорошо. «Лед ломал» – значит, невеста была девушкой. (DTxt11-124_Arch-Lesh. Зап. от ж. 1947 г. р., ур. д. Едома, в д. Едома Лешуконского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. 10.07.2011 Д. Р. Гамировой, А. И. Яковлевой, Е. А. Ящук, А. А. Борисовой, Я. Агафоновой, Е. Беяевой, Л. В. Голубевой, М. А. Троцило, К. С. Бауковой) [ФА СПбГУ]

3. *Раньше девка если еще нечестная, честная-нечестная показывали, что это, одежду потом родителям нести, если нечестная, нету крови, а честная дак кровь, показывали потом белье, родителям показывали, после первой брачной ночи.* (Леш1-87. Зап. от ж. 1941 г. р., ур. д. Олема, в с. Лешуконское Лешуконского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. 09.07.2010 Д. А. Семеновой, Е. А. Беяевой) [ФА СПбГУ]

4. *Первая брачная ночь, вы же молодые, не могу я вам всего рассказать, мне стыдно обо всем этом говорить.* (Мез1-561. Зап. от ж. 1935 г. р., ур. д. ?, в д. Лампожня Лампоженского г/п Мезенского р-на Архангельской обл. 06.07.2008 А. В. Степановым) [ФА СПбГУ]

5. DTxt19-105_Arch-Mez. Зап. от ж. 1937 г. р., ур. д. Кокорная, в с. Дорогорское Дорогорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 03.07.2019 К. М. Лысиковой, А. К. Зерновой, А. О. Захаровой.

6. DTxt19-089_Arch-Mez. Зап. от ж. 1956 г. р., ур. д. Усть-Пеза, в с. Дорогорское Дорогорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 03.07.2019 К. М. Лысиковой, А. Р. Гольник.

7. Мез24-72. Зап. от ж. 1932 г. р., ур. д. Целегора, в д. Целегора Козьмогородского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 18.07.2007 А. А. Чечик, А. Ю. Цветковой.

8. Мез1-33. Зап. от ж. 1954 г. р., ур. д. Кильца, в д. Кильца Козьмогородского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 16.07.2007 В. В. Беркутовой, Е. Е. Самойловой.

9. Мез1-151. Зап. от ж. 1936 г. р., ур. д. Бычье, в д. Заакакурье Мезенского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 14.07.2008 А. В. Степановым, О. Г. Хон.

10. DTxt08-229_Arch-Mez. Зап. от ж. 1928 г. р., ур. д. Азаполье, в д. Азаполье Целегорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 22.07.2008 А. С. Семеновой, М. А. Троцило, А. А. Прониной.

11. DTxt08-074_Arch-Mez. Зап. от ж. 1959 г. р., ур. д. Жердь, и м. 1961 г. р., ур. д. Петрова, в с. Жердь Жердского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 10.07.2008 И. С. Веселовой.

12. Мез1-22. Зап. от ж. 1907 г. р., ур. с. Долгощелье, в д. Заозерье, Дорогорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 23.07.2007 А. Ю. Цветковой, И. А. Кравчуком.

Список источников

ФА СПбГУ – Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. Москва, 2000. С. 54–78.

Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры/ Пер. с англ. – 2-е изд. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. Москва, 2000. С. 216–234.

Гергилов Р. Е. Социальное избегание и преодоление стыда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 183–193.

Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. Москва: Политиздат, 1984. 335 с.

Лотман Ю. М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. С. 98–101.

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. Москва, 2016. 416 с.

Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Москва, 2021. 504 с.

A. O. Zakharova

Student of Philological Faculty
Saint-Petersburg State University

CONCEPTS OF *SHAME* AND *DISGRACE* IN WEDDING RITES OF RUSSIAN NORTH

The focus of this paper is Russian North women's biographical narratives about sexual behavior in context of wedding rites. The research is based on 17 interviews stored in SPbU Folklore Archive. The author describes some features of use of the words *shame* (*стыд*) and *disgrace* (*нозор*), which are frequently used in such narratives. Comparing these words taking into account their usage specification shows these concepts (which are sometimes synonymic) mark social factors which act in opposite ways. *Shame* regulates following normative rite scenario, but *disgrace* leads to resistance against it.

Key words: shame; disgrace; rite scenario; wedding rite; wedding night; virginity.

УДК 1751

Дарья Анатольевна Коваль
студент филологического факультета
Воронежский государственный университет
lnisgshat@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ. СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В работе характеризуется языковая картина мира диалектоносителя, отраженная в лексической системе. Указанная цель достигается при помощи выявления признаков языковой картины мира диалектоносителя, описания тематических групп диалектной лексики, анализа особенностей языковой картины мира диалектоносителя, составления словарных статей для диалектных лексем. В статье совершается попытка охарактеризовать языковую картину мира диалектоносителя через анализ его идиолекта и сопоставить полученную информацию с биографией. В результате исследования выработан принцип составления словарных статей, произведено выделение тематических групп лексики, отражающей видение мира диалектоносителя, дана их характеристика.

Ключевые слова: идиолект, языковая картина мира, диалектоноситель, тематическая группа, словарная статья, идиолектный словарь, лексика.

Введение

При монографическом описании говора села Старина Каширского района Воронежской области был собран ценный материал – записи спонтанной речи одного диалектоносителя, Агапоновой Татьяны Дмитриевны (1938 г.р.), что и позволило обратиться к составлению словаря языковой личности.

Создание такого словаря предполагает работу с понятием *идиолекта* – индивидуального языка личности, совокупности семантических и стилистических особенностей речи отдельного носителя данного языка. [Матвеева 2010: 119]. В более широком понимании *идиолект* – это не только особенности, но и весь состав речи языковой личности [Матвеева 2010: 119].

Идея создания идиолектных словарей не нова и довольно активно развивается со второй половины XX века. На данный момент создано несколько таких словарей. Существует, например, «Полный словарь диалектной языковой личности», в основе которого лежит метод долговременного наблюдения над спонтанной речью информанта (жительницей с. Вершинино Томской области В. П. Вершининой) под ред. Е. В. Иванцовой [Иванцова 2006-2012]. Создан также «Словарь Агафьи Лыковой» Г. А. Толстой [Толстова 2004]. Его источник – только письменная речь информантки, которая, будучи приверженкой старообрядческой конфессии, провела большую часть жизни в изоляции от общества.

При характеристике идиолектных словарей важно учитывать разные подходы, которые используются при их составлении. Выделяются словари полного типа и тематические.

В словарях полного типа сосредоточена вся лексика языковой личности (и собственно диалектная, и общая для говоров и литературного языка). Примером такого словаря может послужить «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева, включающий около 2800 слов. Поскольку это словарь полного типа, мы можем здесь встретить и общенародные лексемы (изба – ‘деревянный крестьянский дом’, егоза – ‘непоседа’), и собственно диалектные (зЫбать – ‘качать’, нёхаться – ‘медлить, канителиться’). Этот словарь включает в себя также характеристику говора на разных уровнях языка, информацию о диалектоносителе и классификацию слов по степени употребительности [Тимофеев 1971: 54, 75].

В основе тематических словарей находится фиксация какой-либо тематической группы лексики. Например, в «Экспрессивном словаре диалектной личности» Е. А. Нефедовой отражена исключительно экспрессивная лексика и фразеология носителя архангельского говора. В Словаре содержится около 1400 единиц, характеризующихся признаками интенсивности, образности и эмоциональной оценочности с толкованиями и примерами употребления. Более трехсот из них являются продуктом индивидуального словотворчества языковой личности [Нефедова 2001].

К идиолектным относятся также *словари языка писателей*. Таких словарей в настоящее время издано довольно много: «Словарь к стихотворениям Державина» Я. К. Грота [Грот 1883], «Словоуказатель к комедии Грибоедова «Горе от ума»», включённый в книгу В.Н. Куницкого «Язык и стиль комедии «Горе от ума»» [Куницкий 1894], «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского [Водарский 1901-1905]. Например, «Словарь языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова включает около 1500 слов, 700 фразеологических единиц. В словарь вошли как специфически шукшинские слова и выражения, так и многочисленные диалектизмы, историзмы, жаргонизмы и т.д., которые встречаются в текстах писателя [Елистратов 2001]. Первым фундаментальным толковым словарём языка писателя в русской лексикографии стал четырёхтомный «Словарь языка Пушкина», созданный по замыслу Г. О. Винокура и опубликованный под редакцией академика В. В. Виноградова в 1956–1961 гг. В словаре содержится 21290 слов, употреблённых А. С. Пушкиным в художественных произведениях, очерках, письмах [Виноградов 1956-1961].

Структура диалектного словаря языковой личности

В Диалектном словаре языковой личности, который мы планируем составить, будет представлена биография информанта, история места его рождения и места жительства, описание особенностей говора на разных уровнях языка и словарные статьи с толкованиями собственно диалектных слов и примерами их употребления, расположенные в прямом алфавитном порядке.

Принцип отбора лексики для словаря

На данный момент в словарь включена только собственно диалектная лексика. В словарь войдут:

- *собственно лексические диалектизмы* (не имеющие литературного соответствия слова с диалектными корнями): *закута* ‘загон для скота (чаще всего для свиней)’;

- *лексико-семантические* (обозначающие в литературном языке другие элементы языковой действительности): **стеллаж** ‘настил’; ‘поверхность из досок или другого материала, настланного и укрепленного на чём-либо, основание для кровли’;

- *лексико-словообразовательные* (с несоответствующим литературному языку выбором морфемы): **припёчек** ‘часть печи, на которой лежат’

- *лексико-фонетические* (отличающиеся определенными звуками от литературного варианта): **достка** ‘доска’;

- *устойчивые сочетания*: **дóлгая лáвка** ‘лавка, идущая под иконами; часто использовалась в качестве постели для гостей, т.к. была почетным местом в доме’.

Для характеристики языковой личности диалектоносителя важны тематические группы слов, которые он использует в речи. Собранную нами лексику можно разделить на несколько тематических групп.

Тематические группы лексики, представленные в идиолекте Т.Д. Агапоновой

1. Лексика, отражающая материальную культуру

1. Лексика, связанная с домом, его убранством:

МА́ТКА ‘матица, балка; потолочная балка или бревно, являющаяся перекрытием и основой для крыши’. *А паталóк-та как, ии́: ‘авó д’элат? Н’э ии́: ива. Ну, как ‘и́и-та тáма мáтк’и бýл’и.*

ПОТОЛÓК (на потолке) ‘чердак’. *У м’ин’э и ш’:ас палав’ик’и́ на паталк’э ткáтаи л’ижáт – т’óтка ткáла.*

2. Лексика, связанная с крестьянским трудом

● огородничеством, полеводством:

КАГÁТ ‘углубление в земле порядка 80 см на улице с настилом для хранения овощей (не погреб!)’. *А тут вот, ид’э кау́ят у нас, а за кау́атам да М’ит’инава канцá са́да в’ишынк’и́ бýл’и. Там з’имл’и у нас чут’ бýла, в’ишынк’и́ бýл’и.*

● животноводством:

КА́ЧКА ‘деревянная тележка’. *Т’ил’эшка, абыкнаэ́наја т’ил’эшка. Уон, как у д’э́да м’и́шы, у Э́тава, М’ит’и бýла, пóмн’иш? Д’ир’ив’áнаја кáч’кь.*

3. Лексика, называющая пищу:

БЛИНÉЦ ‘блинчик (в отличие от блинов, печется на молоке/воде и без дрожжей)’. *Тадá сáмыј бау́атыј аб’э́т был... Бл’инцów, у кавó карóва бýла.*

4. Лексика, называющая одежду:

ПАРУСЁНОВЫЙ ‘сделанная из парусины – плотной ткани из натуральной пряжи (льна, конопли и т.д.)’. *Мн’э куп’и́л’и полбат’и́нч’к’и парус’óнаваји з’ил’óнаи и плáт’ицу с’и́тцавају.*

5. Номинация предметов быта:

ЛОХÁНКА ‘таз для стирки белья’. *Тадá бýл’и д’ир’ив’áнаи латк’и́. Ну э́та давнó д’э́ла бýла. Лахáнк’и бýл’и как’и́и-та кру́улаи, тош д’ир’ив’áнаи. В лахáнках ст’ирáл’и на руб’и́л’н’иках ај на даск’э́.*

II. Лексика, отражающая духовную культуру

1. Названия христианских праздников, обрядов и традиций, с ними связанных.

ХРИСТОСЛАВИТЬ ‘исполнять прославляющие Христа песни в сочельник’. *П’эрвај хр’истасла́w какој пр’ихо́д’ит’ – јаво сажáјут’ на паро́х. Сажáјут’ на паро́х – и р’ишатó јаму́ на у́алаву́. Эт шоп нас’э́тка вад’ила цыпл’ат. Ну, у каво́ какојэ зав’ид’эн’ијэ б’ыла.*

2. Лексика, отражающая мировосприятие:

МАГАРЫЧ ‘материальная благодарность (чаще всего съедобная) за помощь в чем-либо’. *Ја уавар’у́: «Ну, пад’омт’и! Там н’и пр’ишилос’ мауарыч п’ит’». Ја уавар’у́: «Пад’омт’и! У м’ин’а арбу́с». И бутылку пастáв’ила самоу́ну.*

3. Лексика, отражающая состояния человека

РАСПА́РЕННЫЙ ‘вспотевший, тот, кому очень жарко’. *Он та халоднај, патаму́ шта жарá – распáр’иныи б’ыл’и.*

4. Глагольная лексика

1) Бытовые действия, связанные с хозяйственной деятельностью

СБЕРЕГÁТЬ ‘хранить’. *А ја н’и знају, пачаму́ на Калод’изнају ваз’ил’и з’арно́. Ну, наэрна, зб’ир’иуат’ јаво́ н’эуд’и б’ыла. А патом с Калод’изнај ваз’ила на пас’эф, када́ с’эил’и.*

2) Взаимодействие с другими людьми (и животными)

ПАМАГНУТЬ ‘помочь’. *Он уаварит’: «Ну најд’омт’и. Ја вам памагуну́ да базáра дав’эс’».*

3) Состояния и интенсивного действия

РАЗИКА́ТЬСЯ ‘вести себя агрессивно, вырываться’. *Он этъ раз’ика́лсы, но ја уд’иржáла јаво́.*

4) Общие действия

ИЗДЕ́ЛАТЬ ‘сделать’. *Ну и так мы изд’э́лал’и: карóву зар’э́зал’и, ијо́ з д’ад’ај ваз’ил’и на машим’эт’ и прадавáл’и с јим м’áса, а т’олку мы ф кáлхóз здáл’и.*

5) Состояние среды

ВЕЧЕРЯ́ТЬ ‘вечереть, смеркаться’. *Ну а нас поужнат’. Ужэ́ в’эч’ир’áло та́ку уо́т, нав’эрно, в Эту́ поро́у либо́ што.*

6) Фазовые глаголы

ПОДОЙТИ́ ‘наступить’. *В’исна́ падајд’от’ – изд’э́лајэм. Над’э́лајэм саманow и слóжым т’иб’э́ дом.*

7) Глаголы, связанные с животноводством

ОБДА́ИВАТЬ ‘приучать к дойке’. *Ја т’олку абда́ивала свају́ с Кóл’эј. Кóл’а д’иржáл ијо́ за у́алаву́, а ја абда́ивала. Абдо́ила, пр’ивы́кла ана́. Стáла та́к та.*

5. Топонимическая лексика

МИЧА́ЕВКА ‘Нечаевка – село в Новоусманском районе Воронежской области’. *Патом мы даку́ды даил’и ши́о. Да м’ич’áифк’и, нав’эрна. Да, да м’ич’áифк’и ужэ́.*

6. Прозвища человека (антропонимы)

ПАРЧІХА ‘женщина получила такую кличку благодаря своему брату, ходившему без порток’. *Помн’у, Н’ус’ка Парчіха: «О, как жа ты јажо, п’ирват’олак, как жа ты јажо абдаиваши?»*

7. Устойчивые выражения

◇ **ТАРЫ-БАРЫ-РАСТАБАРЫ** ‘болтовня’. *Ну тары бары растабары. Вышл’и: ана мыч’ит’, а каровы н’эгут’и у сталба.*

8. Наименования человека

1) По родственным отношениям

ДВОЮРНЫЙ ‘двоуродный’. *У јеј брат двајурнај там был.*

2) По профессии

ОСТОПЩИК ‘истопщик; кочегар’. *Астапшык’ом в школи тада рабóтал.*

9. Вне тематических групп

ДВАЦУНОК ‘20 копеек’. *Па двацуначку нам дал и на п’итнацат’.*

Характерные признаки языковой картины мира Т.Д. Агапоновой

Известно, что человек воспринимает мир с прагматических позиций, особо выделяя, маркируя те географические реалии, которые оценивает как важные и существенные для повседневной жизни; те, которые каким-либо образом влияют на его хозяйственную деятельность (мешают распашке земель, передвижению транспорта, человека и т.п. или же, напротив, те, которые человек приспособляет к своим хозяйственным надобностям). Поиски языком номинаций, оптимальных для конкретных географических условий и ситуаций, отражает результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека. В лексических единицах языка содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, раскрывающая особенности видения мира и являющаяся своеобразным ориентиром в его освоении.

На основе собранного материала можно сделать следующие выводы.

Тематические группы поделены нами на те, что связаны с материальной культурой, и те, что связаны с культурой духовной.

Наиболее многочисленные по количеству слов тематические группы, относящиеся к материальной культуре, связаны с:

- крестьянским трудом (огородничество, полеводство) (свекольный, зарукавник, гарба, крестец и т.д.);
- животноводством (фчарник, первотелок, закута, качка и т.д.);
- бытом (лоханка, салазки, пузырек, махотка и т.д.);
- домом и его убранством (припечек, саман, матка, стеллаж и т.д.);
- пищей (борш, блинец, оладь, бурак и т.д.);
- одеждой (фуфайка, грубая, парусёновый, понева и т.д.).

Такой выбор лексики обусловлен биографией информанта. Агапонова Т.Д. после школьной скамьи устроилась на работу в колхоз «Заветы Ильича», где сначала работала на посадке и прополке свеклы (отсюда столько терминов, связанных с выращиванием свеклы), а затем стала заведующей птичника (термины, относящиеся к этой деятельности, представлены в меньшем количестве, поскольку выращиванием свеклы информант занимался еще и в совхозе «Октябрь», куда он

отправился на заработки). Переехав с мужем в село Старина и попав в колхоз «Россия», Агапонова Т. Д. стала работать «в штате» – ухаживать за животными, что расширило лексикон словами из сферы животноводства. На это также повлияло и то, что у нее самой было несколько коров. Строительством дома они с мужем занимались самостоятельно, отсюда столько терминов, относящихся к этой деятельности. А быт окружает нас и по сей день: по нашему мнению, эта тематическая группа будет выделяться до тех пор, покуда жив человек. Ровно того же мнения мы и по поводу групп, называющих пищу и одежду.

При рассмотрении тематических групп лексики, соотносящихся с духовной культурой, можно выделить следующие:

- названия христианских праздников и связанных с ними традиций (христославить, паска, Михайлов день, упокойник и т.д.);
- бытовые действия, связанные с хозяйственной деятельностью (затереть, перехрещать, перегнуть, промаркировать и т.д.);
- глаголы, связанные с животноводством (апартироваться, скинуть, гулять, обдаивать и т.д.);
- топонимическая лексика (Данков, Левая Росташь, Мичаевка, Мосали и т.д.);
- прозвища человека (утенок, мумушиха, селиков, горовой).

Христианские традиции занимают большое место в жизни Агапоновой Т.Д.: она никогда не работает в церковные праздники, придерживается поста и имеет дома иконы. Эти факты определяют ее мировоззрение и наличие этой тематической группы. Также многочисленны группы топонимической и антропонимической лексики. Это обусловлено тем, что диалектоноситель дважды переезжал, а также был обязан ходить в соседние села для совершения сделок купли-продажи, а ориентироваться в этих селах всегда проще не по имени, а по «подворне» – кличка целой семьи.

Отдельно нужно отметить устойчивые выражения, потому что именно в них ярчайшим образом отображается мировоззрение отдельного человека и народа в целом. В нашем случае они связаны либо с убранством дома (долгая лавка), либо с хозяйственной деятельностью (сделать помол), либо с традициями (поднести стаканчик), либо с фигурами речи (по (чьему-то) разговору, тарыбары-растабары), что снова соотносится с биографией информанта.

В проанализированном нами текстовом массиве обнаружено явление **полисемии**: слово *потолок* выступает и как ‘верхнее внутреннее покрытие помещения (литературное значение)’, и как ‘чердак’.

Присутствует синонимия, чаще всего образующаяся по модели «отрицаемое слово + част. не»: *Он н’ибал’шój был, мál’ин’каj*.

Омонимия нами не была отмечена.

Перейдем к работе со словарем.

Структура словарной статьи

Словарная статья будет включать следующие рубрики:

- 1) заголовочное слово с указанием ударения;
- 2) указание частей речи для служебных и некоторых знаменательных частей слова;

3) грамматические пометы в соответствии с частью речи и ее грамматическими признаками;

4) контекст, который должен быть информативным. Примеры даются в транскрипции.

Приведем примеры словарных статей.

АЖНУ, частиц., усилит. Употребляется при усилении, выделении чего-либо в высказывании. // *У м'ин'э тада́ вот э́тат пал'иц / ноу́ат' лом'ит' а́жну* //

ЗАТЕРÉТЬ, -у, -ёшь; затёртый; сов. Зашпаклевать. Выровнять потолок или стену, разровнять глину. *Патом атуды и ацуда^{bt} замáзал'и ул'инај, наб'ил'ил'и, зат'орл'и; паталок палучилсы, мазанај паталок.*

ЧУДО́К, нареч; неизм. Немного, в небольшой степени, слегка. *Чудок утаптал'и, сравн'ал'и.*

ПЕРЕВЁСЛО, -а, вин. перевёсло, мн. перевёсла, перевёсел, перевёслам, ср. Скрученные из соломы пучки, переносимые так же, как носят коромысло. *Кас'ил'и, р'ады клал'и. Ана л'ижала. Хл'эп э́тат л'ижал, сох. Патом бабы п'эр'ив'ослы... Ну, скрут'иш из э́тај, из салом'и... И п'ир'ив'изал'и.*

САМАН, -а, вин. саман, мн. саманы, саманов, саманам, м. Кирпич из глины с добавлением соломы, используемый для строительства домов на юге России. *Э́т'и мужык'и пр'иход'ут', из Э́т'их дасток вот так – пр'ам ил'оп нам в јашык јэту ул'ину та́ку вот. Чудок утаптал'и, сравн'ал'и. Јашык пр'иподымáјим – саман астáлса^{bt}. Ул'ина астáлас' абру́бл'инаја, как вс'оурна јашык.*

САМАННЫЙ, -ая, -ое, (о доме). Сделанный из самана (см. саман). *Ну вот јим и пастрóил'и э́та т дом самана^{btj}.*

Как можно убедиться на основании приведенных примеров, в словарных дефинициях используются три типа толкования слов: отсылочный, синонимический и описательный.

Выводы

Монографическое описание говора вносит вклад в изучение диалектов Воронежской области, позволяет уточнить их типологические особенности. Идиолектный словарь позволяет наблюдать за употребительностью конкретных языковых единиц в речи диалектоносителя, отражает его языковую картину мира и дает возможность более полно изучить реализацию семантики слов, содержащихся в сознании информанта, увидеть мир его глазами.

Список литературы

Виноградов В. В. Словарь языка Пушкина. М., 1956-1961, 2-е изд. Т. 1–2, М., 2000.

Водарский В. А. Материалы для словаря Пушкинского прозаического языка // Филологические записки. Воронеж, 1901. Вып. 4-6; 1902. Вып. 2–6; 1903. Вып. 4–5; 1904. Вып. 1–3, 5, 6; 1905. Вып. 1, 2, 5, 6.

Грот Я. К. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IX. СПб., 1883.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.

Иванцова Е. В. Полный словарь диалектной языковой личности. В IV т. Томск: Издательство Томского университета, 2006-2012.

Толстова Г. А. Словарь Агафьи Лыковой. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. 558 с.

Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.

Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2001. 144 с.

Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. М.: Азбуковник, 2001. 432 с.

Куницкий В. Н. Словоуказатель к комедии Грибоедова «Горе от ума». Киев, 1894. 57 с.

D. A. Koval

Student of Philological Faculty

Voronezh State University

**THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A DIALECT SPEAKER: PROBLEMS OF STUDY.
DICTIONARY OF LANGUAGE PERSONALITY**

The purpose of the work is to characterize the linguistic picture of the world of the dialect carrier, reflected in the lexical system. This goal is achieved by identifying the features of the dialect carrier's linguistic worldview, describing thematic groups of dialect vocabulary, analyzing the features of the dialect carrier's linguistic worldview, compiling dictionary entries for dialect lexemes. The scientific novelty of the research consists in an attempt to characterize the linguistic picture of the world of a dialect speaker through the analysis of his idiolect and to compare the information obtained with the biography. As a result of the research, the principle of compiling dictionary entries was developed, thematic groups of vocabulary reflecting the dialect carrier's vision of the world were identified, and their characteristics were given.

Key words: idiolect; language picture of the world; dialect carrier; thematic group; dictionary entry; idiolect dictionary; vocabulary.

УДК: 393, 398.21

Анна Александровна Чепурнова
магистрант филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
chepurnovaaanna@mail.ru

РИТУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ И АТРИБУТЫ ПУТИ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

В статье рассмотрена семантика ритуальных символов пути в похоронном обряде и атрибутов волшебной сказки в эпизодах, реализующих морфологические функции *отлучка, отправка, пространственное перемещение, возвращение, погоня, спасение* (по В. Я. Проппу). Материалом исследования стали описание похоронного обряда среднего течения р. Мезени, сделанное на основании данных из Фольклорного архива СПбГУ, собранных в 2009–2019 гг., и тексты волшебных сказок с тех же территорий из сборника И. В. Карнауховой. На основании проведенного анализа ритуальных символов и выраженных в них культурных тем (в терминологии В. Тернера) автор выявляет следующие темы, отраженные в предметном мире похоронного обряда и атрибутах волшебной сказки: путешествие, жизнь после «перехода», связь между живыми и мертвыми.

Ключевые слова: похоронный обряд; волшебная сказка; ритуальный символ; культурная тема; предметы волшебной сказки.

Введение

Работа посвящена сравнению описания похоронного обряда Лешуконского района Архангельской области. Материалами стали 554 записи из тематической папки «Похоронный обряд» Фольклорного архива СПбГУ, собранные в 2009–2019 гг., и атрибуты волшебной сказки в эпизодах, реализующих морфологические функции перемещения.

Основанием для сравнения послужила концепция ритуальных символов и культурных тем В. Тернера. Вслед за ним я выделила в описании похоронного обряда значимые ритуальные символы – наименьшие единицы, воплощенные в действиях, жестах, словах, объектах ритуала. Анализ ритуальных символов позволил обозначить область семантики, или «культурных тем» в терминологии В. Тернера. Под культурными темами он понимает «постулаты или положения – явные или подразумеваемые, – обычно контролирующее поведение или стимулирующие деятельность, которая молчаливо одобряется или открыто поощряется в обществе» [Тэрнер 1983: 34].

Культурные темы являют собой фрагменты знания о действительности, конструирующие социальную реальность (см. подробнее: [Бергер, Лукман 1995]) посредством воспроизведения вербальных и невербальных текстов. Это общее знание воплощается различными способами в ритуале, фольклоре и языке. Иными словами, и обряд, и фольклорный текст содержат одинаковые культур-

ные темы, которые в них реализуются по-разному. В настоящей статье мы рассмотрим часть категорий, в которых осмысливается смерть жителями Русского Севера в ритуале и фольклоре.

Особенности ритуальных предметов

В этой работе я остановлюсь на том, какое значение приобретают воплощенные в предметах ритуальные символы, связанные с идеей перемещения, перехода, пути. В основе похоронного ритуала лежит идея перехода, пути согласно А. ван Геннепу [Геннеп 2000; Седакова 1995: 357-360]. Для сопоставления взяты тексты волшебных сказок, поскольку именно в их основе лежит идея пути, что сближает волшебную сказку с похоронным ритуалом. В.Я. Пропп в работе «Фольклор и действительность» писал: «Путь героя как бы представляет ось повествования. Это – древнейшая форма композиции. Повествование кончается либо возвращением героя домой, либо прибытием его в иной город или иную землю» [Пропп 1975: 93].

В работе рассматриваются предметы волшебной сказки, которые сказочный герой использует в морфологических функциях, связанных с перемещением. Точнее, меня интересует вопрос, как формируется семантика ритуальных символов и атрибутов волшебной сказки, связанных с идеей пути. Тексты волшебных сказок для настоящего исследования были выбраны по принципу соположения территории с имеющимися записями обряда. В работе рассматриваются тексты волшебных сказок из сборника «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнаухова, работавшей на территории современных Лешуконского и Мезенского районов Архангельской области в 1928 г. [Карнаухова 2008]¹.

Семантика предметов в ритуале определена с опорой на методику анализа В. Тернера, который выделял операционные, позиционные и экзегетические параметры толкования символа [Тернер 1983: 33], и сопоставлена с семантикой сказочных предметов из морфологических функций, связанных с идеей перемещения.

На этапе прижизненной подготовки к похоронам (прелиминарный период) жители севернорусских деревень тщательно подходят к выбору смертной одежды, которая должна быть «хорошей», не ношенной, удобной и соответствовать времени года, когда умер покойный. Особенно важно, считают наши информанты, выбрать правильную обувь (Леш 17-150)².

Зимой отдают предпочтение буркам, валенкам, сапогам, а летом – легким туфлям или тапкам с «пятками». На первый план выходит признак удобства. Обувь должна быть удобной для умершего, а это значит, предполагают, что обувь «носится», т. е. что умерший мыслится как отправляющийся в путь. Итак, обувь как ритуальный символ связана с идеей пути, который должен преодолеть человек после смерти, и умершему в этой обуви должно быть удобно.

Культурную тему путешествия актуализирует не только обувь, но и одежда, в которой хоронят усопшего. В Фольклорном архиве СПбГУ есть несколько рассказов, толкующих идею препятствий, которые могут встретиться умершему при переходе на тот свет, если его одежда будет «неподобающей». В частности, подобающей для такого путешествия считали светлую одежду и объясняли выбор тем, что при похоронах в цветном умерший долго будет ждать

перехода, поскольку ему нужно будет смыть весь цвет. Есть также представления, что нельзя на покойного надевать много одежды: *Нее, пальто не одевали. <...> А еще говорили, что на что много подвязок да чего же одевать, надо еще Смоляну реку перебродить. <Куда бродить?> Смоляна река там есть, говорят. <Смоляна река, где?> В подземелье-то говорят <Смоляна река? В Подземелье?> Говорят, Смоляна река есть, так не одевайтесь шибко плотно, что ли много одежды. Надо поскорей раздеться и грести, чтобы в аду не остаться, надо попасть и в рай* (Леш 17-187)³.

Выбор в пользу легкой одежды в похоронном обряде может объясняться сюжетом о переправе через «Смоляну реку», которую нужно переплыть, чтобы достичь рая. Решение об использовании различных цветов в одежде, выбор в пользу белых платков в женском наряде объясняется сюжетом о смывании цвета одежды под потокой (сливом дождевой воды с водостока крыши) или сюжетом о выгорании одежды под солнцем. В обоих случаях речь идет о переправе на тот свет, с которой можно не справиться, если выбрать неправильную одежду. Следовательно, переход в иной мир осмысливается как череда испытаний.

Суть испытаний для достижения иного мира состоит в правильном выборе обуви (удобной) и одежды (неяркой). К преодолению испытаний готовятся при жизни, и сама подготовка похожа на сборы в дорогу, что выражает символическая форма хранения смертного (сундук, пакет, узел, чемодан) – в предметах, которые использовали для транспортировки вещей.

Посмотрим на сказочные предметы. Сказочный жанр выбирает противоположное обряду качество обуви. В сюжете волшебной сказки «Иван-солдат» героя перед отправкой в далекий путь снабжают железными сапогами⁴. В сказке железная обувь указывает на длительность пути, в который отправляется герой, поскольку герой не сможет добраться до «чужого» царства, пока не сотрет железные сапоги. В. Я. Пропп отмечал: «Можно установить, что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 2000: 144]. Семантика сказочного атрибута в этом случае состоит в идее чрезмерной длительности пути.

Герой волшебной сказки вместе с железными сапогами брал в путь железный посох. В похоронном обряде на описываемой территории посох («трость», «конь», «костыли») становится ритуальным символом. Его кладут в гроб или ставят на могилу покойному, поскольку считают, что если при жизни покойный не мог передвигаться без трости, то и на том свете, он не сможет обойтись без этого предмета [Пахомова 2012]. И опять в ритуале речь идет о заботе об удобстве путешествующего, а в сказке – о длительности.

Покойному мужчине обязательно клали в гроб головной убор. Герой сказки также брал в путь железную шляпу. Сапоги, шляпа и посох – именно те предметы, которые маркируют странников. Эта одежда, например, всегда появляется при описании калек переходящих в эпосе. Калики постоянно находились в пути, поэтому воспринимались как посредники между светом этим и светом иным [Новичкова 1982: 162].

Итак, одежда и посох в обряде соотносятся с теми предметами, которые берет герой волшебной сказки, отправляясь в иное царство. Артикулированные в волшебных сказках и былинах как необходимые атрибуты путешествующего героя, символы в ритуале транслируют значения перехода. Покойный – тоже странник, отправляющийся в путь, и отправляющие его заботятся об удобстве. Сказка и обряд выбирают противоположные свойства обуви, которые в конечном счете актуализируют значения трудности и длительности пути. Сказка усиливает это значение за счет необычного материала атрибутов – герой передвигается в железной шляпе, железных сапогах и с железным посохом. Эти предметы нужно «стоптать» в пути, таким образом железная «экипировка» становится метафорой, описывающей длительность достижения героем «иногo» царства.

В быту железо – долговечный и прочный материал, его используют, например, для укрепления бороны. В сказке прочность железа становится метафорой длительности труднопроходимого пути. И. С. Веселова дала емкую характеристику фольклорной метафоре, связывающей и «создающей смысл одной практики через другую»: «Фольклорная метафора есть субстрат телесного, эмоционального и социального коллективного опыта, но оживает она каждый раз в конкретном высказывании отдельного человека» [Веселова 2014: 31, 33].

Ритуальный символ работает иначе, он не превращается в метафору, а остается символом: чтобы пройти трудный путь, нужна удобная обувь и правильная одежда, которые становятся символом облегчения посмертного перехода на тот свет⁴.

Перед отправкой в «путь» покойного также снабжают предметами «первой необходимости»: в гроб кладут очки, вставную челюсть, тетрадку и ручку, сигареты. Кроме того, ему опосредованно предназначаются и ритуальные дары, первичные адресаты которых – близкие умершего и ритуальные специалисты. За помощь в организации похорон и за участие в ритуале близкие родственники умершего одаривают ритуальных специалистов и других участников ритуала посудой, предметами гигиены, одеждой, наборами для шитья (нитками с иголками). Из рассказов информантов становится понятно, что предметы, которыми одаривают участников ритуала, мыслятся как необходимые покойным на том свете и, в качестве ритуальных символов, развивают культурную тему продолжающейся жизни после смерти. Символическая передача даров из рук в руки через гроб связывает покойного (вторичного адресата), ритуального специалиста, близкого (первичного адресата) и родственника (адресанта) через отношения реципрокности: ритуальный дарообмен здесь направлен на установление связи между умершими и живыми, которые будут вспоминать покойного, используя эти вещи. Таким образом, память о покойном будут хранить не только члены семьи, но и другие члены деревенского сообщества. Наши собеседники считают, что при пользовании полученными «на помин» предметами покойный получает так нужное ему на том свете «поминание», которое является ответным даром (Леш 17-272)⁵.

Форма передачи предметов через гроб встречается также при прощании. Деньги для поминального обеда кладут в гроб, а не отдают хозяйке, это указывает на то, что передача денег не просто прагматическое, но ритуальное действие. Кажется, что деньги предназначаются именно покойному и могут понадобиться ему на том свете: *А так обычно такие, это самое, десятку ложат, говорят: "На, передай поклон мим", – наказывают покойному* (Леш 17-269)⁶.

Получается, что, с одной стороны, посмертие мыслится близким к земной жизни: умершему могут понадобиться услуги или помощь, за которые надо будет отплатить монетой. С другой стороны, передавая деньги покойному, живые заручаются его поддержкой или поддержкой своего рода. Деньги в ритуале имеют два предназначения: первое – материальная помощь осиротевшим; второе, не исключаяющее первое, – символический дар «на помин», переходящий своему роду через умершего, роду которых отходит помощь материальная. Ритуальная вербальная формула *«на, передай на поклон им»* свидетельствует о том, что живые при передаче денег умершему заручаются поддержкой «своих» умерших. То же самое происходит в случае, когда символическим даром становятся не деньги, а печеное (как правило, пресные шаньги, блины).

С другой стороны, эзегетическое толкование указывает на еще один смысл использования денег в похоронном обряде – откуп земли: *<А в могилу что-то кидают?> Деньги кидают, землю откупают. <А зачем? От кого откупают?> Дак землю человеку откупают там, страые деньги-то там больше-то носим, там пятаки да, старинного образца* (Леш 17-87)⁷.

Ритуальные параллели встречаются в комплексе обрядов, связанных со строительством и переселением, когда при закладке окладного кладут деньги, откупая землю. Таким образом, деньги в похоронном обряде также связаны с идеей (культурной темой) нового дома, который обретает покойный.

В сказе «Иван-солдат» [Карнаухова 2008: 313–321] герой, попадая в иноземное царство, тратит деньги, чтобы похоронить богатырей, которые позже станут его патронами – волшебными помощниками. Здесь сказка заимствует символы и этикет похоронного ритуала, обозначая и утверждая ритуальные нормы: с одной стороны, без денег невозможно осуществить похороны – необходимо откупить место, в то же время необходимо заручиться помощью умерших откупом при похоронах.

Еще одна группа предметов, которыми снабжались герои волшебных сказок при отправке в путь и которые находят символичные параллели в похоронном обряде – вино (водка) и хлеб. Герои мезенских волшебных сказок брали в путь вино и хлеб. Эта пища придавала им сил перед битвой. В ритуале эта еда обычно предназначается покойному, отличаясь от блюд поминального стола, предназначенных для живых (Леш 17-229)⁸. Покойным, по мысли организаторов ритуала, необходима пища. Ритуальная пища, в отличие от сказочной, не просто наделяет силой, но переустанавливает социальные связи. Ограниченный состав блюд для покойного символически отделяет умершего, исключая его из сообщества живых. В то же время, умерший остается частью коллектива, поскольку трапеза живых и умершего совместна: происходит в одно время, в одном месте⁹.

Обозначив предметные символы и атрибуты, которые возникают при снабжении в путь, рассмотрим предметные символы, с помощью которых умершего переносят, без которых отправка в мир иной из мира живых невозможна.

В ритуале гроб переносили на кладбище на руках или перевозили на транспорте, а опускали в могилу на полотенцах или на веревке (Леш17-35)¹⁰. В волшебной сказке «Краса-Долгая коса» [Карнаухова 2008: 292–296] герой перевозит невесту в «худом ящичке», привязанном на веревке. Гроб, в котором перевозится невеста в этой сказке описывает ее лиминальное состояние Варвары-Красы. С одной стороны, это состояние недееспособности: невеста, подобно покойному, не может передвигаться сама, ее выводят из местожительства ее рода и вводит в новый род жених. С другой стороны, это состояние указывает на «опасность», которую несет героиня. Именно во время перехода из одного царства в другое, лишенная способности действовать, но вместе с героем находящаяся в лиминальном состоянии, невеста приобретает черты опасного персонажа (она предупреждает героя: «а тоб не вывез <из леса – прим. А.Ч.> – я тебя убила»). Так опасность лиминальной персоны, покинувшей родной дом и еще не вступившей в новый род, осмысляется в сказочных метафорах¹¹. Невеста в ритуале не обладает закрепленным социальным статусом, что сближает ее с умершим, лиминальность которого во время похоронного обряда демонстрируется через положение в гроб. Сказка заимствует ритуальный символ, превращая его в метафору опасности. Кроме того, эти предметы в композиции обряда и в композиции сказки служат для пространственного сообщения между мирами: невеста перемещается из одного царства в другое, переходя из своего рода в род жениха, она проделывает путь с того света на свет этот. Так и тело умершего переносят в гробу, отправляя его из нашего мира в иной¹².

Сам же путь, который проходит покойный, тоже маркирован ритуальными символами. Символом отмеченного пути могли быть еловые ветки, которые бросали вслед за похоронной процессией, или флажки-полотенца, которые вывешивали по дороге от дома, где жил усопший, к кладбищу. Семантикой пути обладает и другой ритуальный символ: платочек, который вывешивали в период похорон в красном углу. Этот платок символизирует «душу» и ее пребывание в доме. «Душа» покидает прежний дом окончательно на 40-й день, когда этот платок относят на кладбище и привязывают к надгробному столбику. Предметные символы размечают маршруты и границы мира после смерти близкого; они же развивают культурную тему связи между миром живых и миром умерших, тему сигналов между этими мирами.

Выводы

Предметные символы похоронного обряда и атрибуты пути волшебной сказки имеют семантику схожих культурных тем: границ между опасным и безопасным после события смерти, они служат пространственному перемещению, мерой длительности и описанием качества пути. Смерть в данных культурных темах мыслится как путешествие, продолжающаяся жизнь, обретение умершим нового дома; продолжающееся общение между живыми и мертвыми, сигнал маршрута перемещения. Эти представления о смерти выражены в ритуале и фольклоре разными способами. Сказка может напрямую заимствовать цитаты из

обряда, утверждая и транслируя ритуальную норму (как в случае с денежной платой при похоронах в сказке «Иван-солдат»); или же сказка, эксплуатируя ритуальные символы, формирует собственное предметное значение и реализует его через метафору (как в сказке «Краса-долгая коса» метафора «худого ящичка» означает лиминальность, связанную с опасностью и невозможностью самостоятельно передвигаться; или как в сказке «Иван-Солдат» через метафору железных сапог, трости и шляпы означая трудность и длительность преодолеваемого пути).

В основе символа в ритуале и метафор в сказке лежит семантика трудности перехода из одного мира в другой (в сказке чересчур длительного, в ритуале – полного испытаний) и вместе с тем опасности лиминального состояния; поэтому героев ритуала и сказки, совершающих переход, родственники или волшебные помощники снабжают предметами, которые необходимы для удобного, безопасного и, в результате, успешного преодоления пути.

Примечания

1. В работе проанализировано 8 волшебных сказок (№№ 131, 133, 136, 138, 139, 140, 141, 146), записанные от 5 сказочников. Ссылки на сказки из сборника в работе оформлены кратко с указанием названия сказки по сборнику Карнаухова в квадратных скобках. В примечании указаны номер сказки по сборнику, через точку — номер и индекс сюжета по Сравнительному указателю сюжетов, через равно — номер и индекс сюжета по указателю Аарне-Андреева.

2. Из-за ограничений в объеме фрагменты интервью не приводятся, но приводится ссылка на Фольклорный архив СПбГУ в краткой форме с указанием районной коллекции и архивного номера. В примечаниях здесь и далее указаны сведения о записи: Зап от. ж. 1949 г. р., ж. 1949 г. р.; с. Вожгора, 2012.

3. Зап от ж. 1939 г. р., ж. 1929 г. р., ж. 1951 г. р.; д. Чуласа, 2011.

4. № 138. 410*=АА*410 I + 4001=АА 400А+508=АА 508А.

5. Зап. от ж. 1950 г. р.; д. Родома, 2013. Также отмечу, что в рамках этого текста, я описываю только те значения одежды как ритуального символа похоронного обряда, которые связаны с идеей пути; не рассматривая специально цветовые и гендерные ограничения, накладываемые на выбор мужской и женской похоронной одежды.

6. Зап. от ж. 1957 г. р.; д. Вожгора, 2013.

7. Зап. от ж. 1941 г. р.; д. Олема, 2010.

8. Зап. от ж., 1939 г. р.; д. Вожгора, 2013.

9. Об этом подробнее см.: Валенцова М. М., 2002.; Алексеевский, 2005.

10. Зап. от м. 1952 г. р.; д. Смоленец, 2010.

11. О метафорах свадебного обряда, изображающих пассивность невесты см.: [Веселова 2014].

12. № 131. 4002=АА 400*.

Список источников

ФА СПбГУ – Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Список литературы

Алексеевский М. Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX–XX вв. (на материале похоронно–поминальных обрядов и причитаний) // автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Рос. Гос. Гуманитар. Ун-т (РГГУ). Москва, 2005.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Валенцова М. М. Магические функции еды // Традиционная культура. 2002. Т. 3. №. 2 (6). С. 32–40.

Веселова И. С. Повседневные и символические практики: Правила метафорического переноса. Охотники и добыча // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии. Адоньева С.Б., Куприянова С.О. Филологический практикум. Составители С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова; под общей редакцией С. Б. Адоньевой. Санкт-Петербург, 2014. С. 31–56.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, РАН, 1999. 200 с.

Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауковой. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. 543 с.

Новичкова Т. А. К истолкованию былин о Потыке // Русская литература. № 4. 1982. С. 162.

Пахомова А. С. Палки в деревенском быту и в ритуале: На материале записей в дер. Родома. ФА_СПбГУ, 2012.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность: избранные статьи. М. Наука, 1975. С. 93.

Седакова И. А. Путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. Т. 4. С. 357–360.

Чепурнова А. А. Похоронный обряд на территории бассейна реки Мезени в середине XX – начале XXI вв. / Выпускная квалификационная работа / Научн. рук-ль И. С. Веселова. СПб, 2021.

A. A. Chepurnova

Master Student of Philological Faculty
Saint Petersburg University

RITUAL SYMBOLS IN A FUNERAL RITE AND ATTRIBUTES OF THE PATH IN A FAIRY TALE

The article examines the semantics of ritual symbols, the path in a funeral rite and the attributes of a fairy tale in episodes that implement the morphological functions *absence, departure, spatial movement, return, pursuit, rescue* (V. Propp). The material for comparison is a description of the funeral rite of the middle reaches of the river. Mezen, compiled on the basis of data from the Folklore Archive of St. Petersburg State University, collected in 2009–2019, and the texts of fairy tales from the same territories from the collection of I. V. Karnaukhova. Based on the analysis of ritual symbols and the cultural themes expressed in them (in the terminology of V. Turner), the author identifies the following themes reflected in the objective world of the funeral rite and the attributes of a fairy tale: travel, life after the “transition,” the connection between the living and the dead.

Key words: funeral rite; fairy tale; ritual symbol; cultural theme; fairy tale items.

УДК 91

Валерия Вячеславовна Четыркина
студент географического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lera.rrr16@gmail.com

ПОЗНАНИЕ МЕСТА ЧЕРЕЗ ТРАВЕЛОГ: ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Предметом исследования в статье является студенческий травелог. Рассматриваются определение травелога и его жанровые особенности, а также структура студенческого травелога. Выявлено, что травелог включает в себя «полевой дневник» как одну из форм представления информации о территории. Приводятся примеры путевых заметок студентов, показано, как меняется их представление об исследуемом месте. Уделяется особое внимание травелогам как инструменту знакомства, познания и сохранения информации о новой территории и людях.

Ключевые слова: географический образ; географическое описание; путешествие; выездная практика, особенности территории; студенческий травелог.

Введение

Студенческий травелог во время выездной практики (учебной или производственной, на младших или старших курсах обучения) представляется видом научного творчества, возникающем при знакомстве с другой территорией и ее спецификой. В связи с этим возможно применить понятие Другой в отношении другого/чужого места, которое студент-исследователь изучает и осваивает (исходя из задач практики). «Я» – это студент (субъект), «Другой» – это другая территория и другой регион со своей спецификой (объект). Они одинаково важны для повествования, влияют и определяют друг друга. Предполагается, что «Я» и «Другой» – это диалог двоих и встреча «на равных». «Другой» – это территория, обладающая не только особенностями, но и наделяемая студентом эмоциональными переживаниями. При выезде на практику (в путешествие-исследование) создается взаимодействие между «Я» и «Другим», между студентом и исследуемой территорией.

Путешествие связано с познанием территории и пространства, выявлением особенностей территории. Оно соединяет в единый образ элементы истории, статистики, чувства и мысли отдельного человека, взаимодействия с другими людьми и этносами. С момента появления первой письменности и до настоящего момента вместе с путешествиями развивается травелог – особый литературный жанр, повествующий о впечатлениях в поездке в форме путевых записок. Литературная энциклопедия терминов и понятий дает следующее определение травелога: «Литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров» [Литературная энциклопедия 2001:

840]. Травелог можно отнести к источникам географического описания разного масштаба и характера.

Когда читатель погружается в текст травелога, он знакомится с местами, постепенно переносится в своем воображении в пространство произведения. Фантазия рисует красочные образы гор и пещер, рек и озер, морей и океанов, стран и регионов, городов и деревень.

Выездные учебная или производственная практики близки путешествию, имеют конкретную цель и достижимые задачи. Практики, проводимые в полевых условиях, являются обязательным компонентом учебного процесса в вузах по естественнонаучным направлениям подготовки [Атеева, Орлова 2011: 37]. Они способствуют расширению и углублению знаний студентов, полученных ими при изучении теоретических дисциплин, формируют пространственное мировоззрение и эстетические чувства, наглядно знакомят с природными явлениями и их взаимосвязями, развивают навыки сбора фактической информации, ее анализа и обобщения [Атеева, Орлова 2011: 37].

В начале практики для студентов территория их маршрутов – это неизученный географический объект, *terra incognita*, другая, неизведанная, малознакомая земля. На подготовительном этапе практики студент собирает первичный материал об этом месте, формирует первичный образ, приближается к «Другому» на близкое расстояние. Теперь необходимо неосязаемый образ «Другого» совместить с реальным образом. Сформировать представление о территории и ее особенностях, сделать другую территорию частью своего обитаемого пространства, мысленного и реального.

Обязательной частью практики является ведение полевого дневника. Это официальная формальная работа. Студенческий травелог может нести в себе элементы полевого дневника, но лишь в форме полевых заметок. В травелоге есть факты, маршруты, хронология поездки, возможен герой-рассказчик, фигурируют иллюстрации и карты, рефлексия автора и его переживания увиденного и др. В студенческом травелоге героем становится он сам: делится своими впечатлениями, рассказывает об интересном и манящем, о том, что запомнилось и расширило его кругозор, какие навыки освоил, чему научился во время практики.

Особенности студенческого травелога

Для понимания особенностей студенческого травелога были проведены натурные наблюдения во время выездных летних практик (сезоны 2021-2022 гг., 2022 – 2023 гг.) и социологический опрос «Выездные практики студентов». Во время путешествия в первую очередь студенты обращают внимание на объекты окружающей инфраструктуры: архитектурные сооружения, парки и скверы, кафе и рестораны. На те объекты, которые являются популярными и известными, о которых говорится на туристских сайтах и в путеводителях. При более длительном пребывании и знакомстве с территорией, внимание сосредотачивается на флоре и фауне, ландшафтной специфике, этнокультурных особенностях, поведенческих аспектах местного населения.

Далее включается мыслительный процесс: неосязаемый первичный образ и реальность соединяются в единстве восприятия и интерпретации через имеющийся опыт путешествий и наблюдений в путешествии, познании «Другого».

Специфика студенческого травелога заключается в субъективности интерпретации увиденного при знакомстве с другой территорией, иной географией и людьми, эмоциональности повествования.

На основе анализа результатов опроса и литературы по исследуемой теме определена структура студенческого травелога:

1. Заголовок (название практики, населенного пункта или авторский заголовок).

2. Предыстория (чаще всего встречается. Здесь автор говорит, почему он начал путешествовать или по какой причине произошла данная поездка, цель выездной части практики и т.п.).

3. Основная часть, которая включает в себя несколько пунктов (возможно изменение структуры этой части травелога):

– перечисление мест, где побывал человек (города, населенные пункты, районы, достопримечательности, парки, скверы, торговые центры);

– как он добирался до того или иного места (способ передвижения);

– описание увиденного окружения (природного и освоенного).

4. Заключение, в котором дано:

– описание того, чему научился на практике, что освоил;

– общие впечатления и пожелания (рекомендации или призыв к действию, или фразами «круто быть географом», «круто учиться на этом факультете»).

5. Осмысление увиденного и своих действий.

Вместе с тем, рассказ студента о предстоящей и прошедшей практике – это два совершенно разных представления о территории, наполненные красочным описанием и эмоциями/впечатлениями.

Ниже даны выдержки из опроса, травелогов и путевых заметок студентов географического факультета ПГНИУ.

Студентка 4 курса о практике в УНБ «Предуралье» (июнь 2022 года): *«В начале путешествия в неизведанные места есть легкое предвкушение. По пути ты в голове рисуешь примерную картину места, о котором слышан от прошлых курсов. Но первые впечатления не сходятся с картиной в голове. Первые мысли об УНБ «Предуралье» – это деревня на берегу реки Сылва среди леса, где нет связи. Обычный сельский пейзаж...*

Но как говорится, первое впечатление обманчиво. Каждый день – это новые природные объекты и места, исследования территории, дающие более подробное представление о территории. Уже создается географический образ места, наполненными моими впечатлениями и ощущениями» [Демченко].

В начале практики «Другой» предстает «...простым сельским пейзажем...», а затем «...Предуралье – это уникальное место, расположенное в долине р. Сылвы. А по обоим берегам реки виднеются живописные скальные обнажения, представленные нижнепермскими отложениями артинского и кунгурского ярусов...» [Пермяки покажут 2021].

Еще один пример. Студентка 4 курса о практике в Сочинском национальном парке (июль 2023 года): *«Три дня пути в поезде, и вот ты уже на месте в известном городе-курорте Сочи. В первый день гуляешь по известным скверам и пляжам города. Наслаждаешься морским воздухом. И ты понимаешь, что следующие дни несут в себе тайны. За девять дней познакомилась не только с Сочинским национальным парком и его природными объектами, но с городом Сочи. За это время я побывала на Ореховском водопаде, высота которого составляет более 30 м, в парке Ривьера, в Воронцовских пещерах, в Свирском ущелье, на Агурских водопадах, в музее истории города-курорта Сочи и других. Теперь ассоциации, возникающие с Сочи, не только город-курорт и черноморское побережье, но и горы Кавказского Хребта, вечнозеленые самшитовые леса, сероводородные мацестинские минеральные источники, Сочинский национальный парк, леопарды»* [Четыркина].

В начале «Другой» является как «...город-курорт Сочи...», а через девять дней практики его описание можно соотнести с исследовательскими работами ученых-географов: *«...Сочи – это черноморское побережье, окруженное горными хребтами. Это пышная субтропическая растительность и множество рек и ручьев. Он не похож на привычный город с бесконечной чередой каменных зданий, площадей и улиц. Это город-парк, город-заповедник...»* [Анисимов, Битюков 2007: 5].

Выводы

Подводя итог, сложно несогласиться с М.В. Аксеновой. По ее словам, «происходя из путевых заметок и дневников, фиксирующих факты и дорожные происшествия, травелог постепенно развился в нечто большее – попытку ответить на многие важнейшие вопросы о себе, о мире, о своем месте в нем» [Аксенова 2018: 174]. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что студенческий травелог – это взгляд студента на изучаемую территорию через переживание и осмысление пути. В своих записях студенты фиксируют, как под властью нового места меняются сами, не забывая об описании территории, ее природы, людей, культуры.

Список источников

- Демченко Д. Д. – ж., 2002 г.р., студент-географ, г. Пермь, 2023.
Четыркина В. В. – ж., 2002 г.р., студент-географ, г. Пермь, 2023.

Список литературы

- Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2018. №3(31). С. 170–176.
Анисимов В.И., Битюков Н.А. Физическая география города-курорта Сочи: монография. Сочи: СГУТиКД, 2007. 256 с.
Атеева Ю.А., Орлова А.Г. Роль полевых практик в формировании студенческого коллектива // Психология в России и за рубежом: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, октябрь 2011). СПб: Реноме, 2011. С. 35–37.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

Пермяки покажут Адово озеро и Ледяную пещеру. [Электрон. ресурс]. URL: <https://rustur.ru/permyaki-pokazhut-adovo-ozero-i-ledyanuyu-peshheru> (Дата обращения: 20.06.2023).

V. V. Chetyrkina

Student of Geographical Faculty
Perm State University

STUDENT TRAVELOGUE AS A GEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF THE TERRITORY

The subject of research in this article is student travelogue. The definition of a travelogue and its genre features, as well as the structure of a student travelogue, are considered. It was revealed that a travelogue includes a “field diary” as one of the forms of presenting information about the territory. Examples of students' travel notes are given, showing how their understanding of the place under study changes. Particular attention is paid to travelogue as a tool for acquaintance, knowledge and preservation of information about a new territory and people.

Key words: geographical image; geographical description; travel; field practice, features of the territory; student travelogue.

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.19-31

Алексей Алексеевич Дротоиз
студент филологического факультета
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
overallswine427@yandex.ru

«СТРАШНАЯ» ДЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ В РОМАНЕ МАРИАМ ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Статья посвящена исследованию «страшной» детской мифологии, реализованной в книге М. Петросян «Дом, в котором...» посредством сказок, видений и ночных кошмаров, построенных по принципам детских страшилок, и сравнению литературного текста с фольклорными, бытующими в детской и подростковой среде. К числу основных результатов можно отнести следующее утверждение: исходя из того, что для обитателей Дома страх смерти не является центральным, страшилки в романе частично сохраняют традиционную форму, но имеют ряд отличий, которые проявляются в многофункциональности вредителей и необычных видах вредительства, связанных с особенным мироощущением, образом жизни и двойственностью мира Дома.

Ключевые слова: страшилка; «страшная» детская мифология; двоемирие; страх; смерть; подросток; изнанка.

Введение

Мариам Петросян – известная армянская писательница, ставшая необычайно популярной среди молодежи благодаря роману «Дом, в котором...», богатому на фольклорный материал. Актуальность нашего исследования заключается в том, что никто до сих пор при обращении к роману М. Петросян в качестве предмета изучения не брал «страшный» детский фольклор. Исследовались реминисценции народных и литературных сказок [Сварт 2020; Синегубова 2018], иерархия и законы Дома, восходящие к мифологической традиции [Куркина 2021]. Однако при этом мифология подростков-инвалидов не рассматривалась через призму детского восприятия, ярким проявлением которого в фольклорной традиции является жанр страшилки.

При обращении к детскому фольклору мы должны помнить о том, что детское «представление о мире не тождественно с представлением взрослых» [Виноградов 1924: 8]. Психологи неоднократно подмечали, что мышление детей имеет сходства с мышлением первобытных людей. Тем не менее, мы не можем их прямо сопоставить только по общему пониманию живого и неживого, как единого, отсутствию разделения между причиной и следствием, субъектом и объектом и другими сходствами. В отличие от древних людей, современные дети с легкостью могут получить ответы на многие вопросы, связанные с мироустрой-

ством. Зачастую ребенку требуется не столько ответ на вопрос, сколько возможность высказать свое предположение о том или ином явлении, т. е. «задавая вопрос, он мгновенно придумывает, сочиняет собственную версию его решения» [Чередникова 2002: 79]. То же самое мы можем наблюдать во время детских попыток рассуждения о смерти.

До 5-6 лет бессмертие для ребенка – аксиома, а смерть – это для малыша что-то далекое и недостижимое, касающееся только стариков. Стоит заметить, что такое позитивное рассуждение о смерти имеет под собой архаичную идею реинкарнации: «Хоронят старых людей, – это их в землю сеют, а из них маленькие вырастают, как цветы» [Чуковский 1990: 145]. По мнению малыша, смерть не может коснуться его родителей, а мысли о собственной смерти даже не приходят ему в голову, поскольку он еще не проецирует ситуацию смерти на свою жизнь, а значит, собственное бессмертие также является аксиомой.

Но когда ребенок становится старше, его аксиомы перестают быть актуальными. Миф о перерождении после смерти ставится под сомнение. При этом идея о неизбежности смерти, что рано или поздно коснется и родителей, и самого ребенка, становится для малыша острой проблемой, с которой нужно как-то жить дальше. Но ситуация сильно осложняется, если у ребенка нет родителей, которые бы могли объяснить ему, как устроен мир, что мы наблюдаем в романе М. Петросян.

Особенности изображения детей в романе

Большая часть романа посвящена не детям, но подросткам. Казалось бы, что на основании этого мы не можем рассуждать о детской мифологии в рамках романа. Но мы имеем два контраргумента против данного тезиса.

Во-первых, перед нами представлены особые подростки-инвалиды, которые живут в непривычном социуме, странной культуре и без родителей. Если подростков обычно относят к девиантам за счет отклонения от нормального, по мнению взрослых, поведения, то в случае с молодыми обитателями Дома все гораздо сложнее. Е. Омельченко, изучая подростковые субкультуры, заметил, что «к девиантному поведению принято относить отклонения со знаком минус» [Омельченко 2000: 42]. Мы же имеем дело с подростками, которые вследствие обитания в интернате для инвалидов и внешней непохожести на других детей ярче выражают свою девиантность, воспринимаемую другими в качестве сильного отклонения от нормы. Именно поэтому многие взрослые, как, например, Мастодронт, могут прямо высказаться о них крайне пренебрежительно, не воспринимая их как полноценных будущих членов общества: «*Старался сделать вас чуток поздоровее! ...не скажу, что достиг в этом больших успехов...*» [Петросян 2011: 637].

Глубокое неприятие подростков внешним миром, реализуемое в отношении большинства взрослых на протяжении всей жизни в стенах интерната, вынуждает детей быть ближе к Дому как единственному месту, которое по-настоящему их принимает. Таким образом, практически у каждого близкого Дому подростка развивается и закрепляется главный детский страх, проходящий лейтмотивом через весь роман – страх взросления и полноценного выхода из Дома в Наружность.

Вторым контраргументом является то, что обитатели интерната руководствуются другими жизненными правилами, которые близки законам древних цивилизаций. Достаточно вспомнить наличие системы иерархии среди жителей Дома и жестокие законы, типа «Закона выбора», который «обязывает любого следующего ему идиота... умереть за своего вожака» [там же: 277]. Конечно, детям младшего школьного возраста в привычной среде подобные законы чужды, но они близки людям древности, которые, в свою очередь, вполне соотносятся с мировосприятием малых детей. В отличие от современных детей, обитатели Дома не имеют «готовые ответы на вопросы, к пониманию которых человечество шло тысячелетиями» [Чередникова 2002: 78], поскольку они находятся в иной культуре, в ином пространстве, где время течет не так, как в естественной среде. Именно поэтому они, подобно древним людям, вынуждены выживать и исследовать окружающий мир, ограниченный Домом для большинства и Изнанкой для немногих.

Помимо этого, большинство семнадцатилетних подростков Дома психологически можно отнести к предподростковому возрасту от 8 до 12 лет, который по И. С. Кону «соответствует концу дикости и началу цивилизации» [Кон 1989: 28], поскольку они сами стоят на пороге перехода в Наружность, во взрослую жизнь, из дикого пространства с жестокими законами в современную цивилизацию. Важно заметить, что «чувство индивидуальности» [там же], присущее юношам подросткового периода, отсутствует у большинства обитателей Дома, несмотря на благоприятствующий к тому возраст. Однако этим чувством, вероятно, обременяются Курильщик и Чёрный, которые с трудом вписываются в те или иные группы подростков, особенно в четвертую, самую близкую к тайнам Дома. Дом их не принимает, поскольку они отказываются принять и не пытаются по-настоящему понять его законы, его мифологию, пытаясь оставаться скептиками до самого выпуска.

То есть большинство подростков в связи с особенностями среды, дискомфортной жизнью в интернате, патологическим страхом оставить Дом и обитанием в особом социуме со своими законами и мифологией, эмоционально остаются детьми. Безусловно, есть исключения: Сфинкс, Курильщик, Чёрный и другие, ушедшие из Дома, однако даже в Наружности навсегда связанные с ним тем или иным образом.

Детская «страшная» мифология обитателей Дома формируется не только из страшилок («Дети Дома любили страшилки» [Петросян 2011: 726]); но поскольку роман имеет богатую своеобразную мифологию, которая строится по принципам мифопоэтического народного сознания, то нам есть с чем работать. Для нас принципиально важно то, что большая часть мифологии Дома строится из взаимодействия с особым пространством Изнанки. «Изнанка – мистико-сакральное пространство, раскрывающее сущность попадающего в него. Там своя физика, и время течет иначе. Все строение живет в силовом поле Изнанки, она как бы диктует и закольцовывает происходящие там события» [Мескин, Гайдаш 2019: 409].

Стоит отметить, что к Изнанке относятся обряды инициации, связанные с уходом из Дома в Наружность: накануне выпуска проводят традиционную Последнюю Ночь Сказок, последствия которой могут быть трагическими для тех подростков, что не желают уходить из Дома. Ночи сказок, которые проводят 4 раза в год, главным образом посвящены Изнанке. О ней рассказывают в основном те, кто так или иначе взаимодействовал с ней и таким образом становился наиболее близким к мифологии и сущности Дома, типа Табаки, Слепого, Сфинкса, Рыжего и некоторых других. Именно они, а также другие ходоки и прыгуны будут создавать сакральную атмосферу, необходимую для рассказа страшных историй и сказок, даже несмотря на то, что их истории далеко не всегда будут похожи на те страшилки, которые представлены в детском фольклоре.

Пожалуй, самым главным страхом является страх перед Наружностью. Большинство жителей Дома пытаются любым способом отгородиться от Наружности. Показательным становится случай с окнами: подростки закрашивают их *«надписями и уродливыми рисунками»* [Петросян 2011: 292], неоднократно повторяя подобный акт вандализма после попыток заменить стекла. Д. А. Мельник отмечает, что окна – «это тот же порог, который служит для того, чтобы наружность могла проявляться в доме» [Мельник 2013: 65]. Очевидно, что подростки «боятся этих окон... они их ненавидят» [там же], поэтому они пытаются избавиться от проявления Наружности любым способом. Однако любопытно то, что они поступают так именно с окнами в коридорах, не трогая окна в классах и спальнях, поскольку те выходят во двор, освоенное пространство, ставшее частью Дома, в отличие от улицы.

Интересно то, что этот страх формируется со времени пребывания в младшей группе: *«Они перенимали у старших все, в том числе страх перед выпуском, постепенно делавшийся чем-то обязательным. Признаком взросления»* [Петросян 2011: 702]. С одной стороны, это можно понимать, как нездорово сформированные детские представления о реалиях жизни под гнетом принятых в Доме правил; но с другой стороны, мы можем интерпретировать данный признак взросления как средство, с помощью которого подросток отторгает от себя реальность и еще больше сближается с Домом, увеличивая возможность стать его частью, то есть перейти в Изнанку.

Страх перед приближающимся выходом в Наружность проявляется даже во снах. Сфинксу снятся кошмары, связанные с разрушением Дома и прежним укладом жизни, и *«похожие сны видят многие»* подростки [там же: 852]. Этот страх активнее проявляется к третьей книге, когда выпуск, ассоциируемый со смертью, становится максимально близок.

Страх перед смертью является центральным для человека и формируется он с детства. Однако в романе «Дом, в котором...» акценты расставлены иначе. Действительно, смерть в книге предстаёт перед нами непосредственно, когда убивают Помпея, внезапно исчезает Крёстная, убивают Лося, умирают подростки с прошлого выпуска и т.д.

Удивительно то, что смерть не является центральным страхом для обитателей Дома в привычном смысле. Для Сфинкса страх смерти эксплицируется в

страх перед выпуском, поскольку подросток не может забыть лужу крови старших в ночь перед выпуском и «затонувший кораблик платка» в ней [там же: 595]. Этот случай, как и формирующийся с детских лет страх перед выпуском, укрепляет равнозначность страха смерти со страхом перед выходом в Наружность, поскольку ужасающие последствия выпуска явно наблюдал не только Сфинкс.

Страшная детская мифология в романе

Мы уже говорили о проблеме изучения рецепции страшилок в романе Петросян, в котором редко представлены страшные детские истории в традиционном виде. В основном мы видим только их обрывки, не сказанные вслух мысли подростков об их страхах и кошмарные сны, которые по многим параметрам схожи с происходящими ужасами в детских страшилках.

Взять, например, сказку о «Большой Волосатой» [там же: 117], в которой подросток встречается с существом, находящимся под кроватью, типичным местом обитания монстра в страшной истории. В традиционной страшилке подобный монстр является вредителем, но в романе Большая Волосатая становится дарителем, при этом даже не выполняя основных функций данного действующего лица по В. Я. Проппу: она не подвергает подростка испытаниям, не просит о пощаде, не просит оказать услугу [Пропп 2001: 39-41], но она отказывается предсказывать судьбу подростка и дарит «в утешение свой клык» [Петросян 2011: 117]. Более похожей на страшилку является сказка, а, точнее, фрагмент сказки о черном цилиндре: «Его не видно при солнечном свете, и тем более не видно в темноте. Его можно только нащупать случайно. А по ночам оно тихо гудит, воруя время...» [там же].

С одной стороны, зная мотив «черного-черного» цвета в страшных историях, мы угадываем использование страшного детского фольклора в данном случае. Но, с другой стороны, мы также знаем, что страшилки заканчиваются либо гибелью ребенка, либо его победой над вредителем, тогда как в этой сказке-страшилке кульминационный пугающий момент заключается в воровстве времени. Если у обычного ребенка подобное вредительство, вероятно, не вызывает страха, то для подростка, помнящего о приближающемся выпуске и скором взрослении, потеря времени пребывания в Доме становится проявлением центрального страха перед неизбежным выходом в Наружность. Мы можем предположить, что эту сказку рассказывает Табаки, поскольку он ненавидит время и любые упоминания о нём. Данные сказки-страшилки показывают, что, несмотря на непохожесть литературного текста на фольклорный, подростки-рассказчики, как и дети-рассказчики, занимаются «коллективным поиском ответа на вопросы, разрешить которые индивидуальное сознание ребенка уже не в состоянии» [Чередникова 2002: 80].

Если рассматривать сказки Самой Длинной Ночи, то складывается впечатление, что перед нами вовсе не сказки и не страшилки, а небольшие сюжеты жанра магического реализма. Тем не менее в них также угадываются элементы страшной детской мифологии. К примеру, в сказке Лорда активно используется черный цвет в качестве эпитетов, семантика которого заключается в «сигнале опасности» [Чередникова 2002: 147]. Это и Чернолес, и чёрная машина, которую

Лорд отмывает от крови, а также находит там чей-то отрезанный палец, что является довольно распространённым элементом в страшилках, и также появляется Лес, где вокруг черным-черно. Эти элементы используются для обманного ожидания, как в антистрашилке, поскольку в конце сказки Лорд, отдавшись «чувству единения» с Лесом [Петросян 2011: 897], встречает вместо неизвестного противника Слепого, своего друга.

Если говорить о сказке Рыжей, то в ней также представлен Чернолес, представлены некие Серолицы, которые сперва отлупили Рыжую (что вполне может коррелировать с детскими страхами), а затем заточили ее в особняке и лишили способности «Прыгать» (перемещаться из реальности в Изнанку и наоборот). Поскольку Рыжая упоминает в сказке страшные истории о невозвращенцах, которые были лишены возможности возвращаться с Изнанки, мы можем предположить, что Серолицы также являются вредителями, которые убивают детей-подростков, лишая их возможности покинуть обратную сторону Дома. Если в детских страшных историях смерть для ребёнка или его родителей наступает мгновенно, то в страшных историях, о которых говорит Рыжая, процесс убийства намного страшнее, поскольку смерть наступает постепенно. В этом заключается одно из главных различий.

Выводы

Мы выявили основные особенности страшилок Дома. Прежде всего, Петросян включает в литературный текст традиционные формы, которые не являются сказкой или страшилкой в привычном понимании. Сказки-страшиллки в романе не всегда работают по алгоритмам детских страшных историй. Вредитель не всегда опасен для ребенка и не всегда выполняет функцию вредителя и даже дарителя, на которого он больше похож («Большая Волосатая»). Страх смерти не превалирует в сказках-страшилках Дома, в отличие от центрального страха перед выходом в Наружность и вытекающими из него страхами («Черный цилиндр»). Сказки Самой Длинной Ночи могут обманывать ожидание, подобно антистрашилкам («Сказка Лорда»), они отражают страхи, которые связаны с реальной пропажей и смертью некоторых подростков и, за редким исключением, взрослых, то есть говорят о тех страшных вещах, которые действительно произошли, за пределами детских представлений и детского творчества (Сказка Рыжей, Сказка Стервятника, Сказка Рыжего).

В качестве перспективы исследования нам видится сравнение страшилок детей со страшилками-сказками обитателей Дома, чтобы выявить новые особенности, а также найти новые аргументы для утверждения наших гипотез и тезисов.

Список литературы

Виноградов Г. С. Детский народный календарь // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск, 1924. Переизд.: Виноградов, 1998. 36 с.

Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 254 с.

Куркина В. В. Быт и бытие в «Доме, в котором...» М. Петросян // Современная русская литература для детей и о детях / отв. ред. И.С. Юхнова. Нижний Новгород: Мир печати, 2021. С. 58–67.

Мельник Д. А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором...» Мариам Петросян: смысловые уровни // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. № 3. С. 63–67.

Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 404–413.

Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. 261 с.

Петросян М. С. Дом, в котором... М.: Livebook, 2011. 960 с.

Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Сварт Д. С. Мотив сказки в романе М. Петросян («Дом, в котором...») История и современность // Национальный стиль русской литературной классики / ред. С. А. Васильев. М.: Изд-во МГПУ, 2020. С. 93–99.

Синегубова К. В. Сказки Г.Х. Андерсона в романе М. Петросяна «Дом, в котором...» // Новый филологический вестник. 2018. № 3. С. 198–204.

Чередникова М. П. Голос детства из дальней дали... М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2: От двух до пяти; Литература и школа: Статья; Серебряный герб: Повесть; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. – 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 640 с.

A. A. Drotoiz

Student of Philological Faculty
Moscow State University

FRIGHTENING CHILDREN'S MYTHOLOGY IN "THE GRAY HOUSE" BY MARIAM PETROSYAN

The article explores the studies of frightening children's mythology implemented in "The Gray House" by M. Petrosyan. The research will cover the examination of fairy tales, visions and nightmares described in the novel as scary stories for children and the comparison between folklore elements in literary text and traditional folklore. The fear of the death, that conventionally lies behind the motive of telling scary stories, is not main for the characters. Consequently, the major differences between horror aspects in the book and in folklore are portrayed through uncommonness and complexity of embodiment of fear and also bi-worldness.

Key words: scary story; scary child mythology; bi-worldness; fear; death; teenager; the other side.

Анна Алексеевна Ильина
магистрант филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
anna.alexeevna.99@mail.ru

ОППОЗИЦИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»

Статья изучает проявление бинарной оппозиции *свой – чужой* в произведении «Дом с мезонином». Проводится анализ лексических единиц, содержащих оценку и эмоцию, а также механизмы дистанцирования. Персонажи классифицируются по категориям *свой* или *чужой* в соответствии с результатами анализа; заключается вывод о роли метода *свой – чужой* в определении авторской позиции.

Ключевые слова: бинарная оппозиция; *свой – чужой*; А. П. Чехов; рассказ; речевая характеристика.

Введение

Произведения А. П. Чехова пронизаны тонким психологизмом, анализ которого порой представляется сложной задачей. Персонажи, которых создаёт писатель, зачастую с трудом подвержены делению на «хороших» и «плохих», к каждому он относится с должным вниманием, без осуждения, но и без прикрас рассказывая истории жизни. Зачастую это приводит к тому, что в произведении нет явных конфликтов, за что Чехова часто критиковали. Т. В. Коренькова комментирует такую критику следующим образом: «Внимание читателя автор привлекает не к событийной канве, не к перипетии (в аристотелевском значении – “перемене хода событий к противоположному”), а именно к непрерывному потоку жизни. Следует говорить не просто о системе (древе, сети) конфликтов, а о динамической поликонфликтности – целом каскаде конфликтов» [Коренькова 2011: 256]. «Дом с мезонином» не стал исключением, поэтому была предпринята попытка применить бинарную оппозицию для выявления характера взаимосвязей рассказчика с остальными персонажами, установления конфликта и нахождения авторской позиции.

Изучением данного метода занимается философия, лингвистика, информационные науки, психология, так как бинарные оппозиции «являются одной из основ человеческого мышления и одновременно отражением дуалистического подхода к восприятию и изучению мира» [Казакова 2013: 67]. Метод бинарной оппозиции позволяет изучать определённые явления, путём изучения двух противоположных элементов этого понятия, которые позволяют проанализировать явление в целом. Н. С. Трубецкой первым ввёл понятие бинарной оппозиции как «универсальное средство рационального описания мира, где, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает» [Трубецкой 2000: 72].

Несмотря на то, что этот метод в основном используется для анализа культур и содержит в себе разбиение мира человека на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их») [Лотман 2000: 175–176], в литературных произведениях он стал применяться все чаще, так как художественный мир произведения тоже имеет разные категории и типы пространства.

Оппозиция *свой* – *чужой*

В рассказе Чехова бинарная оппозиция *свой* – *чужой* проявляется в диалогах между персонажами, а также при описании двух поместий – Шелковки и дома Белокурова. Позиция *свой* проявляется при описании первой усадьбы: «На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве» [Чехов 1977: 175]¹.

Несмотря на то, что рассказчик в первый раз видит усадьбу, старую и заброшенную, как дом, в котором живет рассказчик, она представляется родной для него и вызывает ностальгию. Детальное описание окружения и чувств автора также дает представление о том, что именно является *своим* для рассказчика: «Мне было как-то по себе в этом небольшом уютном доме» [177]. Есть прямое противопоставление с домом Белокурова, указывающее на симпатию рассказчика к Шелковке и чувство уюта, которое он испытывает в этом имении.

Похожим образом при первой встрече описываются жительницы Шелковки: «И эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон» [175]. Позиция *свой* раскрывается через ощущения знакомства и близости. При этом примечательно, что и девушек, и усадьбу рассказчик видит впервые.

Дом Белокурова, наоборот, вызывает негативные эмоции у рассказчика, дом кажется жутким: «Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией» [174]. Здесь он чувствует пустоту, дискомфорт, праздность и иногда страх, которые чужды его натуре. Он называет свое состояние «обреченностью», что является негативной оценкой ситуации, в которой рассказчик не может принимать активные действия.

Изначально обе девушки представляли позицию *свой*, будучи частью Шелковки, однако далее их образы начинают отличаться и противопоставляться друг другу. Лида весьма четко отражает позицию *чужой* при помощи слов, обозначающих эмоции и выражающих отношение: «сухо», «не интересно», «не симпатичен», «она не любила меня», «равнодушен», «презирала во мне чужого», «нерасположения», «закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать», «спорить», «ничтожными», «мы никогда не споемся», «так презрительно». В одном фрагменте трижды повторяются однокоренные слова «презрение», а в другом – «раздражение».

Лида говорит о рассказчике в третьем лице, несмотря на то, что он стоит рядом и не обращается напрямую. Она использует французский, когда называет его, при этом его фамилия и таланты ей известны. Такое поведение говорит об отчужденности и холодности, что, впрочем, свойственно ее характеру. Кроме того, в тексте прямо раскрывается характер отношений между рассказчиком и

Лидой, сильное противоречие между ними и принадлежность к разным мирам, наиболее ярко репрезентирующую оппозицию *свой – чужой*.

В противоположность ей, младшая сестра Женя характеризуется словами, выражающими расположение и симпатию: «с восхищением», «как будто она знала или предчувствовала», «чтобы видеть мое лицо», «без нее мне как будто скучно и что вся эта милая семья близка мне», «любил». Мисюсь характеризуется как ребенок: слабая, тонкая, праздная, бездеятельная. Говоря о Мисюсь, рассказчик использует уменьшительно-ласкательные суффиксы – «пальчиком», «ножки», «в рубашечке», называет ласково по имени и по прозвищу. По сравнению с сильной Лидой, Мисюсь и рассказчик – праздные, а потому и слабые. Это то, что их объединяет и роднит. Интересно использование местоимения «мы»: рассказчик часто использует его, когда описывает время, проведенное с Женей, еще больше объединяясь с ней; Лида же повторяет «мы», говоря об образованных и деятельных людях, занимающихся правым делом: «мы делаем то, что можем, и мы — правы» [184]. Эта группа людей входит в категорию «чужой» и противопоставляется рассказчику. В этом отношении наблюдается четкое противопоставление двух типов молодежи – деятельной (Лиды) и праздной (Петр Петрович), причем Лида не стесняется подчеркивать эту разницу и даже стыдить своего собеседника: «— Не хорошо, Петр Петрович, — говорила она укоризненно. — Не хорошо. Стыдно. <...> Надо бороться. Молодежь должна составить из себя сильную партию, но вы видите, какая у нас молодежь. Стыдно, Петр Петрович!» [176].

Можно предположить, что раз Петр Петрович является противоположностью Лиды в плане деятельности, а персонаж Лиды отражает позицию *чужой*, следовательно, по отношению к рассказчику Петр Петрович будет являться *своим*. Даже текст располагает к заключению такого вывода: Белокуров и главный герой давно знают друг друга, точнее – со студенчества, рассказчик добавляет притяжательное местоимение «мой» к имени своего друга и даже раздражение, испытываемое автором из-за манеры общения Белокурова, которое можно интерпретировать как постоянно повторяющееся действие, уже привычное для главного героя, а потому *своё*. И все же рассказчик противопоставляет себя Петру Петровичу: притяжательное местоимение «мой» используется здесь с иронией, противопоставляя Белокурова Лиде; «друг» является, в основном, объектом для насмешек и оскорблений со стороны рассказчика, который таким образом отделяет Петра Петровича от себя, устанавливает разницу и контраст между тяжелым, деловитым малым, всегда пропускающим сроки и собой. В данном случае применен необычный прием, ведь в итоге все претензии к Белокурову косвенно проявляются и в самом рассказчике, хоть он и ставит себя выше. Даже его вопрос к помещику будто адресован в первую очередь самому рассказчику: «— Скажите, отчего вы живете так скучно, так не колоритно? — спросил я у Белокурова, идя с ним домой» [182]. Белокуров *чужой* с точки зрения рассказчика, но именно из-за того, что художник сам не осознает схожести со своим другом, в отличие от читателя, мы видим его заблуждение и можем сделать вывод о взаимоотношениях героя с остальными персонажами тем самым частично обозначить авторскую позицию.

Между персонажами выстраивается оппозиция *свой – чужой* главным образом, по принципу *слабый – сильный* или, более конкретно, *праздный – деятельный*. К *чужому* относится Лида – красивая, серьезная и деятельная девушка, постоянно занимающаяся заботами своего уезда. К *своему* относится вся остальная часть семейства Волчаниновых и рассказчик, что подтверждается и в самом тексте – *Н* рассказывает о своей праздности, и о том, что он готов «*ходить так без дела и без цели весь день, все лето*» [179]. Таким же образом он описывает и Женю, и ее мать, указывая на то, что они во всем схожи друг с другом, и «*вся эта милая семья*» [182] кажется близкой ему. Что касается Белокурова, текст постоянно ставит его в оппозицию к автору, противопоставляя его по характеру, описанию, однако, по своей сути оба они – праздные, что рассказчик пытается отрицать, отгораживаясь от Белокурова, а потому и ставя его в позицию *чужого*.

Примечания

1. Далее ссылки на издание *Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в XXX т. Сочинения в XVIII т. Т. 9. М.: Наука, 1977. 543 с.* даются с указанием страниц в квадратных скобках.

Список литературы

Казакова Е. В. Реализация бинарной оппозиции «свой / чужой» на материале современной анималистической литературы Франции // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2013. №4 (2). С. 67-72

Коренькова Т. В. К вопросу о типологии чеховских конфликтов // Художественный конфликт в русской и зарубежной литературе. М.: РУДН, 2011. С. 252-266, 346-354.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в XXX т. Сочинения в XVIII т. Т. 9. М.: Наука, 1977. 543 с.

A. A. Ilina

Master Student of Philological Faculty
Saint-Petersburg State University

THE BINARY OPPOSITION *OUR – OTHER* IN A SHORT STORY “THE HOUSE WITH THE MEZZANINE” BY A. P. CHEKHOV

The paper examines how the binary opposition *our – other* is expressed in a literary work “The House with The Mezzanine”. The lexemes containing the component of evaluation and emotion and the ways of distancing are under analysis. The characters are classified into categories *our* or *other* according to the results of the analysis conducted. The conclusion establishes the role of the method *our – other* in the recognition of the author’s position.

Key words: binary opposition; *our – other*; A. P. Chekhov; short story; speech features.

УДК 821.161.1

Евгения Владимировна Катаева
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kataeva_zhenya@mail.ru

ОБРАЗ ГЕРОЯ-ЭМИГРАНТА В ЦИКЛЕ «РАССКАЗЫ НЕ О ЛЮБВИ» Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ

Статья посвящена анализу образа героя-эмигранта в цикле Н. Н. Берберовой «Рассказы не о любви». Предложена классификация героев сборника: «герои-одиночки» и «герои, связанные отношениями с семьей или обществом»; проведен анализ каждой группы героев, описаны критерии классификации. В качестве характерных черт героев обеих групп выделяются саморефлексия, интроспекция, эмоциональность, психологизм, литературоцентричность мышления.

Ключевые слова: литература русской эмиграции; малая проза Н. Н. Берберовой; образ; герой; мотив; литературоцентричность.

Введение

Сборник «Рассказы не о любви» Н. Н. Берберовой состоит из 19 произведений, написанных с 1931 г. по 1940 г. В книге «Курсив мой» писательница отмечает значительное отличие этого цикла от предыдущего («Биянкурские праздники»): «менее социологически интересный, но, несомненно, художественно более зрелый, приведший меня к моим поздним рассказам <...> где герои не люди, которых я наблюдаю внимательно и осторожно, но деклассированные интеллигенты, среди которых я жила и с которыми идентифицировалась» [Берберова 2011:12].

Главным героем в сборнике «Рассказы не о любви» является герой-эмигрант (как и в цикле «Биянкурские праздники»). Герои цикла склонны к самоанализу, рефлексии. Для автора становится важным исследование внутреннего мира эмигранта, переживающего «отсутствие страны, языка, традиций» [Берберова 2016: 395].

В сборнике «Рассказы не о любви» более 80 персонажей. Для более подробной характеристики образа героя мы разделили их на две группы: «герои-одиночки» и «герои, связанные отношениями с семьей или обществом».

Образы героев-одиночек в цикле Н. Н. Берберовой «Рассказы не о любви»

К группе «Герои-одиночки» мы относим следующих: герой «Поэмы в прозе», Гита («Перчатки»), Александр Львович («Твердый знак»), Тимофеев («Рассказ не о любви»), Леля («Сообщники»), Дикер («Сказка о трех братьях»), Гастон Гастонович («Петербургский сувенир»), Осип Иванович («Его супруга»), герой рассказа «Вечный берег», Камынин («Архив Камыниной»), Лена Ланская («Страшный суд»), Сергей Андреевич («Сумасшедший чиновник»).

Герои этой группы одиноки по разным причинам. Например, Гита, героиня рассказа «Перчатки» сама покидает бабушку и сестру. Показательно, что день ухода назван «безумным» и «страшным». С этого дня ее жизнь разделилась на две половины: «человеческая, трудная, но стойкая» [Берберова 2010: 116]¹ жизнь до отъезда и «бесчеловечный и жестокий кинематограф, который тоже назывался жизнью» [117] – после. В жизни после отъезда из дома нет основательности и устойчивости, а есть только «дьявольская быстрота каких-то полетов» [117]. В воспоминаниях героини этот период жизни связан с движением: «они мчались с безотчетной скоростью», «ветер быстр», «на лыжах летит Гита со снежной высоты», «парусник несетя по озеру», «она, оглушенная шумом пропеллера, высовывается из окна аэроплана», «тупики ослабевшей памяти приводили Гиту к бегу, к скольжению, к лету» [111–117]. Героиня попадает в автомобильную катастрофу, оказывается сбитой с ног, выброшенной из блестящей и богатой, «летучей, ветреной» жизни.

Жизнь Гиты четко делится на три периода: жизнь с бабушкой и сестрой; роскошная жизнь до аварии и бедная, грязная жизнь после. Гита лишается своей красоты, дорогих подарков, «сытых и пьяных завтраков в ресторане». Теперь она вынуждена привыкать к своей обезображенной внешности, терпеть боль в поврежденной ноге, жить в нетопленном доме с нелюбимым человеком. Гита испытывает душераздирающее одиночество. Она одна целыми днями. У нее нет подруг, а ее сожитель, Руффи, вызывает у героини только чувство стыда и страха.

Герой рассказа «Твердый знак» самостоятельно «отрезает» себя от прошлого. Александр Львович решает жить в свое удовольствие и не замечать несчастий: «Довольно было несчастий: два состояния потерял, жена бросила, дочь ушла, сын застрелился после карточного проигрыша. Пора радоваться» [123]. Главное для него сейчас – изгнать из жизни неприятности, воспоминания, уродство, «как заразы бояться огорчения». Но поверхностное благополучие героя не совпадает с внутренним состоянием. Оставляя несчастья в прошлом, он разрывает отношения с дочерью. В настоящей жизни Александр Львович живет в одиночестве, борется за внимание женщин, но вызывает у них только смех. Жизнь героя становится со временем все безобразнее, однако сам Александр Львович этого не замечает: «Как изящна жизнь, – думал он, – и как изящно живу я сам» [125]. Героя не принимает общество, которому он так стремится понравиться. Неслучайно сравнение с твердым знаком из старой орфографии. В начале рассказа Александр Львович с гордостью говорит о русской эмиграции: «Мы донесли до нее [Эйфелевой башни – прим. Е. К.], что у нас было: наш твердый знак!» [122]. В финале молодое общество предлагает «упразднить» эту заслугу, отказываясь от представителя старшего поколения: «Вы уже и сейчас не нужны никому, как твердый знак, да, да, напрасно вы так бережно везли его за собой вокруг земного шара!» [127].

Дикер, средний брат из «Сказки о трех братьях», также ощущает себя одиноким. У него нет своей семьи, связь с братьями разорвана: «Он был один, время шло, жизнь шла и уходила» [149]. Свою жизнь средний из трех братьев Дикеров прожил ровно, ничем не выделяясь. Старший Дикер обзавелся семьей, у млад-

шего Дикера есть любимая женщина, и только средний брат живет один. Старший брат – художник, младший – музыкант, чем занимается средний брат – читатель может только догадываться. В. И. Вышинская отмечает, что «номинация «средний» – не столько возрастная, сколько личностная идентификация героя» [Вышинская 2016: 46]. В жизни Дикера все было средним, не лучшим и не худшим: *«Здоровья он был прочного, возраста не старого, деньги у него на руках водились немалые»* [151]. Но у героя нет ни желаний, ни сожалений, ни целей, он так и не смог найти себя в жизни.

Риторические вопросы усиливают мотив одиночества и безысходности: *«Он решил уехать. Куда? Он и сам не знал»* [149], *«Надо было собираться, но куда и зачем?»* [152], *«И Дикер уехал. Куда? Не все ли равно?»* [155].

Чувство одиночества героя усиливается в финале рассказа. Семья Грачевых, купившая его дом, пробуждает в Дикере воспоминания, чувства и желания. Дикеру вдруг не хочется покидать дом, который раньше он считал *«давно надоевшим обиталищем»* [152] и жил в нем *«как будто бы снимал номер в гостинице»* [153].

Образы героев, связанных отношениями с семьей или обществом, в цикле Н. Н. Берберовой «Рассказы не о любви»

К группе «Герои, связанные отношениями с семьей или обществом» мы причисляем следующих: Наталья Петровна и ее семья («Те же, без Константина Ивановича»), Лиза («Перчатки»), Марья Петровна («Рассказ не о любви»), Лев Иванович («Сообщники»), актерская труппа («Актеры»), семья из рассказа «Аукцион», компания парижских друзей из рассказа «Его супруга».

Связь этих героев с какой-либо социальной группой (семьей, компанией друзей, труппой) очень тесна. И именно эта общность и единство делают героев сильнее, позволяет гармонично построить жизнь в новой реальности. Такой тип героев можно охарактеризовать словами из рассказа «Сказка о трех братьях»: *«есть еще на свете такая могучая, радостная, пчелиная или муравьиная в людях сила»* [154].

В некоторых рассказах общность героев подчеркивается на уровне лексики самоопределения. Например в рассказе «Аукцион» вместо перечисления имен героев употребляется собирательное числительное «пятеро», часто повторяются местоимения «мы», «наш», «все»: *«мы пятеро лучше всех изображали...», «мы предвкушали», «мы обомлели», «все пошли», «наш дом», «наши деревья, наши крепкие тополя, перешли к нам...», «все вместе мы пошли», «все вместе принялись искать»* [185 – 189].

В рассказе «Те же, без Константина Ивановича» совместные действия также выражаются посредством лексических повторов местоимений и употребления собирательного числительного (*«мы все всемером ходим в гости, в лавки, в кино», «все тут сидят и все делают сообща», «мы сегодня пойдём», «отправились смотреть Константина Ивановича всемером, непременно всемером, как ходили всегда», «всемером, теряя и лоя друг друга, пошли к выходу»*) [92–96].

Стоит отметить, что повествование в этих рассказах «Те же, без Константина Ивановича», «Его супруга», «Аукцион» ведется от первого лица. Вместо образа героя-рассказчика выступает коллективное «мы».

Некоторые из героев отнесены нами к группе «Герои, связанные отношениями с семьей или обществом», так как постоянно находятся в неразрывной связи со своей семьей. Так, героиня рассказа «Перчатки», Лиза, по приезде в Париж сразу же пишет подробное письмо бабушке. А герой рассказа «Сообщники» хранит общую тайну с приемным сыном.

Литературоцентричность героев как элемент поэтики цикла «Рассказы не о любви»

Объединяет героев обеих предложенных нами групп литературоцентричность мышления (подобную черту можно выделить также и в последующем цикле рассказов – «Рассказы в изгнании»).

Так, например, герои рассказа «Его супруга» одним из развлечений выбирают литературную игру, которая *«состояла в том, чтобы найти литературного героя с тем же именем и отчеством, за что ставились баллы»* [166]. Код русской классики становится языком переживания героев, которые ищут в книгах своих тезок. Сопоставление с судьбой литературных персонажей помогает им понять и объяснить коллизии собственной жизни.

Образ главного героя – Осипа Ивановича – отсылает нас к чеховскому Осипу Степановичу Дымову. Хотя подобная параллель и не совсем соответствует условиям игры, описанной в рассказе, она подтверждается сходством сюжетов произведений. Жена Осипа Ивановича, «его супруга», так же, как и Ольга Ивановна, «попрыгунья», не понимает и не принимает своего мужа. По достоинству ценят его только парижские друзья, к которым он приезжал на новогодние праздники. В то время как его жена считает, что он приезжал к ним *«каждую Пасху»* [169]. Неуместен герой и в обществе жены: *«Осип Иванович живописи не любил и не понимал, он любил только копии и в музыке – духовой оркестр. В Европе его цельную натуру не все как будто ценили»* [169].

В рассказе «Сообщники» также можно проследить параллель с рассказом «Попрыгунья» А. П. Чехова. Главный герой заботится о неродном сыне больше, чем мать. Для Лели важнее вечерний прием гостей, чем болезнь ребенка (*«этот вечер никак нельзя было отменить, несмотря на то, что третьего дня заболел Андрюша»*) [142]. Сходство мы обнаруживаем и в измене главных героинь. Образ Лели схож с образом Ольги Ивановны: *«резкий, искусственный смех», «смеялась неестественно и возбужденно, и казалось, что платье с глубоким вырезом сейчас соскользнет с плеча, с груди», «блестя глазами, отводя свое колено от колена мосье Робера, встала»* [142–147].

Герои цикла «Рассказы не о любви» часто цитируют произведения русских классиков. *«Не поймет и не оценит», как сказал Майков»,* – произносит герой рассказа «Аукцион» [188]. Героиня рассказа «Вместо некролога» иронично цитирует В. Брюсова, видя ступни Корта: *«О, закрой свои бледные ноги!»* [190]. Русский репортер эмигрантской газеты в рассказе «Страшный суд» пишет стихотворение-подражание футуристам, схожее только по форме. А героиня-рассказчица перефразирует тургеневскую строку в соответствии с реалиями времени, в котором нет места поэзии: *«...Где-то, когда-то, давно-давно я прочла*

одно постановление...» [225]. Героиня рассказа «Вечный берег» также упоминает Тургенева: «Она сказала матери, что поедет в Буживаль. Почему Буживаль? Первое, что пришло в голову, потому что в тот день она что-то читала про Тургенева» [178].

Интересно, что черты русских классических произведений герои отмечают в своем парижском быте самостоятельно. Это характеризует культурный уровень героев-эмигрантов. Например, герой рассказа «Архив Камыниной», оказавшись в приемной дантиста, вспоминает рассказ А. П. Чехова («что-то отдаленно напоминающее «Хирургию» Чехова) [213]. А герои рассказа «Аукцион» ужинают «под журчание ланнеровского вальса» [187], а после устраивают импровизированные торги «под ланнеровские вальсы, звучавшие в тот вечер как-то особенно прекрасно, как звучали они еще в “Дворянском гнезде”» [189].

В рассказе «Сумасшедший чиновник» главный герой, безответно влюбленный в замужнюю женщину, в течение 22 лет сопровождает ее и мужа в поездках по Европе в качестве верного друга семьи. «Ведь это и в литературе бывало» [231], – отмечает герой, как бы давая оценку своей любовной истории и подчеркивая ее схожесть с историей Павла Петровича Кирсанова и графини Р. Кроме того, герой находит параллель с рассказом А. П. Чехова и сам о ней говорит: «Он видел солнце, и море, и ее в белом платье с кружевным, круто выгнутым зонтиком. Она шла горделивой походкой мимо встречных мужчин, лорнетка играла у нее в руках, совсем как полагается, и даже белый шпиль был тот же самый, чеховский. Он встретил ее, будто соскользнувшую с грустной страницы рассказа» [232]. Подобное сравнение своей жизни с литературными произведениями – один из способов саморефлексии героя Н. Н. Берберовой. По словам М. А. Хатямовой, «ценностность чеховского сюжета служит герою опорой в безопорном существовании: сохраняет незыблемость традиции, неуничтожимость России и прошлого» [Хатямова 2012: 110].

Выводы

Одной из циклообразующих черт сборника «Рассказы не о любви» является образ героя-эмигранта, для которого характерны саморефлексия, интроспекция, эмоциональность, психологизм, литературоцентричность мышления.

Герои «Рассказов не о любви» представляют две группы: «Герои-одиночки» и «Герои, связанные отношениями с семьей или обществом». Симпатии автора на стороне второго типа героев. Изображая их, Н. Н. Берберова подчеркивает, что именно коллективный способ существования, с соблюдением внутрисемейных ритуалов, взаимопомощь позволяет героям сохранить на чужбине не только свой быт, но и свое бытие.

Примечания

1. Далее ссылки на издание Берберова Н. Н. *Повелительница*. М.: АСТ: Астрель, 2010. 315 с. даются с указанием страниц в квадратных скобках

Список литературы

Берберова Н. Н. Биянкурские праздники. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.

Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 687 с.

Берберова Н. Н. Повелительница. М.: АСТ: Астрель, 2010. 315 с.

Вышинская Е. И. Рассказ-имитация Н.Н. Берберовой “Сказка о трех братьях” // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 2016. №4 (59). С. 44–48.

Хатямова М. А. Организация повествования в рассказах Н. Н. Берберовой (от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви») // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3. С. 100–110.

E. V. Kataeva

Postgraduate Student of Philological Faculty

Perm State University

THE IMAGE OF AN EMIGRANT HERO IN THE CYCLE “STORIES NOT ABOUT LOVE” N.N. BERBEROVA

The article is devoted to the analysis of the image of the emigrant hero in the cycle of N.N. Berberova “Stories not about love”. A classification of the collection’s heroes is proposed: “single heroes” and “heroes connected by relationships with family or society”, an analysis of each group of heroes is carried out, and classification criteria are described. The characteristic features of the heroes of both groups are self-reflection, introspection, emotionality, psychologism, and literary-centric thinking.

Key words: literature of Russian emigration; short prose N.N. Berberova; image; hero; motive; literary-centricity.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В КИТАЕ В XX В.

В настоящей работе проводится комплексное исследование истории перевода романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык в XX в. В XX в. роман Достоевского «Преступление и наказание» стал известен и популярен в Китае. Самый ранний перевод романа был сделан переводчиком Вэй Цунву, который в 1930-1931 гг. перевел роман с английского языка на китайский. К настоящему времени «Преступление и наказание» издано в Китае не менее чем в тридцати переводах. Научная новизна нашего исследования определяется тем, что оно является первым опытом комплексного описания и изучения истории перевода романа «Преступление и наказание» в Китае XX в. В ходе работы над темой мы, в частности, впервые составили библиографию переводов романа на китайский язык в XX в. и анализировались особенности известных переводов романа в Китае. В результате исследования установлено, что художественные переводы во многом зависят от общественно-исторического контекста и целей переводчика.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступления и наказания», Китай, перевод, XX век.

Введение

Особое значение в китайской культурной рецепции творческого наследия Ф. М. Достоевского принадлежит роману «Преступление и наказание». Роман создавался под влиянием определенных социально-экономических, культурных, исторических событий, а также обстоятельств личной жизни писателя, оказавших влияние на его мировоззрение.

Роман «Преступление и наказание» Достоевского стал известен и популярен в Китае в XX в. Многие китайские писатели и литературные критики проявили интерес к этому произведению и были сделаны его переводы на китайский язык. Самый ранний перевод «Преступления и наказания» с английского на китайский язык был сделан в 1930-1931 гг. Вэй Цунву.

К основным переводам романа в XX веке относятся:

- Вэй Цунву, книжный магазин «Вэньгуан», 1930 г.
- Ван Бинкуня, издательство «Цимин», 1931 г.
- Юэ Линя, Шанхайское издательство переводов, 1979 г.
- Вэй Цунву, Чжэцзянское народное издательство, 1980 г.
- Чжу Хайгуаня и Ван Вэня, Издательство народной литературы, 1982 г.
- Чэнь Мэйцзюаня, Издательство Каймин, 1992 г.
- Фэй Циня, издательство «Линьхуа», 1993 г.

- Цзан Чжунлуня, Хунаньское издательство литературы и искусства, 1995 г.
- Чжан Хуньюаня, Пекинское издательство, 1996 г.
- Тан Юйцяна и Чэнь Хуаньпина, издательство «Город цветов», 1996 г.
- Чжан Тефу, Южное издательство, 1997 г.
- Ши Госюна, Литературное издательство «Пекинский Октябрь», 1998 г.
- Жу Луна, Аньхойское издательство литературы и искусства, 1999 г.
- Чжи Гана, Харбинское издательство, 1999 г.
- Цао Говэя, Пекинское издательство «Яншань», 2000 г.

Проанализируем особенности основных переводов «Преступления и наказания» и прежде всего скажем, что в условиях современного уровня развития лингвистики, особенно переводоведения, а также динамики межкультурной коммуникации и восприятия перевода как коммуникативного процесса, культурные аспекты перевода приобретают особое значение. Язык отражает не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное сознание, менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей и мировоззрение. Будучи важным средством общения, язык романа в значительной мере отражает культуру и обычаи народа, к которому принадлежит писатель. По причине разнообразия культур переводчики художественной литературы сталкиваются с проблемой преодоления культурных и этнических барьеров между носителями исходного языка и языка перевода. Поэтому при переводе художественных текстов наряду с проблемой передачи реалий немалые затруднения вызывает и проблема передачи национального и культурного своеобразия.

Сравнительный анализ некоторых переводов романа

Перевод Юэ Линя (1979) считается первым, а также наиболее полным и достоверным. Перевод сохраняет оригинальный сюжет и основные идеи романа, прецизируя детали и перенося его интонацию и настроение на китайский язык. Однако в некоторых случаях переводчику пришлось сделать незначительные упрощения и сокращения, чтобы адаптировать текст к восприятию китайских читателей.

Перевод Чжу Хайгуаня и Ван Вэня (1982) делает акцент на передачу идеологических и философских аспектов романа. Переводчики стремились сохранить дух и философию русской литературы, передавая сложность мысли и рассуждений героев. Они старались быть ближе к оригинальному тексту и делать меньше сокращений и адаптивных изменений.

Перевод Цао Говэя (2000) отличается ярко выраженным художественным стилем. Переводчик старался передать не только идейное содержание оригинала, но и его эмоциональную и образную сущность. Этот перевод отличается экспрессивностью и художественностью.

Рассмотрим ряд фрагментов текста романа для сравнительного исследования.

Фрагмент 1

«– Так ты очень молишься Богу-то, Соня? – спросил он её.»

Соня молчала, он стоял подле неё и ждал ответа.

– Что ж бы я без Бога-то была? – быстро, энергически прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку.

«Ну, так и есть!» – подумал он.

– А тебе Бог что за это делает? – спросил он, выпытывая дальше.

Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь её вся колыхалась от волнения.

– Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!.. – вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него.

«Так и есть! так и есть!» – повторял он настойчиво про себя.

– Всё делает! – быстро прошептала она, опять потупившись.

«Вот и исход! Вот и объяснение исхода!» – решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая её» [Достоевский 1973: 248].

Перевод Юэ Линя [Юэ Линь 1979: 646]:

译文一：“索尼雅,那么你很多次祈祷上帝吗?” 他问她。

索尼雅默不作声。他站在她身旁,等待着回答。

“没有上帝,我能做什么呢?” 她嘟嘟囔囔说,说的又快又有力,那对闪闪发光的眼睛向他投了一瞥,又紧紧地握着了他的手。

“嗯,一点儿不错!” 他心里想。

“那么上帝赏给了你什么呢?” 他更逼近一步追问。

索尼雅久久的默然不语,仿佛答不上来似的。她那瘦弱的胸脯激动得不住的起伏。

“别说啦! 别问啦! 您不配! ……” 她突然扬声叫道,神色严峻,愤怒地望着她。

“真是这样! 真是这样!” 他坚持的暗自反复说。

“上帝是万能的!” 她喃喃的说得很快,头又低下了。

“这是巧辩! 这是找理由巧辩!” 他暗自断定说,一边怀着强烈的好奇心打量她。

[– Соня, так ты часто молишься Богу?

– спросил он ее.

Соня молчала. Он стоял рядом с ней и ждал ответа.

– Что я могу сделать без Бога? – пробормотала она, говоря быстро и решительно, блестящие глаза бросили на него взгляд и снова крепко сжались.

– Ну, совершенно верно! – подумал он про себя.

– И чем же наградил тебя Бог? – Он придвинулся на шаг ближе, чтобы продолжить вопрос.

Соня долго молчала, как будто не могла ответить. Ее тонкая грудь неудержимо вздымалась и опускалась от волнения.

– Не говори! Не спрашивай! Ты недостойн!.. – закричала она, внезапно повысив голос и глядя на нее с мрачным, гневным выражением лица.

– Так и есть! так и есть! – настойчиво и мрачно повторил он.

– Бог всемогущ! – Она быстро забормотала, и ее голова снова опустилась.

– Это софистика! Это поиск причины, чтобы привести умный аргумент! – сказал он с тайной уверенностью, глядя на нее с напряженным любопытством].

Перевод Чжу Хайгуаня и Ван Вэня [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь 1982: 621]:

“索尼娅，你经常向上帝祈祷吗？”他问她。

索尼娅不作声，他站在她身旁等待回答。

“没有上帝我怎么成呢？”她低声说，说的又快又有力，那双忽然熠熠发光的眼睛匆匆的瞥了他一眼，她用手紧紧地握了握他的手。

“唔，果然如此！”他想。

“那么上帝感谢你，给你做了什么呢？”他问，进一步试探她。

索尼娅沉默了很久，好像无法回答似的。她的柔弱的胸脯激动得一起一伏。

“别说了！别问我！您不配！……”她忽然叫喊起来，严厉地、愤怒地望着他。

“果然如此，果然如此，”他在心里执著的反复想道。

“他做一切！”她又垂下眼睛迅速的小声说。

“应该这样解释！这就说明了这种解释是正确的！”他暗自断定，一面怀着贪婪的好奇心打量着她。

[— Соня, ты часто молишься Богу? — спросил он ее.

Соня молчала, пока он стоял над ней и ждал ответа.

— Как я могу быть без Бога? — прошептала она, говоря быстро и сильно, и эти внезапно заблестевшие глаза торопливо взглянули на него, когда она сжимала его руку в своей.

— Ну, действительно! — подумал он.

— Так за что же Бог благодарит вас и что делает для вас? — спросил он, испытывая ее на прочность.

Соня долго молчала, как будто не могла ответить. Ее нежная грудь вздымалась от волнения.

— Не говори ни слова! Не спрашивай меня! Ты недостойн!.. — вдруг воскликнула она, сурово и гневно глядя на него.

— Так и есть! так и есть! — настойчиво повторял он мысленно.

— Он все делает! — Она снова опустила глаза и быстро прошептала.

— Именно так это и должно быть истолковано! Значит, это объяснение правильное! — мрачно заключил он, разглядывая ее с жадным любопытством, с одной стороны].

Перевод Цао Говэя [Цао Говэй 2000: 562]:

“那你常常祈祷上帝，索菲娅？”他问她。

索菲娅没作声，他站在她边上，等待回答。

“不祈祷上帝，我还成吗？”她快捷有力的轻轻说，抬起突然炯炯发光的眼睛朝他一扫，又伸手在他的手上紧紧握了握。

“果然疯了！”他想。

“那上帝在为你做什么？”他往下追问。

索菲娅久久沉默着，似乎无法回答。她那瘦弱的胸脯激动地起伏着。

“住口！别问了！您不配！……”她突然叫喊起来，严厉而又愤怒地看着他。

“果然！果然！”他一个劲地暗自重复。

“上帝在做一切！”她说得又快又轻，重又垂下眼睛。

“这就是解脱！这就是对这一解脱的解释！”他暗自断定，一面贪婪而好奇的打量她。

[– Значит, ты часто молишься Богу, София? – спросил он ее.

София не издала ни звука, и он стоял рядом, ожидая ответа.

– Как я могу обойтись без Бога? – быстро, решительно и мягко сказала она, подняв на него внезапно заблестевшие глаза и протягивая руку, чтобы сжать его руку в своей.

– Наверняка сумасшедшая! – подумал он.

– И что же Бог делает для тебя? – Он продолжил разговор.

Софья долго молчала и, казалось, не могла ответить. Ее тонкая грудь вздымалась и опускалась от волнения.

– Замолчи! Не спрашивайте! Вы недостойны!.. – вдруг закричала она, сурово и гневно глядя на него.

– Она действительно сумасшедшая. – Мрачно повторил он.

– Бог все делает! – быстро и мягко проговорила она и снова тяжело опустила глаза.

– Вот в чем избавление! Вот объяснение этого избавления! – мрачно утверждал он, разглядывая ее с жадностью и любопытством, с одной стороны].

Анализ приведенных переводов

Перевод Юэ Линем слова «прошептать» как «пробормотать», очевидно, является ошибкой. Слово «прошептать» означает «говорить тихим голосом», в то время как слово «пробормотать» имеет значение «колебаться». Оно имеет семантический оттенок нерешительности, что противоречит ремарке писателя «быстро и энергически».

Соня по своей природе мягкая и добрая, поэтому говорит как можно тише, но ее вера в Бога тверда и сильна. «*Что ж бы я без Бога-то была?*». Это краткое и сильное предложение в форме вопроса, имеющее утвердительный тон, Юэ Линь перевел как «*Что я могу сделать без Бога?*», в результате чего появился оттенок нерешительности. И перевод Чжу Хайгуана («*Как я могу быть без Бога?*») и Цао Говэя («*Как я могу обойтись без Бога?*») соответствуют исходному предложению, а риторический вопрос выражает безусловно утвердительную интонацию.

Если принять во внимание религиозные взгляды Раскольникова в это время, то он явно не разделял точку зрения Сони, которая искала помощи у Бога, поэтому перевод предложения «*Ну, так и есть!*» как в переводе Юэ Линя, так и в переводе Чжу Хайгуаня является лишь прямым переводом оригинального смысла предложения. В отличие от этого, Цао Говэй перевел его как «*Она действительно сумасшедшая*», что, казалось бы, не соответствует буквальному смыслу оригинального текста, но на самом деле переводчик намеренно внес некоторые изменения в контекст, чтобы передать смысл этих слов.

В тексте, когда Соня неоднократно подвергается давлению со стороны Раскольникова, из ее уст вырывается «*молчите*», так как в этот момент Раскольников оскорбил ее веру в Бога. После этого ее тон становится более решительным, определенным и неопровержимым, а обращение «*молчите*» становится доминантным по интонации.

Фрагмент 2

«Она приближалась к слову о величайшем и неслыханном чуде, и чувство великого торжества охватило её. Голос её стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нём и крепили его. Строчки мешались перед ней, потому что в глазах темнело, но она знала наизусть, что читала» [Достоевский 1973: 251].

Перевод Юэ Линя [Юэ Линь 1979: 653]:

她快要念到关于最伟大的和闻所未闻的奇迹的话时，心里充满了无限的快乐。她的嗓音变得像金属般铿锵；兴奋和愉快洋溢在她的嗓音里，使她的嗓音变得更有力了。一行行字在她眼前跳动，使她的眼睛发黑了，可她背熟了其所念的诗篇

[Ее сердце наполнилось безграничной радостью, ведь она собиралась прочитать слова о величайшем и неслыханном чуде. Ее голос стал звонким, как металл; волнение и удовольствие переполняли ее голос и делали его сильнее. Перед глазами заплясали строчки, омрачая их, но она выучила наизусть псалмы, которые читала].

Перевод Чжу Хайгуаня и Ван Вэня [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь 1982: 628]:

她快要读到那最伟大和闻所未闻的奇迹的故事了，她心里充满了巨大的欢乐。她的声音变得像铜铃，象金属；声音里充满了欢乐与喜悦，这使她的声音更有力量了。她感到眼前发黑，一行一行的字在她眼前跳动，但是她读的那些章节她早就会背了。

[Ей предстояло читать историю этого величайшего и неслыханного чуда, и великая радость наполнила ее сердце. Ее голос стал похож на медный колокольчик, на металл; он был полон радости и восторга, что делало его еще сильнее. Перед глазами у нее была чернота, а перед глазами плясали строки и строки слов, но те главы, которые она читала, она давно уже выучила наизусть].

Перевод Цао Говэя [Цао Говэй 2000: 569]:

她快要念到闻所未闻的最伟大的奇迹了，无比庄严的感觉攫住了她的心。她的声音变得金属一般响亮。这声音铿锵有力，充满庄严和欢乐。她眼睛发黑，眼前的字句一篇模糊。但她能背出她念的章节。

[Она была на грани того, чтобы рассказать о величайшем неслыханном чуде, и всепоглощающее чувство торжественности охватило ее сердце. Ее голос стал металлическим. Он был сильным, полным торжественности и радости. В глазах потемнело, слова перед глазами расплывались. Но она могла пересказать прочитанные главы].

Анализ приведенных переводов

Когда Соня читает Раскольникову о воскресении Лазаря, ее убеждают все описания того, как Иисус воскрешает людей, и она чувствует огромную радость оттого, что верит в это.

Цао Говэй перевел словосочетание «слово о величайшем и неслыханном чуде» как «величайшее неслыханное чудо», чтобы сделать его более простым и понятным, опустив слово «слово», чтобы усилить стиль оригинала. Переводы Юэ Линя («слова о величайшем и неслыханном чуде») и Чжу Хай Гуаня («история этого величайшего и неслыханного чуда») более громоздки и сложны.

Словосочетание «чувство великого торжества» переведено Цао Говэем («всепоглощающее чувство торжественности») более полно и точно, чем у Юэ Линя («волнение и радость») и Чжу Хайгуаня («великая радость»). Перевод Цао Говэя ясно подчеркивает силу веры Сони в Бога.

Фрагмент 3

«Бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя» [Достоевский 1973: 13].

Перевод Юэ Линя [Юэ Линь 1979: 30]:

贫非罪，这是真理。我知道酗酒不是美德，这更是真理。可是求乞，先生，求乞是罪恶。如果您清贫，还保持着您那天生的情操的高尚，可是去求人布施，那就决不能保持这种高尚，而且谁也做不到。乞丐甚至不是被人用棒撵出的，而是用扫帚扫出人类社会的，让他受更大的凌辱嘛；这也是公道的，因为我去求人布施，这就是我首先要侮辱自己。

[Это истина, что бедность – не грех. Я знаю, что пьянство – не добродетель, и это еще более верно. Но попрошайничество, господин, попрошайничество – это грех. Если вы бедны, вы сохраняете благородство своих природных чувств, но просить милостыню – это никогда не сохранять это благородство, и никто не может этого делать. Нищего выгоняют даже не прутком, а метлой, чтобы он был более оскорблен; и это справедливо, потому что, когда я иду просить милостыню, я первым делом оскорбляю себя].

Перевод Чжу Хайгуаня и Ван Вэня [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь 1982: 33]:

贫穷不是罪恶。这是真理。我也知道，酗酒不是美德，这话更对。但是，先生，赤贫却是罪恶呀。贫穷的时候，您还能保持您天生的高尚情操，可是穷到一无所有，您就绝对办不到了——谁也办不到了！一个一贫如洗的人，不是被人用棍子从人类社会赶出去，而是被人用扫帚扫出去，这是为了使他受到更大的侮辱。这样做是对的，因为在赤贫中，我就是侮辱自己的头一个人。

[Бедность не является грехом. Это истина. Я также знаю, что алкоголизм не является добродетелью, что еще более верно. Но, господин, крайняя бедность – это грех. Когда ты беден, ты можешь сохранить свое природное благородство, но когда ты нищ, ты никогда не сможешь этого сделать – никто не сможет этого сделать! Безденжного человека не выгоняют из человеческого общества палкой, а выметают метлой, чтобы он терпел большее унижение. И это правильно, потому что в крайней нищете я первый оскорбляю себя].

Перевод Цао Говэя [Цао Говэй 2000: 26]:

贫非罪，这是真理。我也知道，酗酒不是美德，这更是真理。但一贫如洗，阁下，一贫如洗可就是罪喽。您穷，您还能保持天生的高尚情操，要是一贫如洗，那就谁也不会这样做了。社会清除一贫如洗的人，甚至不是用棍子赶，是用扫把扫，好让你感到更大的侮辱。这也公平，因为一贫如洗，我就第一个准备侮辱自己。

[Это правда, что бедность – не грех. Я также знаю, что алкоголизм не является добродетелью, и это еще более верно. Но без гроша в кармане, Ваше Превосходительство, без гроша в кармане – это грех. Если вы бедны, вы можете сохранить свое природное благородство, а если бы вы были бедны, никто бы этого не сделал. Общество выметает без гроша в кармане, даже не палкой, а метлой, чтобы вы чувствовали себя более оскорбленным. И это справедливо, потому что, будучи без гроша в кармане, я первый готов оскорбить себя].

Анализ приведенных переводов

Нищета – это необеспеченность средствами существования, крайняя бедность, поэтому перевод Юэ Линем этого слова как *«попрошайничество»* является неточным. Также и фраза *«просить милостыню»* не вполне соответствует смыслу оригинального текста. Кроме того, данный вариант представляется лингвистически более упрощенным и не в полной мере отражающим литературные качества оригинала.

Чжу Хайкуань и Ван Вэнь очень точно перевели *«нищета – порок-с»* как *«крайняя бедность – это грех»*. Они различают и противопоставляют «бедность» и «нищету»: нищета – это крайняя бедность. Этот перевод лучше передает эмоции и смысл оригинального текста.

Перевод Цао Говэя более разговорный, в нем больше используется китайских выражений, которые легче воспринимаются читателем. Это особенно видно на примере указанного фрагмента, который переведен как *«без гроша в кармане»*.

Выводы

Сравнительный анализ трех переводов романа «Преступление и наказание» на китайский язык позволяет сделать несколько выводов об их особенностях и различиях.

Переводы Юэ Линя и Цао Говэя очень отличаются друг от друга. Первый перевод выполнен в ранний период истории перевода и демонстрирует стиль древности и элегантности. Он отражает ярко выраженный старинный язык перевода, который может быть воспринят как архаичный с точки зрения современного китайского языка. С другой стороны, перевод Цао Говэя кажется более лаконичным и приближенным к общему стилю оригинала.

Перевод Юэ Линя содержит больше ошибок из-за некоторого непонимания оригинального текста, а его подход к синтаксису оригинала иногда кажется механическим. Подчеркнутая элегантность перевода привлекает внимание, но именно она может привести к несовместимости стиля перевода с оригинальным текстом.

Перевод Чжу Хайгуаня и Ван Вэя отличается большей точностью и аккуратностью в передаче исходного текста, в нем сохранены и переданы стилевые особенности оригинала. Они обращают значительное внимание на выбор правильной лексики и стремятся передать семантические тонкости и смысловые нюансы оригинала.

Перевод Цао Говэя демонстрирует собственный стиль, но он также обладает и глубоким пониманием исходной темы, правильным выбором эмоциональ-

ного оттенка слов и анализом контекста оригинала. Этот перевод способен передать стиль оригинала и даже достичь более высокого уровня выразительности, чем сам оригинал.

Сравнительный анализ переводов нескольких фрагментов романа «Преступление и наказание» на китайский язык позволяет выделить их особенности. Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны в передаче стиля и содержания оригинала, что придает им уникальность и неповторимость. Разные переводы отражают различные подходы к переводу и уникальные стилистические предпочтения переводчиков. Каждый перевод создан с учетом культурных и языковых особенностей китайской аудитории, а также с целью сделать роман доступным и понятным для читателей.

Список литературы

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука. 1973. Т. 6. 422 с.

Юэ Линь 岳麟. 罪与罚. 上海译文出版社, 1979. (Юэ Линь. Преступление и наказание, Шанхайское издательство переводов, 1979).

Чжу Хайгуань и Ван Вэнь 朱海观, 王文. 罪与罚. 人民文学出版社, 1982. (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь. Преступление и наказание, Издательство народной литературы. 1982).

Цао Говэй 曹国维. 罪与罚. 北京燕山出版社. (Цао Говэй. Преступление и наказание. Пекинское издательство «Яншань». 2000).

Lan Xi

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF THE NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" IN CHINA IN THE TWENTIETH CENTURY

In the twentieth century, Fyodor Dostoevsky's "Crime and Punishment" became famous and popular in China. The earliest translation of Crime and Punishment was by translator Wei Tsungwu, who translated the novel from English into Chinese between 1930 and 1931. To date, the novel "Crime and Punishment" has been published in Chinese in about thirty translations. The article analyzes the peculiarities of the main translations of the novel and argues that they largely depend on the socio-historical context and the translator's goals.

Key words: F.M. Dostoevsky, "Crime and Punishment", China, translation, twentieth century.

Галина-Мария Мичич
магистрант филологического факультета
Университет в Баня-Луке (Босния и Герцеговина)
galina-marija.micic@flf.unibl.org

ПОНЯТИЕ О ДРУГОМ В РОМАНЕ АЛИСЫ ГАНИЕВОЙ «ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

В романе «Жених и невеста» Алиса Ганиева играет с понятием *другого* – будучи русскоязычным писателем с дагестанским происхождением, она меняет перспективу, и о дагестанской среде пишет с позиции человека, который принадлежит этой среде, но вышел и в другую, русскую среду. В той же позиции находится и главная героиня этого романа. Поставив ее на границу между двумя мирами, Ганиева ставит ее в позицию *чужого* человека и в среде, в которой она выросла, и в новой, русской среде. Взгляд Пати, героини романа, на мир, из которого она как будто вышла, и на его жителей, а с другой страны взгляд русских на Патю и их понятие о дагестанцах, их обычаях, языке и культуре и находится в фокусе этой статьи.

Ключевые слова: Кавказ; Дагестан; имагология; *другой*; Алиса Ганиева.

Введение

Каждый народ имеет свое представление об окружающем мире и людях, которые в этот мир входят. Данное представление часто обусловлено стереотипами и предрассудками. Именно таким представлением о *другом*, о том, что ограничивает мир человека или народа, занимается имагология. Как пишет О. Томберг, «имагология – раздел сравнительного литературоведения, объектом исследования которой являются образы “чужого”, способы и особенности их репрезентации и анализа. Основы имагологии заложены во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х гг. работами Ж.М. Карре и М.-Ф. Гийяра, которые исследовали образ с точки зрения рецепции “другого”: как формируются и эволюционируют образы как представления о других народах и нациях в индивидуальном и коллективном сознании» [Томберг 2015: 255]. Так, образ *другого* человека, народа или чужой культуры и является центром литературоведческого исследования и представляет собой либо «динамические обобщения жизненных явлений и представлений человека», либо «содержительную целостность произведения на всех его уровнях» [Томберг 2015: 256] в зависимости от автора, который исследование проводил.

В русской литературе понятие о *другом*, когда тот *другой* представитель какого-то из народов Кавказа, появляется еще в XIX в., и оно обусловлено русским завоеванием Кавказа. «Именно в это время свободолюбивая народная и поэтическая мысль вырвалась на свободу – платформой для ее выражения послужила газета “Тифлиссские ведомости”. Русские писатели, сосланные в “южную Сибирь”, то есть на Кавказ, находили там источник вдохновения» [Галиева 2015: 114].

С тех пор образ человека Кавказа постоянно менялся. В начале эпохи романтизма, в литературе Кавказ представлен как романтическая, неизвестная, дикая страна. «Представления об агрессивности кавказских горцев, их азиатской необузданности, отраженные в русской литературе XIX века <...> являются мифами, отражением неправильных, искаженных представлений в массовом сознании российского общества о кавказских горцах. Но, подобные художественно-исторические концепции полностью преодолеваются в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»» [Гасанова 2015]. В. И. Шульженко в своей диссертации отмечает, что уже в литературе двадцатого века появляются «как традиционные для “кавказской” прозы персонажи, например, русские военные и странники, так и новые, появившиеся благодаря освоению литературой социального материала современной эпохи: интеллектуалы и “новые русские” кавказского происхождения, культурные маргиналы и наемники, подростки и представители преступного мира» [Шульженко 2001]. Так представление о, условно говоря, диком и свободном человеке со временем менялось и в центр внимания попал «маленький человек» Грузии, Чечни или Дагестана, а популяризацией «женской прозы» и женщины этих стран и культур.

А. Ганиева, по происхождению аварка, но по определению москвичка, человек «на границе культур», как о ней пишет С. Беляков [Тугушева 2018: 352] – один из современных писателей, который топосом своих произведений делает Кавказ, а именно Дагестан, его культуру и персонажей. В романе, который находится в центре внимания этой статьи, она свою главную героиню – Патю – помещает в ситуацию похожую на ту, в которой она сама находится: она вышла из своей дагестанской среды в русскую культурную среду (в Москву) и таким способом отделила себя от определенного образа мышления, характерного для ее «поселка». Ей оно стало странным, другим, тем, чьей частью она себя не чувствует. Об этом говорит и сама Ганиева в интервью Российской газете, когда говорит что «ощущение “Я повсюду иностранец” присутствует. Когда я приезжаю в село в горах, где у людей довольно архаичное сознание, я на их быт смотрю извне, это такое научно-культурологическое изучение» [Секисов 2015]. Все-таки, важно напомнить, что в книге, как в том же интервью говорит, «автобиографического почти ничего нет» [там же]. Интересно то, что хотя у нее и присутствует ощущение непричастности к Дагестану и к Москве, «своей ее считают и аварцы, и русские, ее книги обсуждают исламисты и либералы» [Тугушева 2018: 352].

Свое и чужое в романе А. Ганиевой

Чувство разрыва со *своей* средой, в романе лучше показано в главах, в которых Патя сталкивается со старыми подругами или соседями. Это чувство чаще всего показано в отношении к браку. Например, в третьей главе, когда она встречается с Аидой, школьной подругой, сразу задается вопрос о сватовстве:

«– Не засватали ещё?»

Ну конечно. О чём ещё мог быть вопрос? У самой Аиды росли три малыша. Она раздобрела в замужестве, отъела бока, расплылась в вечной самодовольной улыбке» [Ганиева 2015: 45¹].

Тон, с которым Патя отзывается об этом вопросе, говорит о ее отношении к этому вопросу. В той же главе, Патя еще раз высказывает свою точку зрения о свадьбах: *«Свадебные салоны через каждый шаг. Бутики европейских дизайнеров, центры свадебной мусульманской моды, кринолины, шлейфы, дымчатые шали, меховые горжетки, эксклюзивные коллекции <...> Все кругом только и делают, что женятся, женятся. Как будто нет других занятий»* [46]. То, что представляется «нормальным» подругам ее детства, и вообще, ее обществу – понимание о свадьбе, как о центральном событии жизни и о замужестве как о ее цели, – для Пати уже ненормально, это *чужое*. Именно поэтому Люсе, русской жене ее брата, и дана роль посредника: она показывает свой «деревенский» менталитет, и указывает Пате на то, что она уже «старая дева» (хотя ей двадцать пять лет), после чего и брат упрекает ее:

«Когда я на следующий день рассказала об этом брату, тот и сам на меня напустился:

– Конечно, он прав! Скоро на тебя никто не посмотрит!

– Не надо копировать свою маму, – вмешалась Люся» [10].

То есть для Люси, русской, такая точка зрения тоже не *своя*, а *чужая*, странная – то, что характерно для мамы Пати, которая у нее сознании и есть «деревенская» жена и с которой у нее личная вражда.

Различия во мнениях, образе жизни и мировоззрении у Пати и ее соотечественников проявляются еще в нескольких местах романа. Самое убедительное в седьмой главе. Там, в самом начале, в очередном разговоре с Аидой снова показаны различные позиции Пати и Аиды по поводу общения с мужчинами:

«– Ты сама виновата, Патя! – чистила меня Аида, перематывая свой неизменный тюрбан слева направо. – Не надо было с ним столько из Москвы перетисываться. Зачем вообще на встречу согласилась?»

– Но я же не знала, какой он...

– Не знала она... Теперь расхлёбывай. Он же думал, раз отвечаешь, пишешь, значит, замуж за него хочешь...» [103].

В мире Пати, очевидно, переписка не обязательно должна привести к замужеству, но в мире ее соотечественников, даже людей ее поколения, несколько сообщений уже повод для сватовства.

В той же главе, которую автор и называет «Соседки», показывая этим важность соседей и их мнения в «поселке», сталкиваются мнения Пати и соседок, пожилых женщин, которые пришли помогать ее бабушке *«чистить огромную гору тыквенных семечек»* [104]. Эпизод с соседками построен на конфликте. Конечно, этот конфликт отчасти является конфликтом поколений, но отчасти через него показана разница менталитетов. Так, в разговоре соседка отмечает необычную стрижку Пати комментарием, что Пати, наверное, так постриглась в Москве, *«потому, что модно»* и спрашивает, не выходит ли она на улицу в штанах [109]. Каждый ее вопрос и комментарий содержит в себе оттенок явного осуждения и непонимания всего, что *новое, другое*, что не принадлежит *традиционному*² миру. Но и Патя показывает, что она не является частью их мира, задавая, со своей стороны, вопросы, о том, о чем не спрашивается, что само собой понятно:

«– Хидр! – благоговейно повторила бабушка.

– Что такое Хидр? Объясните! – попросила я.

– Как, не знаешь Хидра? Это же святой, наставник пророка Мусы.

– Не поняла. Мусы – Моисея, что ли? Он же сколько тысяч лет назад жил!

– А его наставник – вечный. Хидр его зовут. И появляется он в каком хочешь виде. Но чаще в зелёной одежде.

– Халилбек разве ходит в зелёной одежде?

– Это не важно. Но он мудрый, очень мудрый.

– Но если Халилбек и есть волшебный и бессмертный Хидр, мудрый наставник и всё такое, зачем он следователя убил? – не унималась я.

– Шии, Патя!

– Или Адика с нашего посёлка?

– Патимат, ты поступаешь как неразумная. Судись, не поняв, – строго осадила бабушка. – Люди никогда не могут сразу объяснить поступков Хидра. Удивляются, осуждают. Потому что сути не видят. А потом оказывается, что Хидр был прав.

– Как можно быть правым, убив человека?

Ни бабушка, ни соседки не нашлись что ответить, и поэтому дружно нагнулись над тазами с очищенными уже семечками, засуетились, закопошились» [107–108].

Все эти примеры показывают, что героиня романа на самом деле ментально и культурно вышла из круга своего поселка, и что она своей родне и друзьям детства кажется чужой, странной, именно как будто она «испорчена» московской средой. Э. Тугушева в своей статье замечает, что сюжет в романе выстраивается на столкновении обыденного, лживого мира, с «искренними проявлениями героев» [Тугушева 2018: 353], так что Патя своей искренностью, а не выходом в московскую среду, отличается от мира своего поселка.

С другой стороны, и та другая среда, в которой она оказалась – московская, показывает ей, что она не вполне совпадает с ней, что она не является полноправным членом этого общества. Сразу в первой главе, познакомив читателей с Патей, автор знакомит их с ее московской подругой и коллегой – Мариной, которая представляя ее своему другу, говорит:

«– Учти, твою самбуку Патя пить не будет. Она непьющая. У них же в стране это... мусульманство. Правда, Патя?» [6] Патя, от чьего лица пишет автора, отмечает: «Марина никак не могла выучить, что я вообще-то не иностранка и пить себе не запрещаю. Но я решила не перебивать» [там же].

«– И приставать к ней тоже нельзя, – продолжала Марина, – а не то от неё женихи откажутся.

– У тебя что, много женихов? – заёрзал от восторга Артур.

– Да нет у меня никаких женихов! – возмутилась я» [там же].

Уже на первых страницах романа, автор показывает, что разница между Патей – дагестанкой и Мариной – русской, существует. И хотя они подруги, у Марины, как у представителя одного народа, существует даже неосознанное представление о Пате, как о другом, не вполне своем человеке, чьи обычаи, вера и культура ей не совсем близки. Именно такое, стереотипное представление Пати

встречается и в продолжении той же главы: Артур, один из персонажей, с которым она познакомилась, знакомит ее с другими: «– Она чеченка! – заорал ворвавшийся Артур» [11] Но, хотя Патя возражала, сказав, что она не чеченка, через несколько реплик, она снова стала «чеченкой»:

«– Я не чеченка, – решила я уточнить.

– Черкешенка? – манерно поинтересовался худющий, как молоток, брюнет в бесформенном вязаном свитере. <...>

– Можно сказать, почти угадали, – махнула я рукой. – Я из тех краёв.

– А я воевал на Кавказе. И даже был ранен, – так же манерно заявил Юрий.

<...>

– Это было в девяностые... Вы не поверите, я был русский офицер, но я сочувствовал горцам, их свободолюбию.

– Кажется, вы путаете девяностые с девятнадцатым веком, – засмеялась я, видя, как он завирается. Брюнета это задело. Он поднёс рюмку с брусничной, кажется, настойкой к красным губам и глянул искоса.

– Вот вы хихикаете, а сейчас у вас есть реальный шанс донести до российской элиты, чего хочет Кавказ, – прогудел он томно и глухо, явно имея в виду под элитой себя самого. <...>

– А вы знаете, в вас есть что-то аристократическое... – Он взял мою руку и неожиданно поцеловал её. – Представляете, какой будет фурор, если мы заключим брак.

– Почему фурор?

– Известный общественный деятель и чеченка.

– Дагестанка» [11–12].

Из этого разговора сразу видно, какое отношение у «русской элиты» к Кавказу и народам, которые его населяют. Кажется, что понятие об этом регионе русские все еще строят на мифах, встречающихся в классической литературе и представлениях, которые там можно встретить. Точнее, кавказцы, это не люди реальные, которые живут с ними, а именно другие, о которых «русская элита» даже не старается узнать побольше.

Похожа на эту ситуация, когда в пятой главе, на концерте, встречаются Патя и Марат. Патя говорит об этой встрече так:

«Марат разыграл мне в лицах, как долго он выискивал себе в Москве однушку – квартиродателей пугала неславянская фамилия. А я поведала, как коллеги в суде, исключая, конечно, Марину, пересекаясь со мной в столовой, начинали изредка полушутя поругивать “хачиков“. Потом кто-нибудь обязательно сообщал: “Так Патя тоже из тех краёв“ – и только что клеймившие наши юга коллеги тушевались, начинали оправдываться:

– Ты не думай, я-то не фашист, я не про всех говорю.

Или:

– Ну, Патя, ты всё-таки как русская. Не скажешь, что из Хачландии, так что не обижайся.

Марат смеялся:

– Нет, в моей конторе почти все на Кавказе бывали и хорошо относятся»

[87].

Из этих примеров сразу понятно, что герои, Пятя в большей степени, чем Марат, который так же вышел из «поселочной» в русскую культурную среду, сталкиваются с предрассудками и со стереотипными представлениями о *своем* народе, хотя люди, выражающиеся таким способом, не считают их явно, сознательно, представителями *другого*.

Марина, московская подруга Пати, ее свадьбу видит, как шанс познакомиться с новой, экзотичной и далекой страной, смотря на ее обычаи, как на что-то устаревшее, что невозможно увидеть каждый день:

«Узнав от меня о готовящемся событии, она мгновенно купила билеты и прилетела в наш посёлок за несколько дней до свадьбы. Ей непременно хотелось во всём участвовать.

Привезла в кожаном чемодане ворох нарядов, принялась суетиться по дому вместе с моими родными и безостановочно спрашивала:

– А выкуп невесты у вас бывает? А конкурсы? Нет? А почему? А что бывает?» [171].

Выводы

Так, можно прийти к выводу, что в русской среде Пятя, хотя и подруга, хотя и близкая, не совсем *свой* человек, а часть экзотичного, странного мира, чей образ в том же обществе построен на мифах, на предубеждениях и стереотипах. Но Пятя и в той среде чувствует себя более *своей*, чем в мире поселка, в котором доминируют другие ментальные типы, и в котором владеют неписанные законы, ею не совсем приемлемые. Таким образом, Пятя является *другой* в обеих средах, в которых она пребывает, то есть, как и сама А. Ганиева сказала о себе, она «повсюду иностранец».

Примечания

1. Далее ссылки на издание Ганиева А. А. *Жених и невеста*, М.: АСТ, 2015, 216 с. даются с указанием страниц с квадратных сокбкахэ

2. Хотя А. Ганиева в интервью Российской газете указывает на совсем другую историю и традицию народов Дагестана, как и на другое положение женщины в нем.

Список литературы

Галиева М. А. Лики Кавказа в русской литературе XIX – начала XX вв.: топос и топика: к постановке вопроса // Научный диалог. 2015. № 9(45). С. 113–124.

Ганиева А. А. *Жених и невеста*. М.: АСТ, 2015, 216 с.

Гасанова З. И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 23 с.

Секисов А. Алиса Ганиева: Я пытаюсь показать, как изменяется общество в Дагестане // Российская газета. 07.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/04/08/ganieva.html#fromhead> (Дата обращения 23.09.2023).

Томберг О. В. Изучение литературы в контексте филологической имагологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 255–259.

Тугушева Э. Ф. Этнокультурное своеобразие хронотопа в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и А. Ганиевой «Жених и невеста» // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 351–355.

G.-M. Micic

Master Student of Philological Faculty
University of Banja Luka

**THE CONCEPT OF THE *OTHER*
IN ALISA GANIEVA'S NOVEL "BRIDE AND GROOM"**

In the novel "Bride and Groom", Alisa Ganieva plays with the concept of *other* – being a Russian-speaking writer with Dagestan origin, she changes perspective, and writes about the Dagestan environment from the position of a person who belongs to this environment, but has also entered another, Russian environment. The main character of this novel is in the same position. By placing her on the border between two worlds, Ganieva places her in the position of a *stranger* both in the environment in which she grew up and in the new, Russian environment. The view of Patya, the heroine of the novel, on the world from which she seemed to come, and on its inhabitants, and on the other side, the view of the Russians on Patya and their concept of the Dagestanians, their customs, language and culture is the focus of this article.

Key words: Caucasus; Dagestan; imagology; *the other*; Alisa Ganieva.

Магдалена Николич
магистр филологии Философского факультета
Университет в Нише (Сербия)
m.nikolic-15100@filfak.ni.ac.rs

БИБЛЕИЗМЫ В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

В статье сравниваются роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его перевод на сербский язык Златка Црнковичем, рассматривается, насколько данный перевод соответствует и удовлетворяет требованиям перевода библеизмов романа Достоевского. В статье уточняется значение термина *библеизм*, его характеристики; анализируются библеизмы, рассматриваются сложности и метод перевода библеизмов.

Ключевые слова: библеизмы; перевод; сербский язык; Ф. М. Достоевский.

Введение

В науке о литературе с конца XX в. и в начале XXI в. возрос интерес к духовному содержанию русской литературы, в результате чего стали актуальными исследования влияния Библии на мировоззрение и художественное творчество русских классиков. Библеизмы появляются во многих литературных произведениях и формируют их структуру, дополняют литературные произведения и придают им смысл, образуя сюжет. Чтение и исследование русской литературы у всех славянских народов стало весьма продуктивным, главным образом, когда речь идет о Ф. М. Достоевского, в текстах которого имеется большой пласт библейского подтекста, духовные смыслы, которые проявляются в виде библейских цитат, библейской фразеологии и выражений, аллюзий на тему, мотивного уровня художественного текста, реминисценций, в форме библеизмов.

В «Преступлении и наказании», как и во многих других произведениях Достоевского, библейские цитаты связаны с собственным мировоззрением автора. Они выделяются в сюжетной структуре самого романа, в системе отображения и в концептуальном построении самого произведения. В последние годы работа Достоевского на евангельскую тему стала весьма заметной в науке о литературе и стала предметом особого внимания. Соответственно, его произведения переведены на большое количество языков мира, поэтому наблюдаются различия в переводе библеизмов на другие языки.

Определение термина *библеизм* в лингвистике

Читая различные разделы журналов, изучая и листая различные виды литературных произведений, мы каждый день сталкиваемся с библеизмами, но возникает вопрос, насколько человеческий ум их распознает и понимает. Однако если творчески упростить термин *библеизм*, то станет ясно, что эти выражения и фразы, взятые из Библии. Если обратиться сначала к толковому словарю, то *библеизм* – языковая единица, определяемая рядом характеристик: семантической округлостью, воспроизводимостью (при определенных вариантах), семантико-

стилистическими особенностями (передаваемый смысл, повышенная выразительность), что фактически сближает библеизм к фразеологизму [Библијски речник].

Учитывая, что огромное количество ученых исследовали и занимались этим вопросом, мы можем обратиться к трактовкам термина *библеизм*, данным нам О. С. Ахмановой, Э. М. Верещагиным, Я. А. Гвоздаревым, Е. В. Сергеевым, а также В. В. Колесовым. Происхождение и возникновение этого термина, а также его значение проанализированы очень глубоко. По словарю О. С. Ахмановой, мы получаем самое простое объяснение: «*Библеизм – это слово или выражение, вошедшее в общий язык*» [Ахманова 2004: 66]. Я. А. Гвоздарев считает, что «*библеизм — это закрепившееся в русском языке выражение, состоящее из нескольких регулярно воспроизводимых слов, определяемых семантически и лексически библейским текстом*» [Гвоздарев 1994: 26]. В лингвистике нет строгого определения понятия *библеизм*. Разные учёные-лингвисты и исследователи понимали их по-разному.

В нашем исследовании и сравнении библеизмов в романе «Преступление и наказание» мы будем опираться на русский оригинал, а также на перевод романа З. Црнчевича, изданный издательством «Neven*Panonija» (Белград, 2019).

Таблица 1

Сравнение библеизмов в оригинале и переводе

Библеизмы на русском языке	Библеизмы на српском језику
«Параша опять выступила на сцену, да и не она одна, — одним словом, начался <i>содом</i> » [Достоевский 1989: 97]	«Параша се појавила на сцени, али не само она – укратко, настао је <i>прави пакао</i> » [Достојевски 2019: 293]
«В углу перед небольшим <i>образом</i> горела <i>лампада</i> » [Достоевский 1989: 2]	«У ћошку испред омање <i>иконе</i> горело је <i>кандило</i> » [Достојевски 2019: 16]
«И хотя я и сам понимаю, что когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца (ибо, повторяю без смущения, она дерет мне вихры, молодой человек, – подтвердил он с сугубым достоинством, услышав опять хихиканье), но, <i>Боже</i> , что если б она хотя один раз...» [Достоевский 1989: 3]	«И премда ми је и самом јасно, кад ме чупа за косу, да ме чупа само зато што ме од срца жали, јер, понављам вам без стида, младићу, да ме чупа за косу – потврди још двапут достојанственије кад је поново зачуо кикот – али, <i>Боже мој</i> , кад би ме једанпут...!» [Достојевски 2019: 24-25]
«Нет? Ну так <i>божия человека</i> не знаете! Это -воск... <i>воск</i> перед лицом господним; яко тает <i>воск!</i> » [Достоевский 1989: 4]	«Е, онда не познајете <i>праведника Божјег!</i> То вам је <i>восак...</i> <i>восак</i> пред лицем <i>Господњим</i> ; јако тајет <i>воск...</i> !» [Достојевски 2019: 31]
«Тогда все поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... <i>Господи, да придет царствие твое!</i> » [Достоевский 1989: 5]	«И сви ће схватити... И Катарина Ивановна... и она ће схватити... <i>Господе, дођи краљевство Твоје!</i> » [Достојевски 2019: 36]
«Марфа Петровна была совершенно поражена и "вновь убита", как она сама нам признавалась, но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной и на другой же день, в воскресенье, приехав прямо в <i>собор</i> , на коленях и со слезами <i>молила владычицу</i> дать ей силу перенести это новое испытание и исполнить <i>долг свой</i> » [Достоевский 1989: 6]	«Марфа Петровна је била управо пренеражена, и „поново дотучена“, као што нам је и сама признала, али се зато потпуно уверила у Дуњечкину невиност и одмах је сутрадан, у недељу, отишла право у <i>столну цркву</i> и плачући на коленима <i>молила Богородицу</i> да јој да снаге да поднесе ово ново искушење да испуни <i>дужност своју</i> » [Достојевски 2019: 50]

Библеизмы на русском языке	Библеизмы на српском језику
«А теперь, бесценный мой Родя, обнимаю тебя до близкого свидания нашего и благословляю тебя материнским благословением моим » [Достоевский 1989: 8]	«А сад, предраги мој Рођа, грлим те до нашег скорог виђења и благосиљам те својим материнским благословом » [Достојевски 2019: 59]
« Молишься ли ты богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благодать творца и искупителя нашего? » [Достоевский 1989: 8]	« Молиш ли се Богу, Рођа, као и некад, и верујеш ли у доброту Створитеља и Спаситеља нашег? » [Достојевски 2019: 59]
«Нет, Дуничка, все вижу и знаю, о чем ты со мной много-то говорить собираешься; знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью , которая у мамыши в спальне стоит. На Голгофуту тяжело всходить » [Достоевский 1989: 9]	«Ама, Дуњечка, видим ја све и знам чему намераваш тако много разговарати са мном; знам и то о чему си целе ноћи премисљала ходајући по соби, и за шта си се молила пред Казањском Богородицом , која виси у маминој спаваћој соби. Није лако пењати се на Голготу » [Достојевски 2019: 61]
« "Господи! – молил он, – покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!" » [Достоевский 1989: 13]	«„ Боже! “, молио се. „ Покажи ми пут а ја се одричем оне проклете... сањарије своје! “» [Достојевски 2019: 88]
« Господи! Да чего вам?.. Кто такой? Что вам угодно? » [Достоевский 1989: 16]	« Боже свети! Па шта хоћете?... Ко сте ви? Шта желите? » [Достојевски 2019: 110]
«На снурке были два креста , кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный образок ; и тут же вместе с ними висел небольшой, замшевый, засаленный кошелек, с стальным ободком и колечком» [Достоевский 1989: 17]	«Бејаху ту два крстића , један од чемпресовине а други од бакра, и емајлирана иконица ; уз њих је висео омањи масни новчаник од јелење коже са челичним оковом и алчицом» [Достојевски 2019: 115]
« Батюшки , да ведь это наша Афросиньюшка! – посыпался где-то недалеко плачевный женский крик. – Батюшки , спасите! Отцы родные, вытащите! » [Достоевский 1989: 35]	« Људи божји , па то је наша Афросињушка! – допре однекуд из близине плачни женски глас. – Спасите је, људи божји! Извуците је, рођени!» [Достојевски 2019: 244]
«– Бог милостив ; надейтесь на помощь Свышнего , – начал было священник. – Э-эх! Милостив, да не до нас! – Это грех, грех , сударыня, – заметил священник , качая головой» [Достоевский 1989: 38]	«– Милостив је Бог : уздајте се у помоћ Свышњега – поче свештеник . –Е да! Милостив је али није према нама! –То је грех, госпођо, грех – припомену свештеник вртећи главом» [Достојевски 2019: 265]
«А молиться вы умеете? О, как же, умеем! Давно уже; я, как уж большая, то молюсь сама про себя, а Коля с Лидочкой вместе с мамашей вслух; сперва "Богородицу" прочитают, а потом еще одну молитву : "Боже, прости и благослови сестрицу Соню" , а потом еще: "Боже, прости и благослови нашего другого папашу" , потому что наш старший папаша уже умер, а этот ведь нам другой, а мы и об том тоже молимся . – Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: "и раба Родиона " – больше ничего» [Достоевский 1989: 39]	«А знате ли се молити ? О како не бисмо знали! Већ одавно знамо; ја се молим сама зато што сам већ велика, А Коља и Лидочка се моле с мамом наглас; најпре измоле „ Богородицу “, а онда још једну молитву : „ Боже, опрости секи Соњи и благослови је “, а онда још: „ Боже, опрости нашем драгом тати и благослови га “, јер је наш старији тата већ умро и овај нам је био други, а молимо се и за онога. – Полечка, ја се зовем Родион; помолите се кадгод и за мене: „ И за раба Родиона “ – ништа више» [Достојевски 2019: 270-271]

Библеизмы на русском языке	Библеизмы на сръпском језику
«Что он, по обязанности, что ли, нам отвечает? – подумала Дунечка, – и мирится, и прощения просит, точно службу служит али урок затвердил» [Достоевский 1989: 46] « Упокой, господи, ее душу! – воскликнула Пульхерия Александровна, – вечно, вечно за нее бога буду молить! Ну что бы с нами было теперь, Дуня, без этих трех тысяч! Господи, точно с неба упали! » [Достоевский 1989: 63]	«Како нам он то некако, као из дужности, одговара?“, помисли Дуњечка, „И мири се и моли за опроштење баш као да службу божју служи или као да је научио лекцију напамет» [Достојевски 2019: 323] « Бог јој души дао лако! –ускликну Пулхерија Александровна. –Довека, довека ћу се молити Богу за њу! Па ето шта би сад било од нас, Дуња, да није те три хиљаде. Боже мој , као да су с неба пале!» [Достојевски 2019: 50]
«"Тут и сам станешь юродивым! заразительно!" – подумал он» [Достоевский 1989: 63]	«„Ту би човек и сам постао јуродиви! Заразно!“ – помисли он» [Достојевски 2019 72]
« Это камень преткновения для всех вам подобных, а пуще всего – поднимают на зубок, прежде чем узнают, в чем дело!» [Достоевский 1989: 75]	«То је камен спотицања за све вама сличне, а што је најгоре, изгурују се још пре него што знају о чему је реч!» [Достојевски 2019: 138]
«Разве двадцать лет непрерывного гнета не добьют окончательно? Вода камень точит » [Достоевский 1989: 107]	«Зар га двадесет година непрекидна тлачења неће напакон дотући? Вода камен точи » [Достојевски 2019: 357]

В примерах из оригинала романа видно, что они несут черты древнерусского языка, тогда как в сербском переводе они переведены более современным способом. Можно выделить способы перевода, используемые З. Црнковичем: во-первых, использование библеизмов, полностью равнозначных в обоих языках (крест, церковь, монастырь, Воскресение Лазаря, библейская фразеология); во-вторых, пропуск или изменение библеизмов при переводе (ассимиляция или исключение). Кроме того, можно отметить различия морфологические, семантические, синтаксические, возникшие в результате перевода.

Рассмотрение сложности и метода перевода библеизмов

Если заняться сравнением библеизмов в русском языке и их переводов на сербский язык, то можно прежде всего сделать вывод, что эти два языка существенно близки по своему происхождению и характеристикам. Однако различия языков могут привести к лексическим, лингвистическим, синтаксическим и грамматическим совпадениям при переводе, поэтому какими бы похожими ни были языки, мы можем столкнуться с большими или меньшими различиями при переводе. В. А. Маслова считает, что лингвокультурология является одной из наук, показывающих крайнюю связь языка и культуры, которая во многом может способствовать решению нашей проблемы. «Лингвокультурный предмет – это не только чисто национально-культурная информация, но и универсальная, например, закодированная в Библии, т.е. универсалии, присущие разным культурам. Нас интересует только культурная информация, характерная для определенного народа или близкородственных народов, например, православных славян» [Маслова 2004: 73].

Когда мы говорим о сложности перевода библеизмов, существует более широкий спектр причин. Одним из них является «признание» библеизмов, поскольку в большинстве случаев библеизмы употребляются не только без ссылки

на первоисточник, но иногда и в намеренно измененной форме (для достижения одной из целей автора – создания определенного стилистического оформления). эффект, или что-то еще – что переводчику необходимо раскрыть) – зачастую почти до неузнаваемости.

Однако мы можем как-то установить сравнение между русским и сербским языками, когда речь идет об использовании библеизмов и что больше всего приводит к затруднениям перевода. Например, в русских текстах все ссылки даются по синодальному изданию. Причиной этого может быть язык богослужения. Этот фактор особенно важен, поскольку он объясняет исторические и культурные предпосылки фиксации библейских высказываний. Литургия в России ведется на церковнославянском языке, как и в Сербии, в основном все богослужебные тексты ведутся на церковнославянском языке. В православной России изучение Закона Божия было обязательным во всех учебных заведениях на русском языке. С библейскими притчами, поговорками, афоризмами были знакомы даже простые, грамотные люди, просто учившиеся в сельских приходских школах, не говоря уже об интеллигенции, прекрасно знавшей библейские сюжеты. Сербское школьное право относится к аналогичному типу, учитывая, что религиоведение также преподается в сербских школах, где учащиеся знакомятся с библеизмами и многими библейскими текстами. На данный момент этого не замечается с обеих сторон, а значит, текст воспринимается несколько иначе, поскольку изменился общий культурный фон населения.

На основании всех сделанных выводов можно определить, что зачастую при переводе библейских текстов упор делается на адекватность перевода, а не на их эквивалентность. Перевод всегда будет зависеть от множества факторов, и различия между языками следует максимально сужать, по возможности отвергать или просто исправлять. Основной задачей при переводе библеизмов является идентификация конкретного библеизма, главным образом, по типам, перечисленным в его классификации.

Список источников

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Инетнет библиотека Алексея Комарова. [Электронный ресурс]. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=26> (Дата обращения 11.09. 2023).

Достојевски Ф. М. Злочин и казна. 2 тома: Прев. З. Црнковић / Невен*Панонија. Београд, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://biblija.rs/files/Biblija-cirilica.pdf> (Дата обращения 10.09. 2023).

Словари

Библијски речник / приред. протођакон Радомир Ракић. Београд: Златоусти, 2002. 335 с.

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка // Русская речь, 1993, №1. С. 90–98.

Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1994. 103 с.

Колесов В. В. Библизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб. Т. 1. 1995. С. 110–111.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208с.

Сергеев Е. В. Особенности употребления библизмов в русской поэзии XX в. // Лингвистические параметры художественного текста. Оренбург, 2010. С. 54–65.

M. Nikolich

Master of Philology of the Faculty of Philosophy
University in Nis (Serbia)

**BIBLICALISMS IN THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”
AND THEIR TRANSLATIONS INTO SERBIAN**

The article compares F. M. Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” and its translation into Serbian by Zlatka Crnkovic, examines how this translation meets and satisfies the requirements of the translation of the biblical texts of Dostoevsky’s novel. The article clarifies the meaning of the term Biblicalism, its characteristics; analyzes the biblicalisms, discusses the complexity and method of translating biblical texts.

Key words: biblicalism; translation; Serbian language; F. M. Dostoevsky.

Сун Бицзюнь
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
zoia.sun@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ И НОВАТОРСТВО: ПОВЕСТЬ «ЦАРЬ-РЫБА» В. АСТАФЬЕВА И ПОВЕСТЬ И РАССКАЗ «РЫБА» А ЛАЙ

В. Астафьева любят в Китае. Под его влиянием А Лай начал писать свои первые произведения, в том числе и повесть и рассказ «Рыба». В этих произведениях ощущается повторение тем отношений человека к традиции и отношений человека с природой, возникших в повести «Царь-рыба» Астафьева. В статье рассматривается различие в реализации морального воспитания и в художественном эффекте в повести «Царь-рыба» Астафьева и в повести и рассказе «Рыба» А Лай. Выясняется, что повесть «Рыба» образована также на сказочно-мифологической основе. Но в ней наказание всей семьи, которая нарушает табу, реализуется в сновидении. Рассказ «Рыба» характеризуется реалистическим стилем, где читатель ставится на место судьбы.

Ключевые слова: «Царь-рыба»; А Лай; нарушение запрета; сновидение; моральное воспитание; психологическое описание.

Введение

В. Астафьев является представителем русской деревенской прозы. Его творчество показывает красоту природы и диктует о принципах гармоничного сосуществования человека и природы. В конце XX в., когда Китай перешел из аграрного общества в индустриальное, где складываются более напряженные отношения между человеком и природой, произведения Астафьева, несомненно, привлекли большое внимание наших соотечественников. Лауреат пятой Литературной премии имени Мао Дунь, тибетский писатель, А Лай называет Астафьева своим «духовным отцом» (精神之父) и считает, что на его романы впервые повлиял именно Астафьев, автор «Царь-рыба» [Бай 2017]. В своем рассказе «Повторное посещение Горы Мицан» (《再访米仓山》) для собственной журнальной колонки он с легкостью цитирует отрывки из повести «Царь-рыба» о красоте природы, что лишний раз демонстрирует любовь А Лая к этому произведению.

Из любви к повести «Царь-рыба» в первые годы своего творчества А Лай обратил пристальное внимание на образ рыбы и последовательно писал повесть и рассказ под одинаковым названием «Рыба» в 1980-е гг.

Рыба во многих культурах имеет мифологический подтекст. Но в зависимости от «соответствующей среды обитания» [Тэн 1991: 49], мифологическое значение тоже разное. Для народов Северной и Северо-Восточной Азии, мир стоит на спине колоссального кита. В Индии считали, что бог Вишну в облике рыбы спас мир от потопа [Токарев 2008: 878].

Для тибетцев, жителей высокогорья, рыба также имеет таинственную силу. Они не едят, не ловят, даже не смотрят на рыбу, так как рыба связана со смертью и черными духами. Ведь «в Тибете практикуется погребение в воде: с помощью воды и рыбы растворяется оболочка души» [А Лай 2001: 206]. Тибеткой писатель Пубу в своей работе подтверждает, что согласно традициям религии Бенцао (苯教), «несовершеннолетние дети и скот, кормленный в доме, после смерти часто хоронятся в воде» [Пубу Цанцзуэ 2005: 93]. Черные духи приходят из того, что «совершая традиционные ритуалы тибетцы часто изгоняют призраков и прочей нечисти с земли, из жилищ и из глубины сердца в воду. Таким образом, рыбы в воде становятся хозяевами этих зловещих существ» [А Лай 2001: 206].

Образ рыбы у В. Астафьева и А Лай

В повести «Рыба» страх тибетцев перед рыбой еще обусловлен гадостной внешностью рыбы и ее грешностью. Древние тибетцы не знали, чем питаются рыбы, и предположили, что раз они живые и не имеют пищи, то должны постоянно мучиться от голода. Значит, «они должны быть животными, наказанными Небом из-за грубых грехов, совершенных ими в предыдущей жизни» [А лай 2001: 425].

Все вещи, напоминающие рыбу, приносят жителям деревни Кэ неприятное чувство. В повести «Рыба» ребенок по имени Докэ кусает Сяцзя за палец, когда последний берет его на руки. Такой милый поступок приводит Сяцзя, дядю ребенка в ужас из-за того, что «рот младенца без зубов напоминает рот рыбы, где не видно зубов» [А Лай 2001: 420]. Каждый раз Сяцзя смотрит на своего племянника, Докэ, у которого рыбы глаза, он как будто переживает очередной сердечный приступ, словно «потрогал змееподобную холодную рыбу своей рукой» [А Лай 2001: 421].

С таинственной рыбой всегда связана примета и табу, что часто является мотивом художественных произведений. «Отголоски» немотивированных запретов «имеют место и в “Царь-рыбе”» [Гончаров 2011: 208]. В поселке Чуш рыба является основной пищей и средством проживания местных жителей. А Царь-рыба, или большой осетр, это уже другое дело. О нем передается заповедь деда «А ешли у вас, робята, за душой што есь, тяжкий грех, срам какой, варначество – не вяжитесь с царью-рыбой. Попадется коды – отпущайте сразу» [Астафьев 1980: 154]. Таинственность царь-рыбы усиливает и ее необычный вид: «что-то редкостное, первобытное было не только в величии рыбы, но и в формах ее тела... на доисторического ящера походила рыбина...» [Астафьев 1980: 144]. Как «Царь-рыба», повесть «Рыба» тоже строена на мифологическисказочной основе. Нельзя заводить никакой связи с рыбой, носителем черных духов, и животным, совершившим грандиозные грехи.

В произведениях Астафьева и А Лай наблюдается мотив наказания за нарушение запрета. Царь-рыба является не только большой рыбой, но она же и «царский “кус”, на который соблазнились и претендуют недостойные» [Тимофеева 2010: 71]. Чтобы ее преследовать, Игнатъич нарушает традицию и заповедь, которой придерживаются старые рыбаки веками и наказывается физической силой царя-рыбы. А в повести «Рыба» А Лай, где речь идет о нарушении запрета одной

семьей, рыба подобна призраку в плаще, который совершает наказание путем таинственных табу и вещей сновидений. Рыба и судьба семьи Цзюцзю оказываются связанными, и каждое несчастье сопровождается необычным появлением рыбы в реальности или во сне. Упавшая с неба из лап орла на голову Цзюцзю рыба предсказывает смерть ее отца. А разрушение водоема полного рыбами в связи с ливнем – смерть ее сына.

Несчастье членов семьи Модо предсказывают либо их собственные сны, либо сны близких. После смерти отца Цзюцзю, ее двоюродный брат, Сяцзя увидел во сне, что его дядя, отец Цзюцзю, превратился в рыбу. Впоследствии брак Цзюцзю, назначенный отцом перед его смертью, стал полным несчастьем. Муж ее не любил, ушел от нее и погиб в пустыне. Ей пришлось хозяйствовать в почти разрушенной в результате революции семье.

Хотя все члены Модо видят сны о рыбе, различие в содержании сна предсказывает настоящую жизнь. После того, как друг мужа, бездомный Анван Чукэ, решил жить с семьей Цзюцзю, ей снится, как она в молодости купается в реке, и Сяцзя стоит на страже. Но ей кажется, что кто-то подглядывает. Анван Чукэ говорит, что подглядывающим был не кто иной, как он сам. Это предсказывает, что он войдет в семью и Цзюцзю примет его. Купание – это прелестное дело в жизни Цзюцзю. И действительно приход Анван Чукэ в эту семью приносит временное счастье. Он повидал мир и не тревожится за то, что Докэ любит смотреть на рыбу и имеет рыбы глаза. Он приносит в семью надежду и под его руководством всё в семье движется в хорошем направлении. Но в этом сне Цзюцзю видит рыбу, что предвещает их неудачный союз.

Сон также отражает подсознание и истинные чувства человека. После того, как Анван Чукэ стал членом семьи Цзюцзю, Сяцзя перестает восприниматься как мужчина. Он ведет себя так, как будто это изменение на него не повлияло. Но ночью он видит, что сам ищет рыбу в реке, что свидетельствует о его переживании и предвещает его самоубийство.

Жители деревни Кэ веками соблюдали заповедь предков и не нарушали запреты. Они мирно сосуществуют с рыбой и с природой. Но приходят люди, которые едят рыбу и рубят лес, что изменяет отношения некоторых местных жителей к природе и к запрету. После этого начинается ливень в этом месте. В повести наказаны все, кто предаёт свои убеждения. Рыбоглазый Докэ, его отчим Анван Чукэ, который давно начинает есть рыбу, и Сяцзя, который попробовал рыбный суп, падают в реку и погибают, река *«смешивает запахи всей горы и диких мест»* [А Лай 2001: 471]. Отличаясь от повести «Царь-рыба», где появляется мотив «река – спаситель-погубитель» [Тимофеева 2010: 74], в повести «Рыба» река наделяется функциями только губителя.

Очевидно, в этих произведениях Астафьев и А Лай демонстрируют уважением к традициям. Астафьев, представляя чушанских браконьеров, ставит перед необходимостью поверить в заговоры и приметы, в то, что они считают *«стариковскими брехнями»* [Астафьев 1980: 112]. «Жизнь, природа, Енисей пытаются вернуть их в русло духовных традиций народа» [Ковалева 2017: 212]; *«Единственное, что я хочу сделать, это найти уважительный дух в то время, когда социальная цивилизация прогрессирует и материальная жизнь становится все*

более и более изобильной. В тибетском фольклоре, в ностальгии, я нашел такой дух» [А Лай 2002]. Нарушение запрета и последующее наказание в обоих произведениях оказываются моральным воспитанием читателей.

Отличаясь от повести «Рыба», где большое внимание обращается на наказание людей, которые нарушают традицию, в своем одноименном рассказе А Лай показывал роль веры или табу, как правило человека в мирном сосуществовании с природой. Их отсутствие в человеческой душе приводит к невозвратимым следствиям и даже беспрецедентной человеческой катастрофе. В повести «Царь-рыба» также «при всей важности проблем экологии, охраны природы... задумается не над тем, куда девался песец или стерлядь, а над тем, что происходит с человеком» [Сапрыкина 2001: 265]. Оба они обращают внимание на то, что происходит и с самим человеком.

Игнатич независим и силен, всегда ко всем чушанцам «относился с некой долей снисходительности и превосходства» [Астафьев 1980: 136]. Он «почел азартом» «чалдонская настырность, самолюбство, жадность» [Астафьев 1980: 147]. Из жадности он хочет добиться того, что ему недостойно: «Соблазн богатством, вещами представляет собой один из распространенных пороков времени по мнению Астафьева» [Тимофеева 2010: 71]. В конце концов природа, в лице царь-рыбы дала ему важный урок. В этой повести Астафьев тщательно изображает психологическое изменение героя в борьбе с рыбой, показывая, как он превращается из амбициозного человека в человека, обретающего уважением к природе.

Изображение психологического изменения также характерно для рассказа «Рыба» А Лай. В этом рассказе хотя показан определенный «реальный опыт» [А Лай 2002: 3], но он скорее всего говорит о том, как современный человек совершает страшные поступки без веры и ничего не боясь, чем о «культурной ситуации, в которой находится писатель А Лай как культурный индивид в реальности культурной интеграции» [Чжэн 2006: 134].

В этом рассказе А Лай тщательно описывает, как герой из разумного человека становится сумасшедшем, и в результате творит большое зло. И при этом не чувствует ни капли вины, а наоборот считает себя жертвой. Сначала герой не хочет ловить рыбу и процесс рыбалки для него отвратителен. В глазах первой выловленной рыбы он видит «грусть» [А Лай 2001: 209] «покорность и печальность» [А Лай 2001: 210]. Это разумное отношение человека с гуманным мировоззрением к умирающему животному. В конце рыбалки тот человек превращается в человека «почти сумасшедшего» [А Лай 2001: 215], который рыбе кричит: «Давай, давай, сукин сын! Я вас не боюсь» [А Лай 2001: 215] и ловит рыбу тремя удочками, пока не кончился корм. Рыба для него перестает быть чем-то таинственным и жалким, а становится чем-то «толстым и ленивым» [А Лай 2001: 211]. Своей виной в бойне герой обязан рыбе: «Им просто нужно еще немного побороться, чтобы вернуться в воду» [А Лай 2001: 212], но они не двигаются или «Они стоят в очередь, чтобы получить свою смерть» [А Лай 2001: 214]. Страшна и мысль о том, что «ей (рыбе) хочется умереть, и хочется наложить грех лишения

своей жизни на других» [А Лай 2001: 214]. Таким образом, природа рыбы становится ее первородным грехом. Из-за такого безумия и страшной логикой, столько зла сотворил человек!

Как Игнатъич, герой рассказа «Рыба» совершил такое масштабное убийство не от голода и не при необходимости. Он просто вдохновился лозунгом эпохи и решил «преодолеть себя, преодолеть слабость своего темперамента, преодолеть нервозность и застенчивость перед незнакомыми людьми, преодолеть табу в своей культуре и в своей личности» чтобы стать «не победимым» [А Лай 2001: 213]. Автор рассказа с некоторой легкостью выдвигает лозунг эпохи. Абсурдность состоит в том, уважение к природе, уважение к жизни, любовь к людям, как раз, являются одними из основных элементов, которые делают нас людьми. Безо всякой боязни и запретов в душе, человек совершает то, что он хочет, тогда «реки царь и всей природы царь — на одной ловушке» [Астафьев 1980: 149].

Как заметил А. Н. Зелинский, рыба – это «символ потопа и крещения одновременно... потопа как гибели прежнего ветхого человека и крещения как возрождения его к новой жизни» [Зелинский 1996: 130]. После такой прямой встречи с рыбой Игнатъич в «Царь-рыбе» и герой в рассказе «Рыба» получают очищение в душе и становятся совсем другими людьми. После такой страшной бойни под грозой герой рассказа А Лай заплакал, вместе с небом, он плакал по тем причинам, «по которым должен плакать, а не плакал» [А Лай 2001: 216], за то, что человек творил перед природой и перед человечеством, за возможное исчезновение с Земли грибов, кипариса вследствие жадности человека.

Как и в повести «Царь-рыба» А Лай обличает пороки современного общества: лишение запрета на пути преследования богатства и бездумное действие. Игнатъич так и поймал Царь-рыбу, не одержал победу над природой, поэтому он наказан природой. И таким образом Астафьев вызывает у читателей уважение к природе. В рассказе «Рыба» А Лай фиксирует более реальное явление современного общества, где человек, вдохновленный лозунгом эпохи, побеждает самого себя и природу, при этом не несет никакого наказания. Зато в рассказе А Лая показано, до чего могла упасть мораль человека, если бы он не установил границы и запреты для себя. После чтения рассказа читатели невольно посмеиваются над абсурдностью эпохи и человеческим поведением. Моральное воспитание тайным образом совершается.

Как и Астафьев, А Лай в своих произведениях высказывает мнение о необходимости верности традиции и выражает волнение о моральном падении современных людей. Хотя эти произведения были созданы в разных странах и в разные времена, их идеи созвучны и заставляют нас много думать.

Список литературы

Астафьев П. В. Царь-рыба. М., Советский писатель, 1980. 340 с.

Гончаров П. А., Гончаров П. П. Сказочно-мифологические истоки «Царь-рыбы» В. П. Астафьева // Пушкинские чтения. 2011. № 16. С. 204–210.

Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. М.: Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря: Гос. предприятие КНИСС. 1996. 77 с.

Ковалева А. М. Сибирский характер в книге «Царь-рыбы» В. П. Астафьева как модификация русского национального характера. Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2017. С. 208–212.

Сапрыкина Т. В. Природные образы-символы в повествовании в рассказах В. П. Астафьева «Царь-рыбы». Мир науки, культуры, образования. 2011. С. 265–269.

Тимофеева Н. В. Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь-рыбы». Вестник АГТУ. 2010. С. 71–75.

Токарев С. А. «Мифы народов мира» // Рыба. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. 2008. 671 с.

А Лай Сборник сочинений А Лая: рассказы и повести. Пекин: Народная литература. 2001: 588 с. (阿来. 阿来文集: 中短篇小说卷. 北京: 人民文学出版社. 2001: 588页)

А Лай лауреат литературной премии имени Мао Дуня. Китайский этнос. 2002. (阿来: 茅盾文学奖得主阿来[J]. 中国民族. 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://iel.cass.cn/ztpd/ddlt/zjda/200610/t20061012_2762943.shtml. (Дата обращения: 27.09.2023).

Лай Становится полным с каждым днем. Издательство литературы и искусства НОАК. 2002. 349 с. (阿来. 就这样日益丰盈. 解放军文艺出版社. 2002. 349页).

Бай Линь Все, что мы любим в еде, и все, что мы любим в людях, – это наша боль. Еженедельник книжного обозрения NJB. 2017. (柏琳. 我们热爱的一切食物和一切人, 都是我们的痛苦[N]. 新京报书评周刊. 2017). [Электронный ресурс]. URL : https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NTUxOTc4Mw==&mid=2650460044&idx=1&sn=e5422e097fc0a4945542d0148eafefa0&chksm=bef923c4898eaad238544b2cb9d08151616a165acfe23b2f7ef30e97e41311524854a43de416&scene=27 (Дата обращения: 27.09.2023).

Тэн И. А. Философия искусства. Аньхойское издательство литературы и искусства. 1991. 202 с. (丹纳. 艺术哲学. 安徽文艺出版社. 1991. 202页)

Пубу Цанцзуэ Краткое введение в психологический роман А Лая «Рыба». Литературное обозрение. 2005. С. 92–94. (普布仓决. 浅谈阿来的心理小说《鱼》. 文学评论, 2005: 92-94页).

Чжэн Цзинру Трудность преодоления культурных табу – культурная интерпретация «Рыба». Исследование этнической литературы, 2006. С. 134–137. (郑靖茹. 跨越文化禁忌的艰难—《鱼》的一种文化解读. 民族文学研究, 2006: 134-137页).

Song Bijun

Postgraduate Student of Philological Faculty

Perm State University

**INFLUENCE AND INNOVATION: NOVELLA “THE TSAR-FISH” BY V. ASTAFIEV
AND THE NOVELLA AND STORY “FISH” BY A LAI**

V. Astafiev is loved in China. Under his influence, A Lai began to write his first works, including the novella and short story *fish*. In these works readers can feel the repetition of the themes of man's relations with tradition and man's relations with nature, concerning in the story *Tsar Fish* by Astafiev. The difference in the realization of moral education and in the artistic effect in the story *Tsar-fish* by Astafiev and the novella and short story *Fish* by A Lai is considered. It turns out that the novella *Fish* is also formed on a fairy-tale and mythological basis. But in it the punishment of the whole family who violates the taboo is realized with the help of dreams. The story *Fish* is characterised by a realistic style where the reader is put in the place of a judge.

Key words: *Tsar-fish*; A Lai; violation of taboo; dreams; moral education; psychological description

Алина Витальевна Сухоставская
магистрант филологического факультета
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
suhostavskaaalina25@gmail.com

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Статья посвящается исследованию фольклорно-мифологического контекста романа Т. Толстой «Кысь» сквозь призму построения анализируемого произведения на бинарной оппозиции *мира* и *антимира*, свойственной народному миропониманию. Заявленная проблема рассматривается на примере системы персонажей в романе, в полной мере отражающей интересующее нас противопоставление. В работе приведен тщательный и детальный анализ образов исследуемого произведения через призму традиционных понятий и представлений о мире, позволяющий сделать выводы о важности для идеи и сюжетной составляющей романа принадлежности того или иного персонажа к одной из вышеуказанных категорий.

Ключевые слова: фольклорно-мифологический контекст, бинарная оппозиция, система персонажей, художественный мир романа.

Введение

Роман Т. Толстой «Кысь» интересен в качестве объекта исследования с точки зрения анализа его художественного мира, созданного по модели В. В. Головина и О. Р. Николаева «построение космоса» [Головин, Николаев 2013: 34]. Ключевым аспектом данной модели является создание авторской мифологической картины мира, проявленное в произведении как бинарное противопоставление двух миров, а именно, мира людей и мира демонов.

Исследуя соответствующую бинарную оппозицию, свойственную народному миропониманию, следует обратить внимание на систему персонажей в романе. В первую очередь это касается жителей г. Федор-Кузьмичска. Противопоставление *старого мира прежних* и *нового мира голубчиков* сопоставимо с противопоставлением *мира людей* и *мира нелюдей*. Представленный в анализируемом произведении мир после Взрыва демонизируется. Соответственно, жители Федор-Кузьмичска могут быть разделены на две категории – *люди* и *демоны*.

Люди и демоны в романе Т. Толстой «Кысь»

Прежние в художественном мире романа характеризуются как люди и имеют соответствующий визуальный облик, поведение, воспоминания. Сохраняя свою человеческую сущность, они вступают в конфронтацию с *голубчиками*. Люди, оказавшиеся в мире демонов, продолжают вести привычный образ жизни, ср.:

«А она [мать Бенедикта – прим. А. С.] другой раз: а давайте, говорит, запрем их, пусть дома сидят, круглый год нам яйца несут. Ну?! Щас, удержишь их! Давай, лови за ноги! Ключом тебе в лоб дадут, да и вся недолга! А то еще:

а жаль, говорит, что их есть нельзя: я бы курочку с удовольствием покушала. Смех и грех; тятя так смеялся!» [Толстая 2020: 30];

«Дак этот Никита Иваныч начал по всему городку столбы ставить. У своего дома на столбе вырезал: “Никитские ворота”. А то мы не знаем. Там, правда, ворот нет. Сгнивши. Но пусть. В другом месте вырежет: “Балчуг”. Или: “Полянка”. “Страстной бульвар”. “Кузнецкий мост”. “Волхонка”. Спросишь: Никита Иваныч, вы чего? А он: чтоб память была» [Толстая 2020: 30–31].

Согласно сюжетам народной мифологической прозы, людям, попавшим в *антимир*, не свойственно принимать ирреальность. Они продолжают подсознательно существовать в реальном мире: *«Бабушка вот сказывала. В старинное время в Звереве поругались мать с дочкой. Мать-то и говорит: “Провалиться бы тебе, – говорит, – в преисподнею”. Она и исчезла. Искали, ее, искали, не нашли. А звать ее в ту пору стали Матрешка-Прокляненыш. Через неделю поехали в Гагино в Какинский лес и слышат – плачет в лесу кто-то. Смотрят – девочка. “Девочка, ты откель?” – “Я от мамы”, – говорит. “А кто, – говорят, – тебя принес?” – “Какие-то черные дяденьки. И я здесь хожу”. – “Чаго ты кушаешь?” – “Хлебец”. Посмотрели, а в кармане навоз. Ну, взяли оне ее и стали возить по селам и спрашивать, чья девочка. Доехали до Зверева, там ее и признали. “Эта, – говорят, – Матрешка-Прокляненыш”. Она и рассказывала потом: “Меня возили черных два мужика, кормили, всякую дрянь таскали. Говорили – хлебец. А это не хлебец, а мусор”. Вот ведь как было»* [Мифологические рассказы 2007: 202 (№ 845)].

Сопоставляя данную быличку с сюжетом романа, следует отметить схожесть в поведении прежних в пространстве Федор-Кузьмичска с поведением человека, попавшего в *антимир*. Так же, как девочка принимала навоз за хлебец, *прежние* принимают *антиеду* за еду из реальности – например, стремление матери Бенедикта съесть мясо курицы, руководствуясь воспоминаниями о еде из мира людей. Однако мясо курицы в мире демонов является *антиедой* и непригодно к употреблению: *«Клим Данилыч так-то вот покушал курочку: и где он теперь? Мало, что сам помре, да как помре: весь черный стал, раздулся как колода и лопнул; да мало того: у его на могиле вся земля осемши и проваливши, и огни там бродят нехорошие, холодные, и вонь такая, что два раза посылали мужиков песком могилу-то завалить, а все по-прежнему»* [Толстая 2020: 30].

Никита Иваныч также не принимает свое существование в *антимире*, намеренно пытаясь сохранить прежние названия улиц, возвращая пространство Федор-Кузьмичска в пространство Москвы. Являясь Главным истопником, он пользуется различными привилегиями, в том числе руководя *голубчиками* на раскопках музейных артефактов. *Голубчики* во всем слушают *прежнего*, хотя и недолюбливают его, однако их мир узок настолько, что противоречить человеку, стоящему выше по социальной иерархии, они не смеют: *«Ну, голубчики спервоначалу озлобились – страсть. Утром встанешь, глаза продерешь, а у тебя перед самым окном орясина торчит: “Арбат”. Свету в окошке и так мало, зимой, с пузырьрем, и того меньше, а тут, понимаешь, арбат этот как срамной уд на свадьбу собрамышь. Ну и выворотят его к такой-то матери: на растопку пустят*

или полы латать. Человеку озлиться долго ли: палец покажи, он и озлился. Никите Иванычу по шеям не накладаешь: начальство, а соседнему голубчику – с нашим удовольствием» [Толстая 2020: 31].

Говоря об остальных *прежних*, голубчики не понимают их языка, поведения и культуры, т. к. наделены «последствиями», отсылающими читателя к образам демонов, узнаваемым признаком которых является звериная атрибутика [Антонов, Майзульс 2011: 37]. Например: «А кто после Взрыва родился, у тех Последствия другие, – всякие. У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает, что никаких Последствий нет, разве к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода расти учнет до самых до колен. Или на коленях ноздри вскочат» [Толстая 2020: 16-17].

Наиболее характерными чертами представителей мира демонов среди голубчиков обладает семья Кудеяровых. Ярко выраженное противопоставление миру людей также подкреплено звериной атрибутикой, а именно, наличием когтей, и свечением глаз: «Бенедикт не выдержал, локтем кусок хлеба нарочно со стола спихнул, и нагнулся, будто поднять. А под столом – ноги тестя в лаптях. А сквозь те лапти – когти, длинные такие, серые, острые. И теми когтями он пол под лавкой скребет <...>. Посмотрел – и у тещи когти. И у Оленьки. У Оленьки поменьше будут» [Толстая 2020: 171].

Однако не все герои романа четко разделены на две категории. Следует отметить разнонаправленность образа главного героя романа – Бенедикта, в характеристике которого сочетаются черты *прежних* и *голубчиков*, это связано с его происхождением [Богданова, Ли Цзюнь 2016: 22]. Бенедикт оказывается на периферии принадлежности к обоим мирам (реальному и ирреальному), т. е. является гибридом человека и демона (гибридность как слияние двух и более объектов при сохранении свойств их исходных частей свойственна фольклорной традиции славян [Злыднева 2014: 8]).

В первую очередь гибридность Бенедикта проявляется в его внешних чертах. С одной стороны, он похож на людей: «У Бенедикта вот никаких Последствий отродясь не было, лицо чистое, румянец здоровый, тулово крепкое, хоть сейчас женись. Пальцев – он считал – сколько надо, ни больше ни меньше, без перепонок, без чешуи, даже и на ногах. Ногти розовые. Нос – один. Два глаза. Зубы – что-то много, десятка три с лишним. Белые. Борода золотая, на голове волосья потемней и вьются. Тож на животе. На титьках тож. Пуп – где и должен быть, в аккурат посередке» [Толстая 2020: 34–35]. С другой стороны, наличие у него скрытого «последствия» – хвостика, – признака, по которому в традиционной сельской культуре определяли принадлежность к классу ведьм, свидетельствует в пользу его демонической природы: «Оно ж все на виду. Вот руки, ноги, пуп, титьки, уд срамной, вот пальцы все, на руках и на ногах, – и все без малейшего изъяну! А сзади, конечно, чему быть? – сзади зад, а на заду – хвостик. А теперь Никита Иваныч говорит: у людей хвостика нет и быть не должно! А?! Так что же это, Последствие?!» [Толстая 2020: 151].

Гибридность образа Бенедикта (антропоморфность + зооморфность) следует в большей степени расценивать как принадлежность миру демонов, чем

миру людей. Сошлемся в этой связи на исследование Д. И. Антонова и М. Р. Майзульса, полагающих, что одним из главных признаков демонического существа является наличие в его внешнем облике звериных элементов [Антонов, Майзульс 2011: 37]. Также следует отметить стремление главного героя вернуться из гибридного состояния к человеческой сущности. Попытка очеловечивания [Цзюнь 2016: 35] происходит при добровольном избавлении от хвоста: «*“Ладно, – сказал Бенедикт. Бросил окурок, затер лаптем. – Хрен с вами, Никита Иваныч. Рубите хвост”*». *И лег поперек лавки*» [Толстая 2020: 181].

Кроме вышеприведенных противопоставленных друг другу образов *людей* и *демонов* (*прежних* и *голубчиков*) в романе присутствуют так называемые *перерожденцы*, являющиеся переходным звеном от *прежних* к *голубчикам*. Согласно сюжету романа, до Взрыва данный вид жителей Федор-Кузьмичска был частью мира людей, а уже после случившейся трагедии, заняв в социальной иерархии самую низкую ступень, стал использоваться в качестве тяглого скота, постепенно утрачивая человеческий облик и характер: «*Домчит до рабочей избы и встанет как вкопанный на все четыре ноги, только мохнатые бока ходуном ходят: хы-хы, хы-хы. А глазами так и ворочает, так и ворочает. И зубы скалит. И озирается...*» [Толстая 2020: 6].

Квадропедализм, полипилическое строение тела и зооморфное поведение отражают демоническую природу образа *перерожденцев*. Как и *голубчики*, данные жители Федор-Кузьмичска принадлежат именно локусу *антимира*. Их переход из *мира людей* в *мир демонов* показан Толстой с помощью монологов перерожденца Терентия: «*Расплодились, бя! Два процента вам быть велено!.. чтоб у трудового народа на шее не засиживался!.. Кто все мясо съел? Эпштейн! А?! Сахар скупили, а мы белое из томат-пасты гони, да? Так?.. Гитлер ты! Жириновского на тебя нет!*» [Толстая 2020: 259]. Приведенный монолог *перерожденца* свидетельствует о его прежней жизни в *мире людей* в качестве деградировавшего члена советского общества. Перейдя в *мир демонов*, *перерожденцы* обретают последствия, выраженные в звериной атрибутике.

Выводы

Всех жителей Федор-Кузьмичска следует разделить на две противопоставленные друг другу категории, которые, согласно народному миропониманию, являются представителями двух миров – *людей* и *демонов*. Исключением следует признать главного героя романа – Бенедикта. По ходу развития сюжета изначально гибридный персонаж, в котором соединились оба мира, совершает грехопадение и окончательно порывает с *миром прежних* (= *людей*), к которым принадлежала его мать, к которым он изначально тянулся: «*Тесть смеялся, качал головой, разминал затекшие пальцы, погасил в глазах свет – только красноватые огни перебежали в круглых глазницах. “А ты в воду-то помотришь... В воду-то... Хе-хе-хе... Самая ты кысь-то и есть... Бояться-то не надо... Не надо бояться... Свои все, свои...”*» [Толстая 2020: 337].

Список литературы

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М.: Индрик, 2011. 384 с.

Богданова О. В., Ли Цзюнь Образная система романа Т. Толстой «Кысь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–3 (58). С. 22–26.

Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорных взаимодействий в русских литературных текстах нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. М.: ГРЦРФ, 2013. С. 16–54.

Злыднева Н. В. К типологии гибридности: человек-птица в поэтике авангарда // Гибридные формы в славянских культурах: Сб. статей / отв. редактор Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 8–18.

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с.

Ли Цзюнь Анализ образа Оленьки Кудеяровой в аспекте остранения на материале романа «Кысь» Т. Толстой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–1 (63). С. 343

Толстая Т. Н. Кысь. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020.

A. V. Sukhostavskaya

Master Student of Philological Faculty
Moscow State University

SYSTEM OF CHARACTERS IN T. TOLSTAYA'S NOVEL "THE SLYNX"

This article is devoted to the study of the folklore and mythological context of T. Tolstaya's novel «The Slynx» through the prism of constructing the analyzed work on the binary opposition of *the world* and *the anti-world*, characteristic of the folk worldview. The stated problem is examined using the example of the system of characters in the novel, which fully reflects the opposition that interests us. The work provides a thorough and detailed analysis of the images of the work under study through the prism of traditional concepts and ideas about the world, allowing one to draw conclusions about the importance for the idea and plot component of the novel of a particular character belonging to one of the listed above categories.

Key words: folklore and mythological context; binary opposition; system of characters; artistic world of the novel.

УДК 821.1 61.1

Варвара Глебовна Стрельникова
магистрант Санкт-Петербургской
школы гуманитарных наук и искусств
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
vgstrelnikova@edu.hse.ru

СУДЬБЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СЛУЧАЙ «ЛЕВАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» АЛЕКСАНДРА ГОЛЬДШТЕЙНА

В статье рассмотрена концепция «левантийской литературы», разрабатываемая Александром Гольдштейном и другими русско-израильскими авторами в 1990 г. в Тель-Авиве. Она предполагает объединение русскоязычных авторов Израиля и дальнейшее создание мультикультурного объединения национальных литератур вокруг Средиземноморья, которое становится в текстах Гольдштейна особым хрономом. В статье предложено рассмотрение этой концепции в контексте постсоветского переосмысления русской литературы или «русских литератур», а также предпринята попытка объяснить, как с этим контекстом связано переосмысление пространственных и темпоральных координат, которое «левантийская литература» подразумевает.

Ключевые слова: левантийская литература, Александр Гольдштейн, постсоветская литература, постсоветская субъектность, русско-израильская литература.

Введение

В 1997 г. выходит сборник статей Александра Гольдштейна «Расставание с Нарциссом: опыты поминальной риторики», который завершается автофикциональным текстом неопределенного жанра «Тетис, или средиземная почта». Тетис – это древний океан, остатками которого являются три современных моря: Средиземное, к которому Гольдштейн переехал в возрасте 34 лет, Чёрное, очерчивающее южную водную границу Империи, на окраине которой он провел большую часть жизни, и Каспийское, у которого жил с детства и до 1990 г. Сборник посвящен прощанию с советской культурой, которое сопровождается воспроизведением ее истории, часто неочевидной. От В. В. Маяковского до Э. В. Лимонова Гольдштейн, эпизод за эпизодом, формулирует те особенности, которые, с его точки зрения, исчерпывают советскую культуру, самой важной из которых является ее нарциссичность, автоканнибализм, как его назвал Кирилл Корчагин [Корчагин 2013: 534].

Но история русской литературы в «Расставании с Нарциссом» на самом деле заканчивается не Э. В. Лимоновым, а автором ближайшим к Гольдштейну географически и хронологически – С. Мельниковым – и его неоконченной и, разумеется, пропавшей рукописью, которая начинается «с развернутого острозубетного эссе, пародирующего романы Умберто Эко», где в результате неудачного (или, напротив, слишком удачного) спиритического сеанса оживают писатели прошлых эпох вместе с локациями, в которых они жили [Гольдштейн 2011:

321]. Лукиан и Кавафис путешествуют по Александрии и всему Средиземноморью, которое оказалось центром жизнотворчества и Гольдштейна. С. Мельников продвигал идею «левантийской литературы», географически находящей свое место в названных выше локусах, а темпорально – в будущем, когда авторы, оказавшиеся на берегах Средиземного моря (в частности, конечно, подразумевались русско-израильские авторы Тель-Авива, где Гольдштейн жил после 1991 г.) смогут создать общину и «сознать себя» «литераторами Средиземноморья» [Гольдштейн 2011: 300].

Координаты «левантийской литературы»

«Левантийская литература» существовала не только в мечтаниях С. Мельникова: речь шла о конкретном сообществе русско-израильских авторов. Например, эту же идею развивает А. Бараш в «Средиземноморской ноте» [Бараш 2002]. В основе идеи «левантийской литературы» лежит объединение авторов в первую очередь не по национальному, языковому, стилистическому или идеологическому признаку, а по географическому. «Заброшенному» на края Империи и периферию мировой литературы (по крайней мере, в его представлении о карте оной) Гольдштейну такая концепция позволяет перевернуть культурные координаты таким образом, чтобы в новом их положении его собственное место и место русско-израильских авторов оказалось видимым и значимым. «Левантийскую литературу», как кажется, можно считать попыткой обрести идентичность в историческом нарративе, который на протяжении XX века дважды прерывался и начинался заново для жителей территорий, которые когда-то были закреплены за Российской Империей и СССР. В «Расставании с Нарциссом» конец Советской Империи показан как соединение «разъятого хроноса» [Корчагин 2013], для кого-то же он оказался новым «разрывом». Так или иначе, очередная реорганизация государственных границ катализировала процесс создания новых концепций русскоязычной литературы, в том числе в бывших советских республиках (например, хорошо известна «ферганская школа»), о деколонизации которых начали писать только в 2000 гг., что позволило говорить о новой волне фрагментации того, что было единой (с редкими ответвлениями) «русской литературой». Разрыв ощущался не только пространственно, но и темпорально. Вот как М. Тлостанова рефлексировала над собственным опытом постсоветской субъектности: «I suddenly felt that for us, the holders of such passport, the very passage of time had changed. The sea of time almost palpably went around us and left us behind, discarded in some cases as if we were fish suffocating on a dry, sandy shore» [Tlostanova 2018: 8].

Необходимость содружества, коммуны, толчком к созданию которой могла послужить «левантийская литература», вероятно, диктуется определенной культурной изоляцией. «Расставание с Нарциссом» получило две литературные премии, на вручение которых Гольдштейн возвращался в Москву, оно же сделало его узнаваемым и заметным автором в «культурной метрополии», откуда его «слава» уже дошла до израильского литературного сообщества, как вспоминает Г. Морев [Александр Гольдштейн: взгляд с окраин империи 2023]. Однако проект «левантийской литературы» захватывает локусы, выходящие далеко за

пределы метрополии, в которой Гольдштейн получил признание, и даже напротив, подразумевает разрыв с ее традицией. При этом попытка интеграции в израильское литературное поле, как показывает Э. Вайсбанд, была не слишком удачной: переводы его текстов на иврит вызывали недоумение израильских критиков, да и иврит Гольдштейн едва ли выучил за годы жизни в Тель-Авиве [Waysband 2018: 258]. Таким образом, складывается ситуация двойного разрыва: географического – с метрополией и культурного – с местом жительства. Это пограничное положение постоянно рефлексировалось Гольдштейном: *«мы промежуточная группа без надлежащего самосознания»* [Гольдштейн 2011: 301]. Путем к обретению чувства принадлежности могла оказаться литература, которая на локальном уровне предполагала объединение израильских авторов, пишущих по-русски, а на глобальном – встраивание их коммунального труда в большую литературу Средиземноморья, которую должен ждать ренессанс.

Конечно, разрыв с метрополией должен подкрепляться собственными эстетическими и идейными установками. В первую очередь, речь шла о преобразовании русского литературного языка, для которого пограничное положение, безусловно, оказывалось скорее плюсом, чем минусом: *«Русская пресса Израиля стала фабрикой новых эмоций и нового языка: бедная дочь Сиона в одеянии из кириллицы, наша речь распахнула себя каждому, кто о том вымолвил хотя бы словечко, и, конечно, правильно сделала, потому что целомудрие ей было отнюдь не по возрасту»* [Гольдштейн 2011: 301]. Производство нового языка посредством лингвистической гибридизации оказалось важной стратегией формирования новой литературы на всем постсоветском пространстве. Например, М. Тлостанова показывает, как в русскоязычных текстах Узбекистана находит отражение не язык бывшей метрополии, а узбекский русский, созданный путем как лексического, так и грамматического и фонетического соединения двух языков [Тлостанова 2004: 320].

«Фабрикой» нового языка была, в частности, газетная культура «русского Израиля», которая, по мнению Гольдштейна, оказалась намного более значительной, чем русскоязычная литература, которая представлялась ему совершенно нежизнеспособной. Газеты же были свидетельством жизни группы, чье потенциальное бесследное исчезновение с печалью и даже некоторым отчаянием допускает Гольдштейн: *«Если всю эту гору бумаги не сведут воедино, не опишут и не изучат <...> ничего не останется, память исчезнет, а с ней заодно и община, обреченная жить без истории и даже без мифологии, как одичавшее племя»* [Гольдштейн 2011: 301]. Установка на правдивость, искренность литературы, ее глубоко аффективную связь со своим автором нашла выражение также в концепции «литературы существования», о которой написана последняя глава «Расставания с Нарциссом». Эта литература продолжает линию эго-документов, отсылая к авторам «потерянного поколения» эмиграции, и теоретических концепций Л. Гинзбург. Такой *«журнал коллективного самоописания, включающего в себя хронику текущих событий, дневники метафизических странствий, толкования сновидений, фобий и фантазмов, рассказы о всякой всячине»* должен был носить название «Средиземье» [Гольдштейн 2011: 318]. Название его воз-

вращает нас к тому же локусу «средних» земель, отделяющих Африку от Евразии, Север от Юга, которые должна была объединить «левантийская литература».

Предстающий в своих автофикциональных текстах европоцентричным человеком Гольдштейн остро чувствовал как разрыв с европейской культурой, который последовал за формированием нарциссичной советской культуры, так и свою географическую отстраненность от нее. Он прожил большую часть жизни в Баку, и, переехав в Тель-Авив, с опасением наблюдал его выраженную «неевропейскость». В эссе «Нашествие», вызвавшем, по понятным причинам, особенно негативную реакцию со стороны израильского литературного сообщества, Гольдштейн описывает, как место, которое, по его мнению, могло стать новым убежищем европейской культуры (угрозу которой он по какой-то причине видел везде), становится культурно и этнически все более гетерогенным. Эссе завершается лирическим вопрошанием: *«Тают последние европейские огоньки ашкеназской души. Так неужели должны мы ускорить кончину и, приняв филиппинцев, малайцев, тайцев, китайцев, раньше срока упасть в азиатскую ночь?»* [Гольдштейн 2001: 26]. Кажется закономерным то, что «застрявший» на Востоке и постоянно устремленный на Запад Гольдштейн предлагает модель литературной цивилизации, которая буквально прокладывает путь от его локации на Запад: левантийская литература, отказываясь от старого представления о центре литературного мира и его перифериях, создает новую систему координат, в которой в одном пространстве сосуществуют Европа, Азия и Африка, но лишь те их части, что омываются Средиземным морем.

Тем не менее, от наложения географических координат на литературный мир Гольдштейн не отказывается, а лишь перерисовывает на них «центр» и «периферию». В этом воспроизводстве модернистских «воображаемых географий» [Саид 2021], совмещенном с выраженной ориентализацией Востока, Э. Вайсбанд видел приверженность колониальным законам Гольдштейна и авторов, продвигающих идею «левантийской литературы» [Waysband 2018]. К использованию базовых колониальных дихотомий (Восток – Запад, Юг – Север) прибавляется еще одно обстоятельство – в Израиле частью глобальной Средиземноморской литературы должна была стать именно литература на русском языке. У Мельникова, на самом деле вымышленного персонажа, через которого транслировались определенные установки Гольдштейна, вызывала интерес, если не некоторый восторг, идея *«родной речи, звучащей на территориях, отнюдь не безусловно для нее предназначенных», «возможность появления анклавной русской литературы посреди древне(ново?) – еврейского Леванта, литературы, написанной упрямыми выходцами из литературоцентричной страны»* [Гольдштейн 2011: 293]. При этом разрыв с метрополией предполагает и «создание новой культурно-географической перспективы», придание нового содержания русскому слову: *«нечто областное, почвенное, страшно далекое, очень еврейское, то есть, возможно, враждебное русскому и не желающее с этим русским иметь никакого дела, прогретое библейским солнцем, просоленное средиземноморскими волнами, <...> – это «нечто» написано на чистом русском языке»* [Гольдштейн 2011: 294].

Русская литература, по мнению А. Эткинды, была чуть ли не единственным успешным инструментом культурной гегемонии, в которой Россия преуспела значительно меньше, чем в экономическом доминировании [Эткинды 2022: 267]. Однако, отказываясь от литературной традиции, русско-израильская литература не просто сохраняет русский язык, но выводит его на передний план, видит особый интерес в «судьбе» русского слова, его неожиданном положении. В то же время язык – это не менее важный инструмент культурного доминирования. Он, с одной стороны, служит инструментом национальной экспансии («Человеческий разум принадлежит тому народу, чей язык употребляет» [Эткинды 2022: 258]), а с другой – определяет сам дискурс, что, в соответствии с теорией Г. Спивак, запрещает все попытки выйти за пределы культурных координат, продиктованных этим языком [Spivak 1988]. Интересно, что выбор языка как важного элемента как культурного, так и национального самоопределения озвучивает и С. Мельников: *«Я счастлив изъясняться по-русски в мавританских стенах нашей анекдотической советской Академии ислама. Мог бы объясниться по-тюркски, но не желаю. Поверьте, не из колонизаторской спеси, куда там, русские подчинены местным национальным исправникам, но из спеси культурной, пускай даже производной от случившегося в незапамятные времена акта насилия»* [Гольдштейн 2011: 292]. Закономерным образом, выведение русского языка в качестве инструмента встраивания Тель-Авива в «ожерелье средиземноморских столиц» вытесняет литературу на иврите из «левантийской литературы».

В формулировках о продолжении жизни языка в «чужом, не русском геофологическом мире» просвечивает еще одна цель проекта «левантийской литературы». Сообщество писателей, «сознающих себя литераторами Средиземноморья», должно было стать не просто творческим объединением, а *«новой средиземноморской литературной церковью»*, которая связана в «Тетисе» с ожидаемым ренессансом литературы, создаваемой в Средиземноморье [Гольдштейн 2011: 299]. Через эту цепочку *«русская словесность доказала бы правомерность своих максималистских притязаний»* [Гольдштейн 2011: 293]. С. Мельников не раз озвучивает, что «левантийская литература» может послужить инструментом культурной экспансии русского слова, а «выход» к морю *«стал бы исполнением заповедных травматических интенций нашей культуры»* [Гольдштейн 2011: 297]. Сочетая церковную образность с претензией на возрождение культуры (пусть и локальной), «левантийская литература» получила черты, свойственные утопическому мессианизму, занимающему важное место в русской культурной традиции. В частности, «левантийская литература» описанными выше тенденциями напоминает «греческие проекты» Екатерины II и Ф. И. Тютчева [Геллер, Нике 2003: 63, 123], однако православие заменяется литературой.

Выводы

Хотя Средиземноморье – место вполне существующее, предельно географически близкое к Гольдштейну, дистанция все же присутствует, но не географическая, а хронологическая. Центром новой литературной церкви должна была стать Александрия, а само по себе пространство вокруг Средиземного моря представлялось скорее наслоением всех культурных пластов прошлого, подобное

тому, как в утраченном труде Мельникова вернулись к жизни и начали сосуществовать не только авторы, но и все места их жительства, расположенные в прошлом. Однако амбиции «левантийской литературы» направлены в будущее – туда, где когда-то, по неназванным причинам, сможет возникнуть община авторов, которая послужит началом ее становления. Таким образом, из литературного проекта полностью исключается настоящее, за счет чего приближение к этому локусу оказывается невозможным.

Стремление к мультикультурности и фиксация на русском языке создают напряжение между универсальным и элитистским, космополитичным и национальным, в пространство между которыми проваливается Средиземноморье. Средиземноморье Гольдштейна – особый пространственно-временной континуум, в котором прошлое переносится в будущее, а географическое пространство реформируется, деконструируя старые отношения периферии и центра. Этот утопический хронотоп, как кажется, позволяет избежать выбора между упомянутыми точками напряжения и создает альтернативное историческое пространство, цельное и одновременно разнородное по своей природе. Мы можем предположить, что создание такого альтернативного хронотопа позволяет уйти от отвергнутой постсоветского субъекта «сломанной истории», какой она переживается Гольдштейном в 1990 гг., а также преодолеть разрыв с местом эмиграции, задав ему новые культурные координаты.

Список литературы

Александр Гольдштейн: Взгляд с окраин империи, 2023 // Подкаст «Аудиофикшн». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FvBdQxIHbj0> (Дата обращения: 27.09.2023)

Бараиш А. Средиземноморская нота: Стихотворения. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2002. 80 с.

Геллер Л., Нике М. Утопия в России / пер. с фр. Булатовский И. В. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 360 с.

Гольдштейн А. Аспекты духовного брака. М.: Новое Литературное Обозрение, 2001. 320 с.

Корчагин К. Разъятый хронос // Русская проза. 2013. Вып. V. С. 526-534.

Саид Э. В. Ориентализм. М.: Garage, 2021. 560 с.

Глостанова М. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: УРСС, 2004. 416 с.

Хорошая литературная маниакальность (Беседа Александра Гольдштейна и Ильи Кукулина о русской прозе 1990-х) // Новое Литературное Обозрение, 2001. №5. С. 280–287.

Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.

Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / Ed. by C. Nelson, L.U. Crossberg. Urbana: University of Illinois, 1988. P. 271–316.

Tlostanova M. What does it mean to be post-Soviet? : decolonial art from the ruins of the Soviet empire. Durham: Duke University Press, 2018. 145 p.

Waysband E. Alexander Goldstein's "Tethys or Mediterranean Mail": A Russian-Israeli Levantine Literary Idea Reconsidered // *Ab Imperio* no. 4, 2018, pp. 253–280.

V. G. Strelnikova

Master Student of School of Arts and Humanities

National Research University "Higher School of Economics"

**DESTINY OF POST-SOVIET RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE:
THE CASE OF ALEXANDER GOLDSTEIN'S "LEVANTINE LITERATURE"**

The article examines the concept of "Levantine literature", developed by Alexander Goldstein and other Russian-Israeli authors in 1990s in Tel Aviv. It involves the unification of Russian-language authors in Israel and the further creation of a multicultural association of national literatures around the Mediterranean, which becomes a special chronotopos in Goldstein's texts. The article proposes a consideration of this concept in the context of the post-Soviet rethinking of Russian literature or "Russian literatures", and also attempts to explain how the rethinking of spatial and temporal coordinates that "Levantine literature" implies is connected with this context.

Key words: Levantine literature, Alexander Goldstein, post-Soviet literature, post-Soviet subjectivity, Russian-Israeli literature

УДК 398.49; 398.324; 82-311.1

Ксения Александровна Шмакова
студент филологического факультета
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
ksushiania@gmail.com

ФОЛЬКЛОРИЗМ ПОВЕСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ТАМАНЬ»

Статья посвящена изучению особенностей фольклоризма повести М. Ю. Лермонтова «Тамань», составной части романа «Герой нашего времени». Лермонтовский текст рассматривается на основе прагматического направления изучения фольклоризма. В работе анализируются мифологические хронотопные и персональные архетипы, позволяющие объяснить, почему повесть, в событийном плане хронологически начинающая романский нарратив, помещена автором в центральную (кульминационную) часть текстового пространства.

Ключевые слова: Лермонтов; «Тамань»; фольклоризм; архетип; инициация; мифологический персонаж.

Введение

В науке о фольклоре проблема фольклорно-литературных связей (или фольклоризма) была поставлена еще в XIX в. Однако в последнее десятилетие в изучении данного вопроса наметилось новое – прагматическое – направление. Оно учитывает тот факт, что у читателя в отношении фольклорной составляющей авторского текста есть предзнание, глубина которого зависит от степени собственного владения фольклорной традицией. И хотя в литературе, в отличие от фольклора, коммуникативный акт носит не контактный, а дистантный характер, художественный замысел произведения все равно реализуется на пересечении двух интенций – авторской и читательской. Подключение последней, по мнению В. В. Головина и О. Р. Николаева, происходит по девяти возможным прагматическим моделям, которые «могут сосуществовать в одном тексте» [Головин, Николаев 2013: 51]: чем больше моделей использует автор, тем очевиднее фольклоризм созданного им текста.

Мифологемы в повести «Тамань»

Подтверждением сказанному может служить повесть М. Ю. Лермонтова «Тамань», входящая в состав романа «Герой нашего времени». Судьба Печорина – «лишнего» человека, не способного стать *своим* среди *чужих*, с которыми его сталкивают жизненные обстоятельства, именно в этой повести обретает сходство с судьбой героя мифологических рассказов, не сумевшем пройти посвященный обряд инициации. Не случайно в художественном мире «Тамани» без особого труда можно отыскать рецепции нескольких видов мифологических архетипов: пространственных (дом на границе жилой ойкумены, море, лодка), временных (ночь), персонажных (русалка, разбойник, слепой/глухая).

Хронотопические мифологемы предстают уже в самом начале произведения и указывают на опасность и чужеродность мира, в котором в силу обстоятельств оказывается герой. О своем прибытии в Тамань в дневнике он сообщает так: «...я приехал на перекладной тележке поздно ночью. <...> *Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища*» [Лермонтов 1957: 249-250]¹. С ночным временем оказываются связаны и все последующие ключевые события повести, что вряд ли можно считать случайностью. В словаре «Славянские древности» отмечается, что в «основе аксиологии суточного времени лежит кардинальная оппозиция день ночь. <...> день трактуется как время благоприятное для человека и всех его дел, ночь – как время неблагоприятное и опасное, не принадлежащее человеку, находящееся во власти “злых” (потусторонних) сил» [Славянские древности 2012: 213]. Инфернальной семантикой в фольклоре наделена и луна – ночное небесное светило, «...в народных верованиях устойчиво ассоциирующееся с загробным миром и областью смерти» [Славянские древности 2004: 143]. Неслучайно молодая контрабандистка, которую Лермонтов называет ундиной (т. е. русалкой), представ перед Печориным в дневное время суток, закрывает лицо от солнца – «источника дневного света, тепла и жизни» [Славянские древности 2012: 101].

События «Тамани» разворачиваются не просто на окраине городка, но на границе суши и моря, которое в мифопоэтической картине мира и текстах, ее репрезентирующих, предстает как «первичная и вечная природная стихия; символ безграничного пространства, отдаленного от людей края земли <...> чужой, опасный мир, граница между “тем” и этим светом» [Славянские древности 2004: 299]. При этом дом, в котором селится Печорин, – это, скорее, антидом, поскольку он не наделяется писателем привычными атрибутами и характеристиками «жилого пространства человека, символа семейного благополучия и богатства» [Славянские древности 1999: 116]: «*из хаты повеяло сыростью*» [250], «*на стене ни одного образа – дурной знак*» [251].

В подобных удаленных от основного поселения жилищах традиционно жились маргинальные члены сельских сообществ (кузнецы, мельники, «знаткие» – знахари и колдуны) или люди отвергнутые, обретшие в глазах односельчан статус *чужого*. Инаковость временного пристанища Печорина нарочито подчеркивается Лермонтовым его «неправильной» локацией: оно стоит на краю обрыва, от стен ведет крутой спуск к морю [250]. Таким образом, водная среда, постоянно окружающая героев рассматриваемого произведения, является «привычным местом для появления <...> душ хтонического облика» [Виноградова 2000: 93].

Немногочисленные персонажи повести, за исключением главного героя, без особого труда укладываются в систему инфернальных архетипов, обитающих в *чужих* пространствах. Слепой мальчик – первый, с кем сталкивается Печорин в таинственном доме на краю обрыва у моря. Уже при первой встрече он не выказывает к нему сочувствия, словно чувствуя его природную инаковость (подобным образом воспринимают его и жители городка: «*Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой... уж видно, здесь к этому привыкли*» [254]). Слепой не имеет собственного имени: к примеру, ундина обращается к нему, указывая на его главный внешний признак

(«Ты бредишь, слепой» [252]). И здесь уместно вспомнить, что в традиционных культурах имя считалось одной из главных сущностей человека, что отразилось в поверье о том, что судьба дается по имени. Соответственно не нареченный именем не считался полноценным человеком (до крещения новорожденный ребенок – чертенок).

«Особость», маргинальность персонажа еще больше оттеняется имеющимся у него физическим недостатком – слепотой, «которая воспринимается как знак принадлежности к иному миру, к сфере смерти» [Славянские древности 2012: 46]. И именно он выполняет функцию проводника, который приводит Печорина к месту встречи контрабандистов (данный образ функционально можно сравнить с образами бабы-яги и избушки на курьих ножках в волшебных сказках). «Граничный» статус слепого подчеркивается и его двуязычием: с чужаком Печориным он ведет беседу на малороссийском наречии, а со своими (контрабандистами) говорит на чисто русском.

«Нечистый» статус временного прибежища Печорина оттеняется еще одним персонажем – глухой старухой. Ее физическая аномалия также традиционно связывается с потусторонним миром.

И все же связь лермонтовского текста с фольклорной традицией наиболее очевидна в образе юной контрабандистки, во внешности и действиях которой легко отыскать следы одного из самых популярных мифологических персонажей – русалки/ундины, «появляющейся в летнее время в виде длинноволосой женщины в злаковом поле, в лесу у воды, способной зачекотать человека насмерть или утопить в воде» [Славянские древности 2009: 495]. Сначала она проявляет себя, не вступая в непосредственный контакт с главным героем, оттого внешние ее характеристики не очерчены писателем четко. Впервые сталкиваясь с ней во время ночной бури, Печорин видит только «белую фигуру» возле воды [252]. Увидев ее днем ясно, осязаемо, герой не может освободиться от первоначального впечатления от девушки, как от иномирного существа («...звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с **распущенными косами**, настоящая русалка» [252]), поскольку «распущенные и непокрытые В[олосы] считались также характерным признаком персонажей нечистой силы» [Славянские древности 1995: 423]. Неслучайно само появление ундины именно на крыше дома, где остановился Печорин: для мифологических персонажей характерно появление «на периферийных, пограничных местах» [Виноградова 2000: 42].

Все дальнейшие поступки и характеристики девушки укладываются в знаковый набор иномирных обитательниц вод: песня, которую она поет, является не только рассказом о том, что произошло ночью, но и своеобразным заговором; её движения порывисты и скачкообразны, сопровождаются смехом, загадочными улыбками: «...в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное» [256] (а глаза, согласно народным поверьям, – это «орган зрения, при помощи которого <...> человек может повлиять на судьбу человека» [Славянские древности 1995: 500]).

Речь девушки также необыкновенна: она разговаривает с Печориным, прибегая к языку иносказаний, для понимания которых от адресата требуется включенность в потаенный мир и культуру контрабандистов [Галиева 2015: 17]. Во время ответа на последний вопрос со стороны ундины звучит явная угроза в случае непослушания: «Много видели, да мало знаете, так держите под замочком» [257] (здесь уместно вспомнить, что именно русалкам «приписываются нравоучительные реплики и запретительные формулы, адресованные человеку» [Славянские древности 2009: 498]).

Таким образом, многочисленные намеки Лермонтова на русалочью сущность героини, разбросанные по повести, подготавливают и делают неизбежной форму разрешения конфликта в кульминационном эпизоде – попытке утопить Печорина ночью во время морской прогулки (напомню, что потопление человека – одна из главных функций русалки). Неслучайно он происходит на лодке, которая является «мифологизированным транспортным средством, связующим мир живых с “тем светом”» [Славянские древности 2004: 128] (см. подробнее об этом в [Анучин 1890]). Борьба посреди моря является важной не только физически, но и символически: Печорин не позволяет переместить себя в иной мир. Именно поэтому в этом эпизоде ундина сравнивается с животными, которые являются типичными представителями потустороннего мира: змеей, «фокусирующей в себе все характерные особенности гадов» [Славянские древности 1999: 333-334] и кошкой, в ипостаси которой «предстают души умерших» [там же: 638].

Что касается последнего из контрабандистов – Янко, то нам о нем известно менее других. В отличие от ундины и слепого у него есть имя, которое является одной из южных форм имени Иван, что означает «бог милует» [Суперанская 2005: 115]. При первом рассмотрении этот факт не сочетается с образом контрабандиста, но, как известно, в фольклорной традиции образ разбойника амбивалентен: «С одной стороны Р[азбойник] предстает как жестокий грабитель и убийца <...>, с другой – как благородный мститель, борец за свободу» [Славянские древности 2009: 391].

Выводы

Особенность фольклоризма повести «Тамань» состоит в том, что события, вполне допустимые в реальности, передаются Лермонтовым путем апелляции к мифологическому (воображаемому, фантастическому) дискурсу. Они, с одной стороны, позволяют противопоставить героев (Печорин vs ундина, слепой, старуха, Янко), а с другой, показать противоположность их миров и невозможность преодоления существующих меж ними границ. Многократные попытки Печорина стать *своим* среди *чужих*, предпринимаемые в других повестях, вошедших в роман «Герой нашего времени», в наиболее очевидной форме предстали именно в повести «Тамань», отчего, в событийном плане хронологически начинающий романский нарратив, она помещена Лермонтовым в центральную (кульминационную) часть текстового пространства.

Примечания

1. Далее ссылки на издание *Лермонтов М. Ю. Сочинения: Проза. Письма. В 6 т. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1957. 900 с.* даются с указанием страниц в квадратных скобках.

Список литературы

Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда: М.: тип. и словолит. О.О. Гербек, 1890. 146 с.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Галиева М. А. Фольклоризм прозы М. Ю. Лермонтова: постановка вопроса. Повесть «Тамань» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4 (22). С. 15–20.

Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. М.: ГРЦРФ, 2013. С. 16–54.

Кононенко А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Харьков: Фолио. 2013. 798 с.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: Проза. Письма в 6 т. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1957. 900 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 1. 1995. 584 с. Т. 2. 1999. 702 с. Т. 3. 2004. 704 с. Т. 4. 2009. 656 с. Т. 5. 2012. 736 с.

Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. (От А до Я). М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

К. А. Shmakova

Student of Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University

FOLKLORE OF THE STORY OF M. U. LERMONTOV "TAMAN"

The article is focuses on studying the folklore features of the M.U. Lermontov's story "Taman" – the component of the novel "A Hero of Our Time". Lermontov's text is studied on the basis of the pragmatic direction of studying folklore. There is an analysis of mythological chronotopic and personal archetypes which help to explain why this story, which chronologically starts the novel narrative in the event plan, is placed in the central (culminating) part of the text space.

Key words: Lermontov; "Taman"; folklore; archetype; initiation; mythological character.

СТИЛИСТИКА. ДИСКУРС. ТЕКСТ

УДК 81'42

Инна Анатольевна Дорогушкина
студент факультета иностранных языков
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им Н. П. Огарёва
inna.dorogushkina@yandex.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В МАССМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ США

Статья посвящена исследованию культурно-маркированной лексики в англоязычной газете США «The New York Times». Данная лексика рассматривается, как инструмент для создания образа определенной страны, ее функции комментируются. В статье представляется существующая классификация реалий и частотность употребления их различных видов. Актуальность работы заключается в том, что рассмотренная газета является репрезентацией культуры страны в условиях настоящего времени.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика; реалия; маркеры иностранной культуры; топонимы; СМИ.

Введение

Культурно-маркированная лексика является ключевым понятием при создании образа определенной страны. Такая лексика хранит в себе историю, культуру, быт, традиции, обычаи, национальные особенности, менталитет и др. Многие лингвисты и теоретики перевода [Томахин 1988; Влахов, Флорин 2009; Виноградов 1978] и др. занимались определением, изучением и классификацией данного пласта лексики. С.И. Влахов и С.П. Флорин определяют реалии, как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в другом языке, и следовательно, не поддаются переводу на “общем основании”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 2009: 17]. Зарубежные лингвисты также предлагают свое понимание культурно-маркированной лексики. Английский профессор П. Ньюмарк интерпретирует культурно-маркированные единицы как явления материальной и социальной культуры, жесты, привычки и др. [Newmark 1988: 95].

Особое место среди разных видов культурно-маркированной лексики занимают реалии, определяемые как лексемы, обозначающие предметы или явления материальной культуры, которые связаны с историей, бытом и этнонациональными особенностями определенного народа.

Существует большое количество определений понятия *реалия*. Обращаясь к словарю лингвистических терминов О. А. Ахмановой, мы можем встретить два определения. Согласно первому, реалии – это «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Ахманова 1966: 370]. Второе значение термина – «предметы материальной культуры» [Ахманова 1966: 370]. Первое определение значительно расширяет границы термина, которые в настоящий момент не определены строго, несмотря на повышенный интерес исследователей к рассматриваемому явлению.

Среди классификаций слов-реалий выделяют тематическую, синтаксическую, по временному признаку и др. Так, одна известная тематическая классификация, опирающаяся на семантический фактор, принадлежит Г. Д. Томахину. Согласно его теории, реалии делятся на 2 основные группы:

- 1) Антропонимы;
- 2) Топонимы.

Топонимы, в свою очередь делятся на следующие слова-реалии:

1. Этнографические;
2. Общественно-политические;
3. Географические;
4. Реалии духовной жизни общества [Томахин 1988].

Культурно-маркированная лексика в американской прессе

Медиадискурс фиксирует окружающую среду такой, какая она есть на самом деле, с ее культурной обусловленностью, он также ориентирован на настоящее, формируя национальное самосознание. Исследуемый текст газетной прессы «The New York Times» содержит в себе большое количество культурно-маркированных слов, отражающих самобытность американской культуры, описывая вещи и события, участвующие в повседневной жизни американцев, что является обширной культурной информацией для исследования данной лексики и самой культуры США. М. Н. Володина считает, что СМИ, информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня [Володина 2008: 17].

Реалии духовной жизни общества наиболее полно раскрывают культуру определенного народа, подчеркивая национальную специфику. Реалии такого типа показывают достаточно точную картину и процессах, протекающих в определенное время. Такие лексические единицы описывают жизнь афроамериканцев в прошлом, в настоящее время афроамериканцы составляют 12.5% от всего населения США: «*To date, it has collected more than \$6 million for the excavation and reconstruction of the First Baptist Church, home to one of the earliest **Black congregations** in the United States (founded in 1776), and more than \$8 million for the restoration of the **Bray School**, which educated free and enslaved Black children in the 1760s and '70s*» [Gachman 2023].

Для пространственного погружения в определенные места, указанные авторами статей, используются *географические реалии*, отражающие образы городов, штатов США. Топонимы в данном случае точнее передают мир, добавляя те самые отличительные черты местности, а конкретно целой страны, позволяют читателям легче понять определенную информацию из текста:

- «...with the goal of recreating **Virginia's 18th-century colonial capital**, down to each historically correct brick and nail» [Gachman 2023];
- «That raises the dramatic stakes since she did, in fact, have to leave her home in **Kalamazoo, Mich.**, for the emergency room» [Gachman 2023];
- «Driving to San Jose takes about half an hour; **Palo Alto, Sunnyvale and Cupertino** are even closer» [Serratore 2023];
- «**ALBANY, N.Y.** – Minimum wage workers in **New York City** will get a pay bump for the first time in five years» [Ferré-Sadurní, Ashford 2023].

Чтобы описать образ жизни американцев, их быт, авторы употребляют названия газет, которые считаются очень популярными в США, баскетбольные команды, которыми славится данная страна, различные передачи, телевизионные каналы и компании, названия магазинов. Эти реалии знакомят нас с жизнью американцев и позволяют лучше передать повседневную атмосферу их жизни:

- «Writing in **The New York Times** in 1963, the architecture critic **Ada Louise Huxtable** called it a “superbly executed vacuum”» [Gachman 2023];
- «...her work as one of the writers on its **HBO** follow-up» [Gachman 2023];
- «I watch all the “dudes arguing about sports” shows, and my favorite guys are the ones on **TNT**» [Gachman 2023];
- «All these old, dead, raunchy comedians and **Eddie Murphy's “Raw” and “Delirious”** helped shape my humor as much as anything I've read» [Gachman 2023];
- «I appreciate a crisp (unnecessary) lineup, but it's not like I'm in the **N.B.A.**; literally no one cares if I don't have an expertly crafted hairline» [Gachman 2023];
- «**Rengstorff Park**, which has tennis courts, a picnic area and a community center, is 10 minutes away on foot, and a shopping center with a **Target** and a **Trader Joe's** is a five-minute drive» [Serratore 2023].

Для создания особенностей жизни, встречаются *реалии, описывающие жилье в США*. В данном примере используются слово-реалия *condo*, являющаяся сокращением от *condominium*. Это тип жилья в США, которое разделено на блоки между людьми так, что у человека есть как своя территория, так и та, которую приходится делить с соседями: тренажерный зал, прачечная, террасы, залы для встреч и конференций и др. Считается, что такое жилье больше подходит молодым людям, которые готовы делить свою территорию с кем-то другим и жить в шумной части города. Данная описательная реалия дает больше представлений о жилищных условиях американцев: «We felt like the outliers, buying a **condo** in the city» [Cohen 2023].

Еще одна реалия *subsidized housing* встречается на страницах газеты, что представляет собой жилье, на которое идет снижение стоимости для людей с низкими доходами. Данный пример затрагивает экономическую политику США, иллюстрируя различные нюансы жизни: «The only major housing policy development

was a \$391 million injection in rental assistance that could help residents in public and other types of subsidized housing» [Ferré-Sadurní, Ashford 2023].

Для воссоздания характерных особенностей органов власти и политических партий выделяются *общественно-политические реалии* в текстах СМИ. Они несут в себе функцию маркеров иностранной культуры, позволяя детально углубиться в общественное устройство жизни страны: «*The current direction also has strong board support, according to Carly Fiorina, the business executive and former Republican presidential candidate, who became the chair in December 2020»* [Gachman 2023].

Передача самобытности культуры передается с помощью *исторических «вставок»* в тексте, маркируя определенные события, которые повлияли на жизнь и развитие страны, а также здания архитектуры. Они, в большей мере передают настоящее того или иного народа, так как оно неразрывно связано с событиями прошлого. Таким образом, у читателей формируются определенный образ страны:

- «*Mall, home to the Liberty Bell and the National Constitution Center. Begin at Independence Hall, as the nation did, inside the steepled Georgian-style building where the founding fathers debated and signed the Declaration of Independence and the Constitution (and where the basement once served as the city dog pound)»* [Williams 2023].

- «*Past the Betsy Ross House, where the first American flag was said to have been sewn»* [Williams 2023].

Отобранные примеры из американской газеты «The New York Times» показывают следующую статистику использования культурных реалий:

1. Географические реалии – 33%
2. Реалии духовной жизни общества – 49%
3. Общественно-политические реалии – 6%
4. Этнографические реалии – 12%

Выводы

Проанализировав лексемы с культурным компонентом в американской прессе «The New York Times», можно прийти к следующим выводам.

Наиболее частотными в использовании являются *реалии духовной жизни общества* (49%), наиболее редкими в использовании были замечены *общественно-политические реалии* (6%), что связано с тем, что реалии *духовной жизни общества* находят свое отражение в искусстве, культуре, образовании, спорте, и статьи из данных тематических блоков преобладают на страницах данной газеты.

Присутствие культурных единиц в тексте несет в себе несколько важных функций для читателя: они участвуют в создании национального колорита, подчеркивают национальную специфику, знакомят с бытом определенного народа, также описывают национальные особенности и формируют пространственное погружение в иноязычную культуру. Благодаря данным единицам формируется уникальный образ страны, в данном случае США.

Исследование культурных реалий в иноязычных текстах СМИ является особенно ценным в аспекте межкультурной коммуникации, так как использование культурно-маркированной лексики направлено на отображение реальной действительности, понимание другой культуры и адекватное ее восприятие реципиентом.

Список источников

Serratore A. \$1.9 Million Homes in California // The New York Times 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/16/realestate/2-million-dollar-homes-california.html> (Дата обращения: 16.05.2023)

Gachman D. Samantha Irby Knows How to Trick You Into Thinking She's Cool // The New York Times 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/13/arts/samantha-irby-quietly-hostile.html> (Дата обращения: 14.05.2023)

Williams I. K. Philadelphia // The New York Times 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2023/04/27/travel/things-to-do-philadelphia.html> (Дата обращения: 01.05.2023)

Cohen J. Two First-Time Buyers Find Their Nest in Queens. Which Option Did They Choose? // The New York Times 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2023/05/11/realestate/one-bedroom-apartment-astoria-queens.html> (Дата обращения: 11.05.2023)

Ferré-Sadurní L., Ashford G. How New Yorkers' Lives Will Be Altered by the \$229 Billion State Budget // The New York Times 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/02/nyregion/budget-hochul-bail-housing.html> (Дата обращения: 02.05.2023)

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. URL: <https://www.klex.ru/j3t> (дата обращения: 10.09.2023)

Володина М. Н. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 760 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2009. 328 с.

Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 173 с.

Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.

Newmark P. A. Textbook of Translation. London/New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.

I. A. Dorogushkina

Student of Foreign Languages Faculty

National Research Ogarev Mordovia State University

**THE USE OF CULTURE-SPECIFIC LEXIS
IN THE MASS MEDIA DISCOURSE OF THE USA**

This article analyzes culture-specific lexis in the English-language US newspaper "The New York Times". This lexis is considered as a tool for creating an image of a certain country, there are comments on its functions. The article presents the existing classification of realia and the frequency of use of their different types. The relevance of this article lies in the fact that the mass media is a representation of the culture of the country in the present conditions.

Key words: culture-specific lexis; realia; foreign cultural markers; toponyms; mass media.

УДК 81'255.281'373.2

Анастасия Сергеевна Ковалёнок
студент факультета медиатехнологий
Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения
nastiok.op@gmail.com

СЮЖЕТНО-ОБРАЗНОЕ РЕШЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ АФИШ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ ФРАНЦИИ

В период президентской избирательной кампании рекламные плакаты направлены на привлечение внимания электората. Долгое время рекламные афиши французских президентских выборов были стереотипными. Самым распространенным вариантом сюжета было улыбающееся лицо кандидата. Чаще всего использовался бюстовый формат изображения политика и сине-голубой цвет. У французов синий цвет ассоциируется с морем, а море – с родиной. На афишах кандидаты изображались дружелюбными, улыбающимися. Креативный подход позволил создать уникальные афиши на последних выборах президента страны в 2022 г. Яркие плакаты наполнились красивыми вербальными и визуальными метафорами. Однако оригинальность рекламных афиш не обеспечила победу кандидатам в президенты Франции.

Ключевые слова: политическая реклама; афиша; слоган; президент; кандидат; Франция; сюжет.

Введение

Высшей государственной должностью во Франции является президент. После принятия новой, пятой по счету, Конституции в 1958 г. французский политический режим стали называть «президентской» («пятой») республикой. Французы выбирали руководителя страны 11 раз [Ткачева 2023: 46].

В период выборов рекламные политические плакаты играют очень важную роль. Как правило, любая реклама практически всегда жестко запрограммирована на достижение конкретного результата – изменений в сознании реципиента [Панкратова 2023: 556]. Рекламные афиши массово распространяются в СМИ, размещаются на баннерах, чтобы привлечь внимание избирателей и оказать воздействие на их выбор.

Политический плакат представляет собой рекламное изображение со слоганом в виде лозунга или призыва. Современная политическая реклама ориентирована на людей с эмоционально-образным мышлением. Такое мышление носит иррациональный, чувственный характер, при котором человек воспринимает информацию яркими образами. Рекламные тексты и изображения создаются не на рациональном, а на эмоциональном восприятии. Рекламные политические афиши намеренно наполняются красивыми вербальными и визуальными метафорами, чтобы легко и надолго запоминаться.

Особенности рекламных афиш кандидатов в президенты Франции

В статье приводятся результаты анализа сюжетно-образного решения рекламных афиш кандидатов в президенты Франции с 1965 по 2022 гг.

В первой президентской кампании пятой республики в 1965 г. участвовал герой французской нации генерал Ш. де Голль. Он много ездил по стране, активно выступал по радио и телевидению, обращался к представителям различных социо-профессиональных групп и возрастных категорий. Генерал всячески подчеркивал свою заинтересованность в величии Франции и благополучии всех французов. В предвыборных выступлениях Ш. де Голль подчеркивал верность политическим традициям и необходимость «сохранить достигнутое». Генерал утверждал, что будущее Франции может быть гарантировано только благодаря его умелому руководству: «В противном случае, и никто не может в этом сомневаться, она сразу же рухнет» (цит. по [Атакишиева 2022: 8]).

В предвыборной гонке 1965 г. политическим слоганом Ш. де Голля стала фраза *“J’ai sept ans, laissez-moi grandir”* («Мне семь лет, позвольте мне повзреть»). Многие отмечают особую привлекательность рекламной афиши Ш. де Голля, которая навсегда осталась в политической истории страны [Крючкина 2017: 64]. В центре плаката изображена девочка во фригийском колпаке, которая доверчиво протягивает руку мужчине в генеральском пиджаке (рис. 1). Девочку можно принять за Марианну (символ Французской республики), а мужчину – за генерала Ш. де Голля. Плакат многозначен. Картинка, нарисованная детской рукой, отсылает к фреске Микеланджело «Сотворение Адама». Ш. де Голль лично принимал участие в разработке конституции Пятой республики, одобренной на референдуме в 1958 г. В 1965 г. французская Пятая республика праздновала свое семилетие. Слоган и афиша стали очень популярными в период избирательной кампании, а Ш. де Голль стал первым президентом Пятой республики, избранным всенародно.

Рис. 1. Ш. де Голь, 1965

Рис. 2. В. Жискар д'Эстен, 1974

Как правило, эмоциональное воздействие на получателя информации усиливается благодаря образованию в рекламе разнообразных интертекстуальных связей [Сахарова 2021: 90]. В 1974 г. В. Жискара д'Эстен принимал участие в президентских выборах с предвыборным лозунгом *“La paix et la sécurité”* («Мир и безопасность»). На рекламной афише кандидата были изображены беседующие В. Жискара д'Эстен и девушка лет шестнадцати (рис. 2). В 1974 г. Пятая республика отмечала своё шестнадцатилетие. Постер политика – это аллюзия на рекламный плакат Ш. де Голля 1965 г. Девушку на плакате политика также можно принять за Марианну (символ Французской республики). Возможно, рекламная афиша с замечательной визуальной метафорой повлияли на электоральный выбор французов, поскольку В. Жискара д'Эстен был избран президентом страны.

Афиши последующих президентских выборов во Франции были стереотипными, неоригинальными. Обычно агитационные плакаты включали: 1) бюстовый формат изображения кандидатов, когда голова человека оказывается в центре афиши; 2) изображение в анфас, когда кандидат смотрит на зрителя, или изображение кандидата, смотрящего в сторону или находящегося среди других людей [Швая 2019].

Часто обсуждается политическая афиша Н. Саркози *“La France Forte”* избирательной кампании в 2012 г. (рис. 4). На плакате Н. Саркози изображен в профиль на фоне моря, освещенного восходящим солнцем. Данный плакат метафоричен. Н. Саркози – это капитан, надежно управляющий своим кораблем под названием «Франция» [Чекалина 2015: 44]. Уместно добавить, что море для французов имеет сакральное значение ещё и потому, что слова *‘la mer’* (море) и *‘la mère’* (мама) омонимичны.

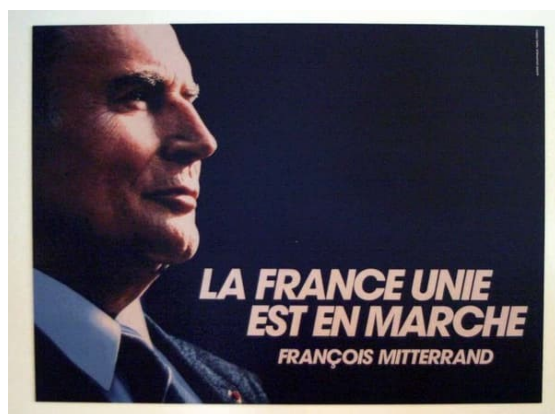

Рис. 3. Ф. Миттеран, 1988

Рис. 4. Н. Саркози, 2012

В политическом плакате цвет приобретает особую символику. Во французских афишах доминируют синий и голубой цвета (рис. 3). Считается, что голубой цвет – один из самых любимых французами, потому что он ассоциируется с миром, спокойствием, уверенностью [Чекалина 2015: 44]. Возможно также, что у французов синий цвет ассоциируется с морем, а море, как было упомянуто выше, ассоциируется с родиной, Францией.

Кроме того, все кандидаты на афишах выглядят дружелюбными, добрыми, улыбающимися, позитивными. Улыбающиеся политики транслируют благожелательность, чуткость, альтруизм.

На выборах руководителя Франции в 2022 г. в визуальной рекламе появилась тенденция ухода от шаблонных сюжетно-образных решений. Появились креативные, нестандартные, оригинальные плакаты.

В 2022 г. в президентской избирательной кампании участвовала Марин Ле Пен – лидер ультраправой националистической партии «Национальное объединение» (“Rassemblement National”). Повсеместно был распространен оригинальный рекламный плакат, где отсутствовало изображение М. Ле Пен (рис. 5). В центре афиши был помещен слоган белого цвета на синем фоне “*M. la France!*” («Люби Францию!»). В слогане буква *M* изображена в сине-бело-красной цветовой гамме, аналогичной цветам государственного флага Франции и логотипу партии «Национальное объединение». Буква *M* обозначает имя Марин. Если произносить французскую букву *M*, то будет звучать французский глагол ‘*aimer*’ (любить) в повелительной форме: “*Aime!*” («Люби!»). Отсутствие фигуры политика и интересная языковая игра в слогане делают постер необычным и уникальным.

Также на выборах в 2022 г. участвовал Э. Макрон. Он одержал победу в выборах главы государства. Довольно шаблонный плакат претендента на президентский пост изображал улыбающегося и смотрящего на зрителей политика, одетого в синее пальто (рис. 6). Э. Макрон символизировал лидера, за которым идут люди. Политик обратился к народу со слоганом “*Avec vous*” («С вами»). Слоган подчеркивал неразрывность и единство кандидата и французского народа.

Рис. 5. М. Ле Пен, 2022

Рис. 6. Э. Макрон, 2022

Выводы

Долгое время во французских агитационных плакатах использовались бюстовый формат изображения кандидатов и сине-голубой фоновый цвет. На наш взгляд, креативный подход, который был использован в предвыборной кампании М. Ле Пен, позволил создать уникальные, нестандартные политические агитационные плакаты, построенные на чисто эмоциональном восприятии, однако не гарантировал претенденту победу в выборах президента Франции.

Список литературы

Атакишиева Д. Г. Президентская кампания 1965 года во Франции: особенности проведения и мотивы голосования избирателей // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 2. С. 1–15.

Крючкина Ю. К. Особенности современных слоганов кандидатов в президенты в российской и французской политической рекламе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (772). С. 64–68.

Панкратова С. А. Особенности образного компонента в современном медиадискурсе (на примере англоязычной комедии “The Joneses” (Семейка Джонсонов)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2. С. 555–559.

Сахарова М. И. Креолизованные тексты в англоязычном политическом дискурсе // Филологическое образование и современный мир. Материалы XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Чита, 2021. С. 88–91.

Ткачева А. Н. Лингвокультурологические особенности рекламных слоганов кандидатов в президенты Франции // Лексикографическая копилка. Сборник научных статей. Под научной редакцией В.В. Гончаровой. Санкт-Петербург, 2023. С. 46–53.

Чекалина Т. В., Шапошник Н. А. Современная французская политическая слоганистика (лингвистический аспект) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6-2. С. 43–46.

Швая А. Ю. Визуальный дискурс президентских выборов во Франции: иконографический анализ официальных афиш кандидатов // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 134–155.

A. S. Kovalenok

Student of Faculty of Media Technologies

Saint-Petersburg State Institute of Film and Television

PLOT-SHAPED SOLUTION OF ADVERTISING POSTERS OF CANDIDATES FOR THE FRENCH PRESIDENCY

During the presidential election campaign advertising posters are aimed at attracting the attention of the electorate. For a long time, the advertising posters of the French presidency were stereotypical. The most common version of the plot was the smiling face of the candidate. Most often the bust format of the politician’s image and the blue color were used. The French associate blue with the sea, and the sea with the motherland. On the posters the candidates were depicted as friendly, smiling. The creative approach allowed to create unique posters for the last presidential elections in 2022. Bright posters were filled with beautiful verbal and visual metaphors. However no originality of the advertising posters secured victory for the French presidency candidates.

Key words: political advertising; poster; president; candidate; France; plot.

УДК 808.51

Александра Михайловна Козлова
студент факультета иностранных языков
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
aleksandra.kozlova2105@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДЖ. БАЙДЕНА

Цель статьи заключается в описании стилистических приемов реализации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе, в частности предвыборном дискурсе Дж. Байдена. Как показало исследование, коммуникативные замыслы Дж. Байдена реализуются благодаря использованию широкого спектра стилистических приемов. Статья посвящена исследованию таких стилистических средств, как метафора, эпитет, лексический повтор и противопоставление. Эти стилистические приемы помогают политике в достижении поставленных коммуникативных задач.

Ключевые слова: политический дискурс; коммуникативные стратегии; метафора; лексический повтор; эпитет; противопоставление.

Введение

Исходя из современных реалий, предвыборный политический дискурс вызывает все больший интерес у исследователей различных областей. С точки зрения лингвистики, данный феномен еще не до конца изучен, кроме того, в свете повышенного интереса к политическому взаимодействию изучение коммуникативных стратегий, используемых в предвыборной практике, представляется необходимым. Актуальность исследования коммуникативных стратегий в предвыборном политическом дискурсе обусловлена рядом причин. Во-первых, коммуникативные стратегии являются мощным инструментом в руках политиков. С их помощью политические лидеры способны влиять на общественное мнение, манипулировать и призывать к действию. Во-вторых, грамотное применение тех или иных стратегий может привести к победе над оппонентом.

Одной из наиболее полных классификаций коммуникативных стратегий является классификация О. Н. Паршиной. Согласно данной классификации все коммуникативные стратегии можно разделить на: 1) стратегию самопрезентации; 2) стратегию борьбы за власть; 3) стратегию удержания власти; 4) стратегию убеждения [Паршина 2007: 42–116].

Одной из особенностей предвыборного политического дискурса является применение лингвостилистических средств, которые помогают в реализации коммуникативных стратегий. Выступления представителя демократической партии, Дж. Байдена, характеризуются многочисленным использованием стилистических приемов, в частности, таких как метафора, лексический повтор, эпитет и противопоставление.

Особенности использования стилистических приемов в речи Дж. Байдена

Приступая к анализу выступлений Дж. Байдена, рассмотрим каждый стилистический прием по отдельности. *Метафора* является одним из часто употребляемых приемов в речи кандидата. В лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение термину метафора: «(от греч. метафорá – перенос) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле данный термин применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [ЛЭС 2002: 296]. Рассмотрим употребление данного тропа на примерах.

В рамках предвыборного мероприятия «Souls to the Polls» в городе Филадельфия, затрагивая тему экономики после нанесенного ущерба от COVID-19, Дж. Байден использует следующую метафору: «*The blinders have been taken off. The American people have seen, they've seen how bad things are*» [Biden 01.11.2020]. Под данной метафорой понимается то, что граждане Америки были слепы и не замечали многих вещей, происходящих в стране, так как в данном примере слово *blinders* используется в значении ‘шоры’.

В штате Делавэр в выступлении, касающемся плана по борьбе с пандемией, было сказано следующее: «*In June, when we began to see the resurgence of COVID-19, I called out President Trump for **wavering and waving the white flag of surrender** to the virus. But then, it was as if he decided to **go on offense for the virus**, holding rallies with no masks, no social distancing, where people contracted the virus. **Inviting the virus into the White House**, hosting what Dr. Fauci called super spreader event*» [Biden 23.10.2020].

В данном высказывании Дж. Байден использует сразу несколько метафор, дискредитируя своего соперника: «*wavering and waving the white flag of surrender*», «*go on offense for the virus*», «*inviting the virus into the White House*». Этот стилистический прием применяется для образного описания и сравнения с войной и бедственной ситуацией, что придает высказыванию большую эмоциональную окраску.

Применяя агитационную стратегию во время выступления 20 августа на съезде демократической партии, кандидат в президенты США говорит следующее: «*This campaign isn't just about winning votes. It's about winning **the heart**, and yes, **the soul of America***» [Biden 21.08.2020]. Под душой и сердцем Америки Дж. Байден подразумевает граждан страны. Использование данного средства в приведенном примере обеспечивает реализацию агитационной и манипулятивной стратегии.

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что в предвыборной речи кандидата на пост 46 президента США метафора используется для реализации стратегии борьбы за власть, а также для стратегии убеждения.

Говоря о *лексическом повторе*, следует отметить, что применение этого приема характерно для предвыборных выступлений многих политиков. Однако более подробно следует остановиться на данном стилистическом приеме и рассмотреть стратегии, которые были реализованы в речи Дж. Байдена благодаря употреблению повтора:

«*First. Anyone, anyone who needs to be tested based on medical guidance should be tested **at no charge, at no charge***» [Biden 12.03.2020]. В данном случае употребление лексического повтора обусловлено тем, что кандидат хочет заострить внимание слушателей, еще раз подчеркнуть основные моменты сказанного.

«*Parents already struggling with childcare costs. **We need** to give them relief. Children who rely on school lunches, **we need** to provide food for them. Schools **will need** to help in ensuring children who don't have easy access to computers can still learn if their schools shut down*» [Biden 12.03.2020]. В этой речи Дж. Байден несколько раз повторяет местоимение *we* и глагол *need*. Употребление личного местоимения множественного числа освобождает кандидата от назначения ответственного за вышесказанное, поэтому становится не понятно, кто «скрывается» за этим *we*, и кто должен обеспечить всем тем, что перечислил кандидат.

Во многих случаях применение лексического повтора способствует реализации стратегии дискредитации и нападения. Дж. Байден использует повтор, чтобы еще раз подчеркнуть недостатки своего оппонента, а именно представителя республиканской партии Д. Трампа. Эффект дискредитации достигается за счет употребления отрицательной конструкции *can't + V*: «*We have to beat Donald Trump and the Republican Party, but here's the deal. **We can't become like them. We can't become like them. We can't have a never-ending war***» [Biden 29.02.2020].

Также реализация стратегии дискредитации и нападения достигается путем повтора конструкций с частицей *no*, что придает сказанному отрицательные коннотации: «... ***no real leadership** or plan from the President of the United States how to get this pandemic under control. **No real help** for the states and local governments trying to fill the vacuum of leadership from the White House. **No real help** for children and educators...*» [Biden 12.08.2020].

Стратегия самопрезентации также реализуется с помощью лексического повтора: «*My dad used to say, Joe, your **job's about** a lot more than the paycheck. **It's about** your dignity. **It's about** decency, respect. **It's about** your place in the community*» [Biden 29.02.2020]. В этом примере кандидат раскрывается исключительно с положительной стороны, повтор позволяет правильно расставить акценты на важных отрезках предложения.

Лексический повтор является наиболее частым в употреблении стилистическим приемом в предвыборной коммуникации, который позволяет говорящему правильно и точно расставить смысловые ударения в конкретной фразе. Слушатели запоминают именно ту информацию, которая была повторена несколько раз, а ее повторение было обусловлено желанием говорящего донести ту или иную информацию до слушающего, поэтому можно также говорить о применении манипулятивной стратегии по отношению к избирателям.

Следующим приемом, который способствует реализации коммуникативных стратегий в предвыборном политическом дискурсе, является *эпитет*. «Эпитет – (греч. *epitheton* – приложенное) – вид тропа, образное определение, подчеркивающее какое-либо свойство предмета или явления, обладающее особой художественной выразительностью» [Белокурова 2006: 207]. Эпитет позволяет наделить слово или фразу эмоциональной окраской, что обеспечивает реализацию стратегии формирования эмоционального настроения адресата. Кроме того, посредством использования в речи эпитетов говорящий показывает свое отношение ко всему сказанному, что влияет на выбор электората.

При описании граждан США Дж. Байден использует эпитеты исключительно с положительной коннотацией, тем самым кандидат показывает свою любовь и уважительное отношение к своим избирателям. Путем этого он воздействует на их эмоциональный настрой, добиваясь их доверия и поддержки: «*He doesn't give us much credit, but the American people are **smart, honest, decent, and they're hard working***» [Biden 09.09.2020].

В отношении же своего оппонента Дж. Байден не так позитивно настроен, в данном случае используются эпитеты с отрицательной коннотацией: «*Even before President Trump's **failed** response to COVID-19 crashed through our economy, his **reckless and chaotic** trade policy had thrown American manufacturing into recession*» [Biden 09.09.2020].

Дж. Байден, говоря о COVID-19, не упускает возможности упомянуть безответственное отношение бывшего президента в отношении пандемии. С помощью эпитетов кандидат подчеркивает опасность болезни и серьезность сложившейся ситуации: «*He knew **how dangerous** it was. Now, while this **deadly** disease ripped through our nation, he failed to do his job on purpose*» [Biden 09.09.2020].

В приведенных примерах особенно видны различия в употреблении эпитетов по отношению к избирателям и своему оппоненту.

Противопоставления также являются неотъемлемой частью предвыборных выступлений Дж. Байдена:

«*For **love** is more powerful than **hate**, **hope** is more powerful than **fear**, and **light** is more powerful than **dark***» [Biden 21.08.2020];

«*We choose **hope** over **fear**. We choose **unity** over **division**. We choose **science** over **fiction** and yes, we choose **truth** over **lies**, the multiple lies he repeats*» [Biden 01.11.2020].

В рассмотренных примерах Дж. Байден использует такие пары антонимов как: *love – hate; hope – fear; light – dark; unity – division; science – fiction; truth – lies*. Исходя из контекста, становится понятно, что себе он приписывает слова с положительным значением, а своему конкуренту – напротив. Используя противопоставления, кандидат реализует манипулятивную стратегию по отношению к своим избирателям, предоставляя им выбор. Однако данный выбор является весьма условным, так как заранее предусмотрен кандидатом. Дж. Байден показывает, что, проголосовав за него, граждане получают гораздо лучшую жизнь, чем при президентстве Д. Трампа.

Выводы

В заключении следует отметить, что применение стилистических приемов способствует не столь агрессивной реализации тех или иных коммуникативных стратегий. Через конкретные приемы говорящий, в нашем случае кандидат в президенты США, пытается управлять сознанием своих избирателей, преподнося информацию так, что слушающие будто бы сами делают выбор в его пользу.

Список источников

Biden J. 1.11.2020. Biden Campaign Event Speech Transcript Philadelphia November 1 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-event-speech-transcript-philadelphia-november-1> (Дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 21.08.2020. Biden 2020 DNC Speech Transcript August 21 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-2020-dnc-speech-transcript> (Дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 29.02.2020. Biden Victory Speech Transcript: Biden Wins South Carolina Democratic Primary February 29 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-victory-speech-transcript-biden-wins-south-carolina-democratic-primary> (Дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 12.03.2020. Biden Speech Transcript on Coronavirus: March 12, 2020 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-speech-transcript-on-coronavirus-march-12-2020> (Дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 12.08.2020. Biden and Kamala Harris Speech Transcript August 12: First Campaign Event as Running Mates // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-and-kamala-harris-speech-transcript-august-12-first-campaign-event-as-running-mates> (дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 9.09.2020. Biden Speech Transcript Warren, Michigan September 9 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-speech-transcript-warren-michigan-september-9> (Дата обращения: 23.09.2023).

Biden J. 23.10.2020. Biden Plan to Combat COVID-19 Speech Transcript October 23 // Rev 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-plan-to-combat-covid-19-speech-transcript-october-23> (Дата обращения: 23.09.2023).

Список литературы

Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 707 с.

Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2007. 227 с.

A. M. Kozlova

Student of the Faculty of Foreign Languages

Mordovia State University

**STYLISTIC DEVICES TO IMPLEMENT COMMUNICATIVE STRATEGIES
IN THE POLITICAL DISCOURSE OF J. BIDEN**

The article aims to describe stylistic devices to implement communicative strategies in the political discourse, particularly, pre-election discourse of J. Biden. A wide range of stylistic devices helps to realize J. Biden's communicative plans. The author carries out an analysis of such stylistic means as metaphor, epithet, lexical repetition and contradistinction, as they help the politician realize his communicative strategies.

Key words: political discourse; communicative strategies; metaphor; lexical repetition; epithet; contradistinction.

УДК 811.112.2

Алина Алексеевна Чернышова
студент филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
aline.chernyshova@gmail.com

ВЕРБАЛЬНЫЕ И ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К НЕМЕЦКИМ НОВОСТНЫМ СЮЖЕТАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании типичных способов выражения оценки в немецкоязычных комментариях к новостным сюжетам, освещающим политические события. В ходе количественно-качественного анализа было установлено доминирование негативной оценочности и, как следствие, большее разнообразие способов выражения отрицательной оценки. В статье представлены выявленные способы выражения оценки на лексическом (окказионализмы, диминутивы, языковая игра и др.) и синтаксическом (односоставные предложения, синтаксический параллелизм и др.) уровнях, а также рассмотрены стратегии имплицитного оценивания и особенности невербального выражения оценки при помощи эмодзи.

Ключевые слова: интернет-комментарий; интернет-коммуникация; отрицательная оценка; немецкоязычный политический дискурс; аксиологическая лингвистика.

Введение

Динамичность и неустойчивость жанровых форм интернет-общения ставят всё новые задачи не только перед лингвистическими направлениями, изучающими функционирование новых медиа, но и перед политической лингвистикой, для которой «дискурс общественного мнения», противопоставленный текстам профессиональных политиков и журналистов, приобретает всё большее значение [Фенина 2015: 29]. Современный политический процесс «во многом осуществляется в сфере политической коммуникации» [Балынская 2008: 73], протекающей в том числе в интернет-среде.

Одним из значимых жанров обыденного политического дискурса является жанр интернет-комментария. Немецкая исследовательница Я. Терейк (J. Tereick) считает комментарии на YouTube показательным примером проявления партиципаторной культуры [Tereick 2011]. Комментарии не проходят проверку непосредственно перед публикацией и являют собой образец живой естественной речи, причем речи смешанной формы: лексемы и синтаксические конструкции, свойственные устной речи, в комментариях оформляются письменно. Более того, комментарии не регламентируются и с точки зрения содержания: развертывание авторской мысли в них не подчиняется строгим моделям. Авторы комментариев никак не ограничены в выборе языковых средств и не связаны этическими соображениями [Викторова, Пантеева 2023: 68]. Вышесказанное объясняет огромное разнообразие и немалый экспрессивный потенциал доступных комментаторам средств выражения авторской интенции.

Важность рассмотрения аксиологического аспекта содержания комментариев обусловлена их прагматической функцией. Оценка – наиболее яркий представитель прагматического значения в языке [Арутюнова 1988: 5]. В жанре интернет-комментариев, безусловно, особую значимость приобретает фактор говорящего, благодаря которому комментарии могут служить индикатором политической активности общества. Однако не менее важен и фактор адресата. Комментарии дают интернет-пользователям возможность открыто и массово высказывать свое отношение к действиям властей, «что в итоге может повлиять на ход политического процесса». Понятия, с которыми категория оценки соотносит язык – норма и нормативная картина мира, альтернатива и выбор, практическое рассуждение и принятие решений [Арутюнова 1988: 4] – актуализируются и в политическом сознании участников сетевой коммуникации. В этой связи неудивительно, что аксиологические исследования коммуникации интернет-пользователей приобретают особую актуальность.

Выражение оценки в интернет-комментариях

Настоящее исследование проводилось с применением методов количественно-качественного контент-анализа и лингвоаксиологического анализа. Материалом для него послужили 1998 комментариев к 10 новостным сюжетам о событиях внутренней политики Германии, которые выгружены на официальных YouTube-каналах медиакомпаний Deutsche Welle (признана СМИ-иноагентом в России) и WDR с июля по сентябрь 2023 г.

По результатам количественно-качественного анализа, 1490 из 1998 комментариев были расценены как содержащие положительную или отрицательную оценку, что составляет 74,6% от общего числа проанализированных комментариев. Обращает на себя внимание несимметричность распределения положительных и отрицательных оценок. Позитивную оценку содержало всего 7% проанализированных комментариев, стратегии оценки в которых в большинстве случаев сводились к использованию невербальных средств (эмодзи-сердца) и мелиоративной лексики («*Ich denke, es ist eine sehr gute Idee*» [Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten]).

Подавляющее большинство комментариев содержит отрицательную оценку, и именно негативно-оценочные контексты демонстрируют наибольшее разнообразие средств и способов конструирования оценочных смыслов, в связи с чем мы находим необходимым сосредоточиться на рассмотрении негативной оценки в настоящем исследовании.

Одним из экстралингвистических факторов, объясняющих наблюдаемую асимметрию полярности, может быть отключение счётчика дизлайков на YouTube в ноябре 2021 г. Функция «дизлайк» формально сохранена, но пользователь больше не видит количества негативных невербальных оценок, не чувствует репрезентации своего мнения, поэтому, вероятно, испытывает потребность в дополнительной вербальной экспликации оценки.

Лексический уровень

Анализ лексических средств выражения оценки показал, что в большинстве негативных комментариев использовалась экспрессивно окрашенная лексика (здесь и далее орфография и пунктуация автора комментария сохранены):

«Die deutsche Wirtschaft ist **dem Untergang geweiht**. Und das wissen die **Ampel-Loser**» [Bundesregierung will Wirtschaft mit Milliarden-Paket ankurbeln | DW Nachrichten];

«In meinen Augen werden deren Auflagen oder Ideen immer **lächerlicher!**» [So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten].

Такие лексемы, как *Loser*, *lächerlich* и т. п., содержат сему негативной оценки и в большинстве контекстов трактуются как негативно коннотированные, что позволяет говорить об эксплицитности оценки.

Однако отдельно хотелось бы остановиться на эмотивно-нейтральных лексемах, приобретающих коннотативное негативное значение в контексте всего высказывания. Такие случаи тем интереснее для анализа, что они доказывают необходимость поверять оценочную модальность высказыванием в целом, а не отдельными его компонентами [Вольф 2002: 11]. С нейтральной лексикой, участвующей в создании оценочных смыслов, мы часто сталкиваемся в случаях, когда объектом оценки становится политический деятель, а не проводимая им политика. В комментариях с эксплицитно выраженной негативной оценкой слова-обозначения людей (*Personenbezeichnungen*), даже нейтральные сами по себе, приобретали пейоративную окраску и употреблялись, чтобы подчеркнуть некомпетентность соответствующих лиц:

«Jetzt kommt der **Hühnerzüchter** auf einmal mit Wasserstoff daher. Ich lach mich kaputt!» [Energiewende: Bundesregierung will Produktion von Wasserstoff verdoppeln | Aktuelle Stunde].

Один из комментаторов выразил пренебрежительное отношение к министру иностранных дел Германии Анналене Бербок при помощи диминутива *Annalachen*:

«Strom wird aus Kobolden gemacht, wenn man dem **Annalachen** Glauben schenken darf, Habeck weiß nicht wo Strom herkommt. Zumindest nicht in naher Zukunft, er hat ja alles abgeschaltet diese Blitzbirne» [Kretschmann kritisiert Habecks Heizungsgesetz: „Ein bisschen übertrieben“ | WDR Aktuelle Stunde].

Эксплицитная отрицательная оценка, содержащаяся в других компонентах высказывания (в частности, пренебрежительное *Blitzbirne* – ‘дурак, болван’) позволяет сделать вывод о том, что в данном случае актуализировано именно уничижительное значение диминутива, а не значение ласкательности, малого размера и т. д.

Особого упоминания заслуживают пейоративные окказионализмы. Автор комментария: «Wann wird endlich die Immunität von **Blaehbock** aufgehoben?» [Neue Leitlinien der nationalen Sicherheit? Regierung stellt Sicherheitsstrategie] – встроил в фамилию Анналены Бербок (Baerbock) корень *-bläh-*, имеющий значение ‘газы, вздутие, метеоризм’. Специфика видеохостинга предполагает активное непрерывное общение и обмен мнениями (а значит, и способами выражения этих мнений) между большим количеством адресантов и адресатов, поэтому можно предположить, что подобные авторские неологизмы со временем могут получить более широкое распространение в немецком интернет-дискурсе и пополнят постоянный словарный состав интернет-языка.

Использование окказиональных слов тесно связано с приемом языковой игры, к которому также прибегали многие комментаторы: «*Traum-Land, oder Alptraum*» [Kindergrundsicherung: Das plant Familienministerin Lisa Paus ganz konkret | WDR aktuell], – лексема Traum полисемична и может означать как ‘мечту’, так и ‘сон’, а в сочетании со словом Alptraum – ‘ночной кошмар’ – реализуется в противопоставлении «страны мечты» и «[страны] кошмара»; «*Ja, wir schaffen es, Deutschland endgültig abzuschaffen....*» [Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten] – путем аффиксации из слова *schaffen* (здесь: ‘справиться с чем-л.’) образован глагол *abschaffen* – ‘уничтожать’).

Синтаксический уровень

На синтаксическом уровне нас интересовало, как оценочные смыслы могут реализовываться в предложениях разных коммуникативных типов.

В повествовательных предложениях отрицательная оценка часто выражалась в сложноподчиненных предложениях с придаточным изъяснительным, субъектом которых выступал обобщенный образ человека, придерживающегося противоположного мнению комментатора взглядов:

«*Natürlich ist die AfD eine rechtspopulistische Partei, wer das nicht sieht hat Tomaten auf den Augen!*» [21% der Deutschen wollen die AfD wählen – wie umgehen mit der Partei? | DW Nachrichten].

«*Wer 2023 noch meint, die Prohibition wäre der richtige Weg, hat einfach den Schuss nicht gehört*» [Cannabis-Legalisierung: NRW will doch keine Modellregionen | WDR aktuell].

Свойственная интернет-комментариям как жанру тенденция к лаконичному выражению мыслей обусловила большое количество односоставных предложений, как вербальных (*Verbieten*), так и номинативных (*Schwachsinn*).

В следующем примере оценка, выраженная негативно коннотированными лексемами, интенсифицируется за счёт сочетания синтаксического параллелизма с лексическим повтором усилителя *immer*:

«*Immer der gleiche Müll! Immer die falschen Ansätze, immer auf Waffen setzen, immer nur Krieg, immer die gleichen Märchen!*» [Neue Leitlinien der nationalen Sicherheit? Regierung stellt Sicherheitsstrategie].

В побудительных предложениях ярче всего выражается фактор адресата, особенно актуальный для жанра интернет-комментариев, характеризующихся направленностью от одного ко многим (в этом случае автор комментария пытается склонить общественность к определенным политическим убеждениям: «*Leute glaubt nicht was die sagen*»)» [Kindergrundsicherung: Das plant Familienministerin Lisa Paus ganz konkret | WDR aktuell], а также от одного к одному в ветках-полилогах («*Geh erstmal Deutsch lernen*» [Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten]).

Говоря о вопросительных предложениях, следует признать самой частотной стратегией формулирование риторических вопросов:

«*Wer will bitte kontrollieren ob man 25g oder 250g zu Hause hat*» [So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten].

«*Was ist das heute schon noch wert ?*» [Schmerzensgeld in Rekordhöhe wegen sexualisierter Gewalt im Erzbistum Köln | WDR Aktuelle Stunde].

Здесь следует остановиться на роли пунктуации как одного из важнейших эксплицитных средств, участвующих в формировании оценочных смыслов – например, за счет использования преувеличенно большого числа знаков препинания. «*Für die Kinder wird nichts übrigbleiben!!!!!!!*» [Kindergrundsicherung: Das plant Familienministerin Lisa Paus ganz konkret | WDR aktuell] – восклицательные знаки придают негативной оценке бóльшую экспрессивность и эмоциональность; «*nett wie Menschen von sich auf andere schlissen.....*» [So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten] – в данном случае многоточие, состоящее из 5 точек, позволяет однозначно толковать высказывание как содержащее иронию и вследствие этого как негативно-оценочное.

Более того, пунктуация является своеобразным маркером, позволяющим верно определить интенцию автора, а значит, и полярность оценки. В частности, вопрос в комментарии «*Wenn Alkohol legal ist, warum nicht Cannabis?!*» [So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten] можно трактовать как риторический благодаря выбранным автором знакам препинания: восклицательный знак, следующий за вопросительным, даёт понять, что автор комментария формулирует вопрос не для того, чтобы разобраться в юридических тонкостях легализации опасных для здоровья веществ, а для того, чтобы экспрессивно выразить возмущение уже известным ему положением дел.

Стратегии имплицитного оценивания

Несмотря на анонимность сетевой коммуникативной среды, способствующую открытому выражению мыслей [Пушина 2018: 824], комментаторы во многих случаях прибегали к имплицитной оценке.

Одной из стратегий импликации отрицательной оценки было уже упомянутое формулирование риторических вопросов. Особенно часто эта стратегия использовалась комментаторами, прибегавшими к аргументу *ad hominem* и подвергавшими негативной оценке личность их оппонента в ветках комментариев-полилогах. Несогласие с точкой зрения собеседника и сомнение в его умственных способностях выражались в указании на плохое владение языком («*Waren mal wieder alle Deutsch-Kurse ausgebucht?*» [Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten]), юный возраст («*junge schau dich um , wie alt bist du 12 ?*» [там же]) или приверженность конспирологическим идеям («*Ist das jetzt die neuste Verschwörungs erzählung in deinem AfD-Stammtisch?*» [там же]).

Совершенно особая стратегия выражения оценочности связана с интертекстуальностью. Комментарии этой категории содержат имплицитную оценку, декодировать которую можно, только зная, к каким текстам, событиям и понятиям в немецкоязычном культурном пространстве отсылают авторы комментариев. Так, оценочный смысл комментария: «*Ich höre Olaf schon schreien: Wollt ihr die totale Sicherheit?*» [Neue Leitlinien der nationalen Sicherheit? Regierung stellt Sicherheitsstrategie] – создается за счет сравнения канцлера Германии Олафа Шольца с министром пропаганды Третьего рейха Й. Геббельсом, чья знаменитая речь во Дворце спорта содержала вопрос: «*Wollt ihr den totalen Krieg?*» [100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert – Joseph Goebbels, Rede im Berliner Sportpalast] Общность мнений о национал-социализме

в современном немецкоязычном пространстве – безусловное осуждение – позволяет однозначно трактовать эту имплицитную оценку как отрицательную, что к тому же подчеркивается выбором лексемы *schreien* ('орать, кричать'), содержащей негативную сему.

В число типичных стратегий импликации отрицательной оценки также можно включить иронию:

«*Erstklassige argumentaions Grundlage da kannste nee Dr Arbeit draus machen*» [So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten].

Имплицитное выражение отрицательной оценки может также осуществляться посредством развернутой метафоры. Анализ комментариев такого рода невозможен в отрыве от комментируемого текста.

«*Wer mehr und mehr Müll aufnimmt, braucht sich nicht zu wundern, wenn er zur Müllhalde wird!!!!*» ('Тому, кто принимает всё больше мусора, не приходится удивляться, что он становится свалкой') [Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten].

Только ситуативный контекст (в данном случае – знание того, что этот комментарий был опубликован под новостным сюжетом, сообщаемом о смягчении правил выдачи немецкого гражданства) позволяет понять, кто является объектом оценки и как автор комментария относится к тому, что Германия принимает всё больше иностранных граждан.

Невербальные средства выражения оценки

Среди невербальных средств в коммуникативном пространстве YouTube наибольший интерес представляют эмодзи, которые являются одним из немногих доступных комментаторам визуально-графических средств (т.к. в остальном пользователи видеохостинга ограничены его интерфейсом, предусматривающим определенный размер шрифта, его стиль, цвет и т.п.). В аксиологическом аспекте эмодзи тем интереснее, что они часто использовались в тех немногих позитивных комментариях, которые удалось выявить в ходе анализа. Так, сторонники партии Alternative für Deutschland (AfD) часто выражали свою солидарность с ее идеями сердцами синего цвета – официального цвета AfD.

Еще одна частотная стратегия связана с использованием эмодзи, означающего неудержимый смех, и маркирующего то, к чему он относится, как нелепое и смехотворное. Показательно, что этот эмодзи, очевидно, обладает большей независимостью от вербального контекста: во многих комментариях он использовался абсолютно самостоятельно и не сопровождался никакими дальнейшими пояснениями (в редких случаях комментатор добавлял временную метку, указывавшую на конкретный эпизод видео, вызвавший у него смех; если такой метки нет, эмодзи, как представляется, следует трактовать как нечто относящееся ко всему видео или событию, послужившему информационным поводом для новостного сюжета). Это доказывает несамостоятельность комментариев в структурно-семантическом отношении и подтверждает правильность определения их как субжанра, «бытующего в составе более сложного жанрового образования» и неразрывно связанного с исходным текстом [Щипицына 2015: 529].

Очень показателен с точки зрения привлечения визуально-графических средств для выражения оценки следующий пример:

«*Wer diesen ganzen grünen Sch💩s nicht mehr hören kann muss AfD wählen, was sonst? ❤️*» [Kretschmann kritisiert Habecks Heizungsgesetz: „Ein bisschen übertrieben“ | WDR Aktuelle Stunde].

Кроме типичного для сторонников AfD (а содержание комментария однозначно указывает на то, что его автор поддерживает именно эту партию) эмодзи синего сердца, в комментарии используется эмодзи-мороженое (нем. *Eis*, [aɪs]). Эмодзи встроен в конструкцию из букв sch ([ʃ]) и s, что вместе с [aɪs] соответствует фонетическому облику слова *Scheiß* (нем. ‘дерьмо’), которое в немецком языке имеет статус если не obscene, то во всяком случае стилистически сниженного. Эмодзи в данном случае выполняет эвфемизирующую функцию, смягчая резкость и категоричность непосредственно оценочной лексической единицы.

Выводы

Анализ способов выражения негативной оценки в комментариях политического характера показал, с одной стороны, тенденцию к воспроизводимости лексических и синтаксических средств, формирующих оценочные смыслы (многие комментарии строились по схожим моделям), с другой же стороны – богатство и разнообразие аксиологического арсенала комментаторов, в которых выразился огромный словотворческий потенциал жанра. Несмотря на отсутствие этических ограничений, многие комментаторы прибегали к имплицитным способам выражения оценки, таким, как метафора, ирония, интертекстуальные аллюзии. Объектом же оценки становились не только события внутренней политики Германии, но и сами немецкие политические деятели, а также убеждения и личности других комментаторов. Специфика видеохостинга, предоставляющего право голоса каждому пользователю и тем самым включающего его в сложную систему политической коммуникации, делает YouTube одной из важнейших цифровых площадок, функционирование которой способствует развитию партиципаторной культуры, и одновременно ценным материалом для лингвистических исследований, направленных на изучение аксиологического аспекта политической интернет-коммуникации.

Список источников

100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert – Joseph Goebbels, Rede im Berliner Sportpalast [“Wollt Ihr den totalen Krieg“], 18. Februar 1943. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0200_goe&object=translation&l=de (Дата обращения: 23.09.2023).

21% der Deutschen wollen die AfD wählen – wie umgehen mit der Partei? | DW Nachrichten. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ConYIZ63whY&list=LL&index=15> (Дата обращения: 15.09.2023).

Bundesregierung will Wirtschaft mit Milliarden-Paket ankurbeln | DW Nachrichten. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L0VRS-RuSuAU> (Дата обращения: 15.09.2023).

Cannabis-Legalisierung: NRW will doch keine Modellregionen | WDR aktuell. [Электронный ресурс].

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fyKvHZck1Mc&list=LL&index=7> (Дата обращения: 15.09.2023).

Energiewende: Bundesregierung will Produktion von Wasserstoff verdoppeln | Aktuelle Stunde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3A-Op-aJHBo> (Дата обращения: 15.09.2023).

Kindergrundsicherung: Das plant Familienministerin Lisa Paus ganz konkret | WDR aktuell. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1_z0JVOpvT0&list=LL&index=5 (Дата обращения: 15.09.2023).

Kretschmann kritisiert Habecks Heizungsgesetz: „Ein bisschen übertrieben“ | WDR Aktuelle Stunde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xYM-5AHwBNE> (Дата обращения: 15.09.2023).

Neue Leitlinien der nationalen Sicherheit? Regierung stellt Sicherheitsstrategie. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ye0dSG6gUbM&list=LL&index=9> (Дата обращения: 15.09.2023).

Schmerzensgeld in Rekordhöhe wegen sexualisierter Gewalt im Erzbistum Köln | WDR Aktuelle Stunde. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cxFqcxT_dp8 (Дата обращения: 15.09.2023).

So will die Bundesregierung Cannabis legalisieren | DW Nachrichten. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=et8RoDoBVnI&list=LL&index=8> (Дата обращения: 15.09.2023).

Zuwanderer sollen schneller Deutsche werden können | DW Nachrichten. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9IEbOFXhPTc&list=LL&index=10> (Дата обращения: 15.09.2023).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.

Балынская Н. Р. К вопросу о функционировании журналистики в субъектном поле российской политики на современном этапе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 73–76.

Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // Жанры речи. 2023. Т. 18, №1(37). С. 66–73.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Пушина М. П. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28, № 5. С. 824–831.

Фенина В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 29–34.

Щипицына Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. № 2. С. 528–532.

Tereick J. YouTube als Diskurs-Plattform. Herausforderungen an die Diskurslinguistik am Beispiel ‚Klimawandel‘ // Schumacher J., Stuhlmann A (Hrsg.). Videoportale: «Broadcast Yourself»? Versprechen und Enttäuschung. Hamburger Hefte zur Medienkultur. 2011. №12. P. 59–68.

A. A. Chernyshova

Student of Philological Faculty
Saint Petersburg State University

**VERBAL AND VISUAL-GRAPHIC MEANS OF EVALUATION EXPRESSION
IN THE INTERNET COMMENTS TO GERMAN POLITICAL NEWS STORIES**

The purpose of this study is to identify and describe the typical means of evaluation expression in the German comments to the news stories concerning political events. The quantitative and qualitative analysis has revealed the dominance of negative evaluation resulting in a wide variety of means of expressing it. The article presents the identified lexical (e.g. nonce words, diminutives, language play) and syntactic (e.g. one-part sentences, syntactic parallelism) means of evaluation, as well as considering strategies of implicit evaluation and non-verbal evaluation involving emojis.

Key words: Internet comments; Internet communication; evaluation expression; German political discourse; axiological linguistics.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Васильев М. П. Подходы эффективного коммуникативного воздействия на основе фразеологических единиц в англоязычной и русскоязычной рекламе	3
Говейнович А. А. Межфразовые связи в текстах сетевой коммуникации	11
Кушнина Я. П. Медиатизация общества через призму глянца	17
Яо Бо. Коммуникативные стратегии выражения семейных ценностей в текстах китайской социальной рекламы	23

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Бондарева К. А., Левина М. С., Меньшенина Е. М. Формирование внутренней мотивации при обучении иностранному языку в дистанционном формате	31
Пушкова А. С. Меж- и внутриязыковой трансфер на начальном и пороговом этапах формирования русско-чешского учебного билингвизма	38
Шистерова А. А. Формирование межъязыковых тематических полей при учебном билингвизме	45
Шумилова Л. Р. Оценка китайскими студентами русских ИК-1 и ИК-2	52

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бай Линсяо. Когнитивный признак <i>удача</i> в оппозиции <i>счастье – несчастье</i> (на материале китайских чэньюй)	58
Петрищева А. Д. Трудности перевода с русского языка на китайский язык	65
Раввина Ю. С. Нефинитное употребление глагольных форм как наследие португальского инфинитива в креольском языке Макао	71
Синявская А. С. Предложения с параметрическими предикатами в англоязычных журнальных текстах	79

ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ЭТНОГРАФИЯ

Загайнова Д. О. Участники заговорно-заклинательного акта, их разновидности и функции (на материале заговоров от кровотечения и ран в восточнославянской традиции).....	85
Захарова А. О. Концепты <i>стыда</i> и <i>позора</i> в свадебной обрядности Русского Севера	92
Коваль Д. А. Языковая личность диалектоносителя: проблемы изучения. Словарь языковой личности	100
Чепурнова А. А. Ритуальные символы в похоронном обряде и атрибуты пути в волшебной сказке	108
Четыркина В. В. Познание места через травелог: особенности студенческой практики ...	116

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дртоиз А. А. «Страшная» детская мифология в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...»	121
Ильина А. А. Оппозиция <i>свой – чужой</i> в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином»	128
Катаева Е. В. Образ героя-эмигранта в цикле «Рассказы не о любви» Н. Н. Берберовой ...	132
Лань Си. Особенности переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Китае в XX в.	138
Мичич Г.-М. Понятие о <i>другом</i> в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста»	147

Николич М. Библизмы в романе «Преступление и наказание» и их переводы на сербский язык	154
Сун Бицзюнь. Влияние и новаторство: повесть «Царь-рыба» В. Астафьева и повесть и рассказ «Рыба» А Лай	160
Сухоставская А. В. Система персонажей в романе Т. Толстой «Кысь»	167
Стрельникова В. Г. Судьбы постсоветской русскоязычной литературы: случай «левантийской литературы» Александра Гольдштейна	172
Шмакова К. А. Фольклоризм повести М. Ю. Лермонтова «Тамань»	179

СТИЛИСТИКА. ДИСКУРС. ТЕКСТ

Дорогушкина И. А. Употребление культурно-маркированной лексики в массмедийном пространстве США	184
Ковалёнок А. С. Сюжетно-образное решение рекламных афиш кандидатов в президенты Франции	190
Козлова А. М. Стилистические приемы реализации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе Дж. Байдена	195
Чернышова А. А. Вербальные и визуально-графические средства выражения оценки в интернет-комментариях к немецким новостным сюжетам политического характера	201

Научное издание

Я и Другой в языке и культуре

Сборник материалов международной конференции,
студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, ПГНИУ, 30 октября – 3 ноября 2023 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка:
А. Ю. Бурлака, К. А. Еремеева, Д. А. Сухоева

Объем данных 4,68 Мб
Подписано к использованию 20.12.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15